

ISSN 0131-6117

Русь-

R U S S I A N

Сказья

S P E E C H

речь

2023

5

СЕНТЯБРЬ—
ОКТЯБРЬ

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЪДЯ
SPEECH
речью

МОСКВА, 2023

5

СЕНТЯБРЬ—
ОКТАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: О. В. Антонова
Зав. отделами: А. В. Занадворова, М. А. Пузина

Статьи отбираются редколлгией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2023

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2023

5

**SEPTEMBER –
OCTOBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia
Anna V. Znadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Olga V. Antonova
Editorial staff: Anna V. Znadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... Т. В. Ковалевская, А. А. Садчикова. Способы сохранения
гендерной неопределенности персонажей
при переводе с английского языка на русский
- 19..... М. А. Кронгауз. Прагматическая категория лица
в теории личных имен
- 32..... А. А. Прокопенко. *Кстати*, которое не всегда кстати:
специфика употребления единицы в современной
устной повседневной речи
- 45..... И. А. Шаронов. Сравнительный оборот «как грязи»
в диахроническом аспекте

Из истории русского языка

- 52..... А. И. Грищенко. Древнерусская *фита* и новгородский *талмуд*
- 69..... С. С. Земичева. Концепт «Документ» в речи крестьян
(по материалам Томского диалектного корпуса)
- 81..... М. О. Новак. Пульпеты и с чем их едят: к истории слова

Язык художественной литературы

- 93..... И. А. Виноградов. Чичиков: смысл прозвища героя «Мертвых душ»
- 106..... О. Л. Довгий. Полиптотон в лирике Пушкина
- 117..... В. А. Коршунков. Голубая лошадь гоголевского Ноздрева:
цветообозначения и конские масти

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... Tatyana V. Kovalevskaya, Anna A. Sadchikova. The Ways of Keeping Gender Ambiguity of Characters in Translation from English into Russian
- 19..... Maxim A. Krongauz. Pragmatic Category of Person in the Theory of Personal Names
- 32..... Anastasiia A. Prokopenko. *Kstati (For Good Measure)*, Which is Not Always a Good Measure: the Specifics of the Use of the Unit in Modern Oral Everyday Speech
- 45..... Igor' A. Sharonov. Comparative Construction "Kak Griazi" (*Dime a Dozen*, Lit. *Like Dirt*) in Diachronic Aspect

From the History of the Russian Language

- 52..... Alexander I. Grishchenko. The Old Russian *Theta* and a Novgorodian *Talmud*
- 69..... Svetlana S. Zemicheva. Concept "Document" in the Speech of Peasants (Based on the Materials of the Tomsk Dialect Corpus)
- 81..... Maria O. Novak. *Pulpety* and How to Eat Them: To the Word's History

The Language of Fiction

- 93..... Igor' A. Vinogradov. Chichikov: The Name of the Main Character of "Dead Souls"
- 106..... Ol'ga L. Dovgij. Polyptoton in Pushkin's Lyrics
- 117..... Vladimir A. Korshunkov. Light-Blue Horse of Nikolai Gogol's *Nozdryov*: Color Terms and Equine Coat Colors

Способы сохранения гендерной неопределенности персонажей при переводе с английского языка на русский

Татьяна Вячеславовна Ковалевская¹, Анна Александровна Садчикова²,
Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), ¹tkowalewska@yandex.ru,
²anna_sadchikova99@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170028363-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются проблемы, возникающие при попытке сохранить в переводах на русский язык гендерную неопределенность героев (когда точное указание на то, является ли персонаж мужчиной или женщиной, отсутствует; гендерную неопределенность авторы статьи отличают от гендерной нейтральности). В частности, уделяется внимание особенностям перевода текстов, где повествование ведется в прошедшем времени, так как в силу различного грамматического строя русского и английского языков именно формы глаголов прошедшего времени представляют собой особую трудность при переводе. Отдельно анализируются перевод причастий и прилагательных и проблема женских и мужских склоняемых и несклоняемых имен. В статье предлагаются способы решения этих нестандартных переводческих задач, так как подобные формальные ограничения в текстах — явление новое и, как оказалось, практически не исследованное именно как переводческая проблема. Также в статье приводится классификация приемов работы с данной проблематикой и статистика наиболее частотных решений. Решение переводческой задачи по сохранению гендерной неопределенности при переводе с английского языка на русский представляется актуальной проблемой на современном этапе развития обоих языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер, гендерная неопределенность, категория рода, переводческие трансформации, синтаксические замены

для цитирования: Ковалевская Т. В., Садчикова А. А. Способы сохранения гендерной неопределенности персонажей при переводе с английского языка на русский // Русская речь. 2023. № 5. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170028363-8.

Issues of Modern Russian Language

The Ways of Keeping Gender Ambiguity of Characters in Translation from English into Russian

Tatyana V. Kovalevskaya¹, Anna A. Sadchikova², Russian State University
for the Humanities (Russia, Moscow), ¹tkowalewska@yandex.ru, ²anna_sadchikova99@mail.ru

ABSTRACT: The article studies the problems of keeping gender ambiguity of characters while translating from English into Russian. Gender ambiguity in a fictional text is literary device which lets the author conceal/veil the gender of a character so that their readers cannot be sure about it (the article distinguishes between gender neutrality and gender ambiguity). The work focuses on the methods of translating texts narrated in past tenses while keeping gender ambiguity of characters as it is the past tenses of verbs that are difficult to translate by virtue of differences in the grammar systems of the English and Russian languages. The article considers the translation of adjectives, participles, and declinable male and female names in Russian translations and proposes solutions for translation problems connected to these items. In addition, the paper gives a classification of translation methods used in handling this task and statistics of the most frequently used solutions. This is particularly relevant today as fictional texts with characters of undetermined gender are quite a novelty especially in Russian literature, and this topic has not been studied before from the perspective of translation problems it poses, while this is a highly relevant issue at the current stage of the development of English and Russian languages.

KEYWORDS: gender, gender ambiguity, category of gender, translational transformations, syntactic substitutions

FOR CITATION: Kovalevskaya T. V., Sadchikova A. A. The Ways of Keeping Gender Ambiguity of Characters in Translation from English into Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170028363-8.

Ф

еномен гендерной нейтральности и формы его языкового выражения в последнее время все больше интересуют исследователей. В настоящее время основное внимание уделяется формам гендерной нейтральности в иностранных языках (см., например, [Ульяницкая, Гореленко: 2021], [Зиновьева: 2017]), а также дискуссиям о возможных гендерно-нейтральных формах в русском языке. При этом как исследователи, так и активисты различных движений, связанных с вопросами пола и гендера, признают, что гендерная нейтральность в русском языке — вопрос неоднозначный, сложный, и в данный момент вряд ли можно предсказать, какие формы она может принять в русском языке и приживутся ли предлагаемые способы передачи гендерной нейтральности. Так, перечисляя возможные варианты языкового воплощения гендерной нейтральности, ученые отмечают: «На данном этапе не представляется возможным прогнозировать, войдут ли подобные варианты в поле языковых норм, однако сам факт существования подобных идей подчеркивает флексибильность языковой системы, тенденции к различного рода изменениям, в том числе обусловленным социальными причинами» [Боженко, Эм, Калиновская 2022: 1546]. Размышляя о возможности регулярного функционирования в русском языке гендерно-нейтральных местоимений, следует отметить, что даже часть сообщества небинарных активистов, т. е. людей, наиболее заинтересованных в появлении таких местоимений в русском языке, не требует соответствующих изменений [Андреевских, Першай, Ситникова: 2017].

Переводчики, однако, в этой ситуации находятся в особом положении. При работе с гендерно-неопределенным текстом на иностранном языке они вынуждены решать вопрос передачи гендерной неопределенности в переводе. В отдельных случаях гендерная нейтральность не имеет важного значения для переводимого текста, и вопрос о ее передаче в русском языке не стоит остро. Так, в книге «Темный властелин Деркхольма», написанной в жанре фэнтези, английская писательница Д. У. Джонс сделала пару третьестепенных героев-демонов гендерно-неопределенными, обозначая их местоимением *it*, а отношения между ними — словом *mate*. “The demon in his pocket ... is my *mate*, and he keeps *it* half-starved” [Jones 1998: 337; *курсив наш.* — Т. К. и А. С.]. В русском переводе О. Степашиной демоны обрели мужской и женский пол: «Демон у него в кармане <...> *моя супруга*, и этот гад уже заморил *ее* голодом до полусмерти» [Джонс 2013: 621; *курсив наш.* — Т. К. и А. С.]. Но то, что возможно сделать, не нарушая чрезмерно авторского замысла, в случае персонажей третьего ряда,

где гендерная неопределенность не играет важной роли, невозможно там, где гендерная неопределенность является существенным элементом текста.

Сделаем небольшое терминологическое отступление. В данной статье мы предпочитаем термин «гендерная неопределенность», потому что в рассматриваемых ниже текстах отсутствует социальная составляющая, не ставятся (по крайней мере напрямую) гендерно-политические проблемы. Таким образом, эти тексты можно рассматривать как своеобразный вариант «литературы формальных ограничений» [Бонч-Осмоловская: 2005], но построенный не на отсутствии, например, самой частотной во французском языке буквы «е», как в романе Ж. Перека «La Disparition» (в русском переводе В. Кислова он называется «Исчезание», и там не используется самая частотная в русском языке буква «о»), а на отсутствии рода главного персонажа. Как и при переводе любого произведения «литературы формальных ограничений», переводчик не может волевым решением отменить главный формальный принцип построения текста. Даже если для создания гендерно-неопределенного персонажа могли быть внелитературные, социальные причины (об этом мы скажем ниже), конечный результат является прежде всего литературным.

Как указывали, например, авторы уже процитированной нами статьи, «русский язык, в отличие от английского, является менее гендерно нейтральным, так как до сих пор сохраняет категорию рода как полноценное грамматическое явление. Все существительные в русском языке принадлежат к одному из трех существующих родов <...>. Также категория рода отражается в притяжательных местоимениях, глагольных и отглагольных формах, формах прилагательных» [Боженко, Эм, Калиновская 2022: 1544]. При такой постановке вопроса может показаться, что задача сохранения гендерной неопределенности невыполнима, особенно если повествование в оригинале ведется в прошедшем времени, ведь тогда в русском языке у глаголов должна неизбежно появиться флексия с категорией рода. Но сделать перевод на русский язык и сохранить гендерную неопределенность героя возможно.

В данной статье мы рассмотрим данную проблему на примере двух текстов: первой главы романа Сары Кодвелл «Так был убит Адонис» (*Thus was Adonis Murdered* Sarah Caudwell) и рассказа Пола Макквейда «Дар языков» (*A Gift of Tongues* Paul McQuade), хотя важно отметить, что проблемы, возникшие при их переводе, характерны для всех текстов с гендерно-неопределенными и гендерно-нейтральными героями.

Некоторые факты биографии выбранных нами авторов представляют интерес в разрезе возникновения гендерной неопределенности в их текстах. С. Кодвелл (псевдоним Сары Кокберн, 1939–2000) была юристом по образованию. Возможно, причиной создания гендерно-неопределенного персонажа была дискриминация, которой подвергались женщины как в Оксфорде, где Кодвелл училась [Grove: 2000], так и в мире юриспруденции [Stasio: 2000].

Пол Макквейд — шотландский писатель и переводчик, автор ряда рассказов, один из которых, “Per Aspera ad Astra”, вошел в антологию *Out There*:

An Anthology of Scottish LGBT Writing [Paul McQuade]. Возможно, с этим связана и гендерная нейтральность/неопределенность повествователя в рассматриваемом рассказе. Однако ни Кодвелл, ни Макквейл не делают в своих произведениях программных социальных заявлений, и, таким образом, переводчик при работе с этими текстами имеет дело, как мы уже указали, с разновидностью «литературы формальных ограничений», что вынуждает его (или ее) изыскивать способы сохранения гендерной неопределенности в текстах с повествованием в прошедшем времени. Ниже мы представим возможные способы решения этой проблемы.

Рассматриваемые тексты характеризуются следующими особенностями:

1. Повествование в обоих ведется от первого лица, что значительно упрощает работу переводчика, так как если в английском языке употребление местоимения множественного числа *they/them* вместо местоимений единственного числа *he* и *she* (а также новоизобретенных гендерно-нейтральных местоимений *thon*, *e*, *ae*, *xe*, *ze*, *zhe*, *ey*, *per*, *ve*, *hu*, *peh*, *fae*¹, которые предполагается использовать вместо традиционных «он/она» [Devin-Norelle: 2020], [Gender Pronouns]) уже стало нормой, то в русском языке процессов гендерной нейтрализации местоимений в широком употреблении не наблюдается. (О вариантах гендерно-нейтральных местоимений см. [Боженко, Эм, Калиновская 2022: 1546] и [Андреевских, Першай, Ситникова 2017] с предложением использовать старое двойственное «оне».) Однако при переводе эта проблема могла бы решаться использованием личных имен или существительных (профессия, должность) вместо местоимений, а в случаях употребления в английском языке притяжательных местоимений — их опущением.
2. Синтаксис романа Кодвелл характеризуется витиеватыми сложно-подчиненными предложениями, что дает больше пространства для синтаксических преобразований и облегчает задачу переводчика. Рассказ Макквейда по большей части состоит из диалогов, в коротких репликах иногда сложнее проводить синтаксические замены.
3. Повествование романа за исключением введения ведется в прошедшем времени. В рассказе часть событий описывается в прошедшем времени, часть — в настоящем, что тоже дает больше возможностей для переводческих трансформаций.

При переводе может возникать неочевидная на первый взгляд проблема наименования персонажа — иногда в переводе на русский язык нужно менять имя и фамилию так, чтобы они заканчивались на гласный звук, в противном случае склоняемое мужское или несклоняемое женское имя и/или фамилия «выдадут» пол персонажа. Также важно учитывать культурный контекст, чтобы

¹ Это искусственно созданные местоимения; каждое из них имеет собственную парадигму и призвано заменить местоимения *he/she*. Есть отдельные примеры их употребления, но, судя по использованию небинарных местоимений на различных американских платформах типа Reddit, «they» является наиболее популярным гендерно-нейтральным местоимением.

у читателей не было ассоциаций имени с определенным полом, в противном случае большинство читателей не сможет заметить главную особенность персонажей — их гендерную неопределенность. Таким образом, главного персонажа романа Кодвелл, в оригинальном тексте именуемого Hilary Tamar, в переводе было решено назвать Рене Келли, поскольку имя Хилари у русского читателя ассоциируется главным образом с женщинами, например с Хилари Клинтон или актрисой Хилари Суонк.

Основную сложность при переводе составляют глаголы прошедшего времени: хотя в обоих языках формы прошедшего времени глаголов образовались от перфектных причастий, со временем в английском языке категория рода у глаголов полностью исчезла, а в русском языке она осталась только в формах единственного числа глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения ([Иванов 1990: 332–337], [Иванова, Чахоян, Беляева 1999: 202–206]). Проблема перевода глагольных форм прошедшего времени может решаться несколькими способами:

Заменой подлежащего, выраженного местоимением в именительном падеже, дополнением в косвенном падеже (винительном, дательном или предложном).

For the occasional night or two, **I am sure of** a welcome at Timothy's flat in Middle Temple Lane. **I feared**, however, that my presence for a whole month might place an excessive strain on his hospitality. [Caudwell 1983: 9]

У меня были все основания думать, что на одну-две ночи меня всегда приютят в квартире Тимоти на Мидл-Темпл-Лейн. Однако **меня не покидало опасение**, что его гостеприимство не выдержит моего пребывания там в течение целого месяца. (Здесь и далее перевод А. Садчиковой под редакцией Т. В. Ковалевской.)

Then **I remembered** something from Chapter 3. [McQuade 2019: 166]

Потом **мне вспомнилось** кое-что из третьей главы.

Путем комплексных трансформаций предложения, при которых полностью меняется грамматическая основа и таким образом фокус смещается с деятеля.

People ask me if I am from Hamburg. **I tell them that I haven't ever left Berlin.** [McQuade: 2019: 165]

Меня спрашивают, из Гамбурга ли я. **Я отвечаю, что вся моя немецкая жизнь протекала только в Берлине.**

I had at first been uncertain where I should stay. [Caudwell 1983: 9]

Сначала вопрос, где мне остановиться, был открытым.

But **I hadn't made** a mistake. **Had I?** [McQuade 2019: 164]

Но сейчас **не было ошибки. Ведь нет?**

Заменой подлежащего в первом лице единственного числа на подлежащее первого лица множественного числа (если в контексте фигурирует несколько человек):

I raised another question which was perplexing me. [Caudwell 1983: 15]

Мы затронули еще одну тему, которая меня беспокоила.

I spoke a language of errors, parataxis, and diminishing returns. [McQuade 2019: 165]

Мы общались на языке ошибок, примыканий и сокращающихся доходов.

Заменой времени глагола с прошедшего на настоящее, однако этот прием стоит использовать в последнюю очередь, если оказывается, что все остальные способы в данном отрывке применить невозможно.

I did not ask why Julia had made no earlier arrangements.... [Caudwell 1983: 13]

Я не задаю вопрос, почему Джулия не организовала отпуск заранее....

When **he talked** for anything longer than a sentence, slowing down to make sure **I could make him out**, I let the words pass over me like water. **I examined** the curve of his jaw, how the stubble didn't quite reach his cheeks, the way the sunlight through the window made one eye wolf-yellow. When **he asked** me about myself, **I responded** as best **I could**. [McQuade 2019: 162]

Когда **он говорит** больше одного предложения, замедляясь, чтобы убедиться, что **я его понимаю**, слова накатывают на меня волнами. **Я рассматриваю** линию его челюсти, щетину, не доходящую до щек, то, как в солнечном свете, падающем из окна, один глаз становится желтым, как у волка. Когда **он просит** меня рассказать о себе, **я отвечаю как могу**.

Перевод английских причастий также может вызвать затруднения. Причастия, используемые для передачи дополнительного действия, часто переводятся на русский язык деепричастиями, на употребление которых распространяется четкое правило монособъектности. И хотя уже длительное время в определенных контекстах норма расходится с узусом, особенно в устной речи [Кузнецова: 2021], в ряде случаев деепричастия в переводе употреблять нельзя. Например:

Оригинал	Неправильный перевод	Правильный перевод
Reaching the Public Record Office not much after ten, I soon secured the papers needed for my research and settled in my place. [Caudwell 1983: 9]	...добравшись до Государственного архива почти к десяти и обеспечив себя необходимыми документами, мне удалось найти удобное место.	...мне удалось добраться до Государственного архива почти к десяти, обеспечить себя необходимыми документами и найти удобное место.

Иногда под влиянием узуса возникает соблазн заменить личные формы деепричастными, но в рамках литературной нормы они неизбежно будут требовать подлежащего в именительном падеже, сохранить который при переводе текста, написанного в прошедшем времени, невозможно — тогда у глаголов возникнет флексия с категорией рода [Розенталь 1997: § 212].

Оригинал	Неправильный перевод	Правильный перевод
One night in his apartment in Kreuzberg, as I leafed through Die Gabe der Zungen in bed and waited for him to finish brushing his teeth, I called through to the bathroom to ask him why, when everyone else spoke to me in English, only he insisted on German. [McQuade 2019: 164]	Однажды ночью у него в квартире в Кройцберге листая в постели «Die Gabe der Zungen», пока он заканчивал чистить зубы, мне стало интересно , почему, когда все говорят со мной по-английски, он настаивает на общении на немецком.	Однажды ночью у него в квартире в Кройцберге, листая в постели «Die Gabe der Zungen», пока он заканчивает чистить зубы, я спрашиваю , почему, когда все говорят со мной по-английски, он настаивает на общении на немецком.

Отдельную сложность при переводе представляют собой именные части составных сказуемых, выраженные причастиями и прилагательными, что ведет к сохранению в переводе категории рода независимо от времени, в котором составлено предложение.

В таких случаях можно перевести причастие или прилагательное глаголом:

If you tell me that Julia could have managed to purchase a travel ticket, find her passport, pack her suitcase and catch an aeroplane, all without the aid of some competent adult, **I shall be obliged to disbelieve** you. [Caudwell 1983: 13] (Дословно: буду вынужден вам не поверить.)

Если вы скажете, что Джулия смогла купить билет, найти свой паспорт, упаковать чемодан и сесть в самолет без помощи компетентного взрослого человека, **я не поверю** вам.

Как и в случае с переводом глаголов прошедшего времени, можно провести комплексную трансформацию предложения как с сохранением местоимения первого лица единственного числа в качестве подлежащего (1), так и без (2):

(1)

I turn to leave but stop, **unable** to shake something. [McQuade 2019: 173]

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но останавливаюсь, **как будто не в силах** от чего-то отделаться.

(2)

Happy to be of assistance to a fellow scholar, I consented. [Caudwell 1983: 9]

К нашей общей радости, этот вариант подошел и мне, и моему коллеге-ученому.

When at last I came to myself, it was almost eleven and **I was quite exhausted**: I knew I could not prudently continue without refreshment. [Caudwell 1983: 9]

Но уже через час **усталость взяла верх** — мне стало понятно, что без перерыва я не могу продолжать внимательно работать.

Также прилагательное возможно перевести **наречием**,
 The feeling that **I had to be alert**... was ...но у меня не получалось избавиться
 hard to shake... [McQuade 2019: 164] ся от ощущения, что **нужно быть**
начеку...

предлогом, выполняющим предикативную функцию,
 But **I am content** to make the sacrifice... Но **я не против** принести такую
 [Caudwell: 1983 p. 8] жертву...

и **деепричастием**.

Still **unsure** what to say, I nod. [McQuade Я киваю, все еще **не зная**, что ска-
 2019: 161] зать.

Перевести прилагательное прилагательным, сохранив при этом гендер-
 ную неопределенность персонажа, возможно, только заменив подлежащее,
 выраженное местоимением единственного числа, к которому оно относится,
 местоимением множественного числа.

A new apartment, **a new Thöre**. Новая квартира, **новые мы с Тёре**.
A new me. [McQuade 2019: 171]

В ходе работы нам показалось перспективным ранжировать методы по
 частоте и употреблению осуществляемых трансформаций, а также выявить
 факторы их применения. Больше всего трансформаций претерпевали глаго-
 лы прошедшего времени (108 случаев). Прилагательные, выполняющие роль
 именной части составного сказуемого, менялись 21 раз. Замена имени оказа-
 лась однократным явлением.

В ходе анализа встал вопрос о методике подсчета трансформаций — по
 сказуемым, которые нужно было трансформировать, или по абзацам пере-
 вода, являющимся относительно завершенными фрагментами текста. Такая
 методика подсчета возможна потому, что завершенные смысловые фраг-
 менты часто включают в себя однородные члены и параллельные конструк-
 ции, к которым необходимо применять одни и те же способы переводческих
 трансформаций, что нарушает чистоту подсчетов.

Результаты оказались неожиданными: при подсчете по сказуемым самой
 частотной трансформацией оказалась замена глагола прошедшего времени
 глаголом настоящего времени (68 раз), которая применялась в последнюю
 очередь, когда все остальные способы в данном контексте использовать не-
 возможно. Проанализировав отрывки, в которых проводилась эта трансфор-
 мация, можно сделать вывод, что в основном это были отрывки с воспоми-
 наниями главного героя рассказа Макквейда, в которых шло перечисление
 действий в прошедшем времени. Около половины заменяемых глаголов (33)
 не относятся к речи главного героя и описанию его действий, но, в силу невоз-
 можности заменить некоторые подлежащие в именительном падеже на до-
 полнения в косвенных и использовать деепричастные обороты, приходилось
 прибегать к замене времени глагола с прошедшего на настоящее, что влекло
 за собой необходимость трансформировать все сказуемые в данном отрывке.

Если же вести подсчет по абзацам, в которых проводились переводческие трансформации, то ожидаемо самым частотным приемом стала замена подлежащего в именительном падеже дополнением в косвенном падеже — она применялась 24 раза.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя прибегать к изменению времени глагола с прошедшего на настоящее стоит лишь в крайнем случае, эта трансформация может применяться так же часто, как и замена подлежащего дополнением в косвенном падеже и комплексные трансформации предложения.

Табл. 1. Статистика приемов передачи гендерной неопределенности

Table 1. Means of rendering gender ambiguity: statistics

	По глаголам:	По абзацам, в которых проводились трансформации:
Замена подлежащего дополнением в косвенном падеже	35	24
Комплексные трансформации	10	8
Замена подлежащего мест. в ед. ч. под- лежащим мест. во мн. ч.	5	5
Замена глагола в прош. вр. глаголом в наст. вр.	68	11
Замена прилагательного глаголом	4	4
Замена прилагательного наречием	1	1
Замена прилагательного предлогом	1	1
Замена прилагательного деепричастием	1	1

Итак, несмотря на то, что задача сохранить гендерную неопределенность персонажей при переводе на русский язык кажется невыполнимой, она решаема, и мы предлагаем ряд способов ее решения для различных частей речи.

Имена собственные при необходимости нужно менять на другие, заканчивающиеся на гласные.

Глаголы прошедшего времени возможно перевести четырьмя способами: 1) заменой подлежащего, выраженного местоимением в именительном падеже, дополнением в косвенном падеже, 2) проведением комплексных трансформаций предложения, часто полностью смещая фокус с деятеля, 3) заменой подлежащего, выраженного местоимением единственного числа, на местоимение множественного числа, а также 4) заменой времени глагола с прошедшего на настоящее.

Проблема перевода прилагательных и причастий, являющихся частью составного именного сказуемого, чаще всего решается изменением грамматической основы и переводом через глагол, но также возможен перевод наречиями, деепричастиями (когда повествование ведется в настоящем времени)

и предложениями. Перевести прилагательное прилагательным возможно только при замене подлежащего, выраженного местоимением единственного числа, на местоимение множественного числа.

Важно отметить, что при проведении этих трансформаций в переводе всегда необходимо учитывать контекст, а также особенности синтаксиса и повествования переводимого произведения, так как не все из перечисленных выше способов всегда могут быть уместны и релевантны.

Литература

- Андреевских О., Першай А., Ситникова Я. Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? // Makeout [Электронный ресурс]. URL: <https://makeout.space/2017/02/27/genderno-neytralnyy-yazyk.html> (дата обращения: 20.07.2022).
- Боженко Ю. С., Эм Л. С., Калиновская Е. А. Языковые признаки гендерной нейтральности в английском и русском языках (на примере интернет-публикаций) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1543–1547.
- Бонч-Осмоловская Т. Курс лекций «Комбинаторная литература, или определение, изучение и создание литературных текстов, основанных на формальных ограничениях» // Ashtray [Электронный ресурс]. URL: https://www.ashtray.ru/main/texts/bonch_course/lecture1.htm (дата обращения: 20.07.2022).
- Джонс Д. У. Темный властелин Деркхольма. СПб.: Азбука, 2013. 640 с.
- Зиновьева Е. С. Роль гендерно маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков) // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 12 (46) [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5313> (дата обращения: 20.07.2022).
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.», 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». СПб.: Лань, 1999. 512 с.
- Кузнецова С. М. Правило односубъектности при употреблении деепричастий: языковая норма и узус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 12. С. 3768–3772.
- Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб.: Комплект, 1997. 384 с.
- Ульяницкая Л. А., Гореленко И. М. Особенности использования феминитивов в английском, французском и русском языках на материале современной прессы // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2021. № 4 (88). С. 100–113.
- Caudwell S. Thus was Adonis Murdered. Harrisonburg, Penguin, 1983. 246 p.
- Devin-Norelle. Gender-neutral pronouns 101: Everything you've always wanted to know // Them [Электронный ресурс]. URL: <https://www.them.us/story/gender-neutral-pronouns-101-they-them-хе-хем> (дата обращения: 20.06.2022).
- Gender Pronouns. LGBTQ+ Resource Center University of Wisconsin [Электронный ресурс]. URL: <https://uwm.edu/lgbtrc/support/gender-pronouns/> (дата обращения: 20.06.2022).
- Grove J. C. Sarah Caudwell // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2000/feb/08/guardianobituaries1> (дата обращения: 20.07.2022).
- Jones D. W. The Dark Lord of Derkholm. New York, Greenwillow Books, 1998. 345 p.
- McQuade P. A Gift of Tongues. Best British Short Stories 2019 / ed. by N. Royle. Salt Publishing, 2019, pp. 159–175.
- Paul McQuade [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paulmcquade.com> (дата обращения: 10.06.2022).

Stasio M. Sarah Caudwell // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2000/02/06/nyregion/sarah-caudwell-60-lawyer-and-author-of-mystery-novels.html> (дата обращения: 20.07.2022).

References

- Andreevskikh O., Pershai A., Sitnikova Y. *Genderno-neitral'nyi yazyk i nebinarnye identichnosti: kak reformirovat' yazyk?* [Gender neutral language and nonbinary identities: How to reform the language?]. Available at: <https://makeout.space/2017/02/27/genderno-neitralnyy-yazyk.html> (accessed 20.07.2022).
- Bonch-Osmolovskaya T. [The course "Combinative literature or definition, study and creation of literary texts based on formal restrictions"]. Astray, 2005. (In Russ.) Available at: https://www.ashtay.ru/main/texts/bonch_course/lecture1.htm (accessed 20.07.2022).
- Bozhenko Y. S., Em L. S., Kalinovskaya E. A. [Linguistic signs of gender neutrality in the English and Russian languages (by the example of the Internet publications)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, v. 15, no. 5, pp. 1543–1547. (In Russ.)
- Caudwell S. *Thus was Adonis Murdered*. Harrisonburg, Penguin, 1983. 246 p.
- Devin-Norelle. Gender-neutral pronouns 101: Everything you've always wanted to know. *Them*. Available at: <https://www.them.us/story/gender-neutral-pronouns-101-they-them-xe-xem> (accessed 20.07.2022).
- Gender Pronouns. LGBTQ+ Resource Center University of Wisconsin. Available at: <https://uwm.edu/lgbtrc/support/gender-pronouns/> (accessed 20.07.2022).
- Grove J. C. Sarah Caudwell. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/news/2000/feb/08/guardianobituaries1> (accessed 20.07.2022).
- Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Ucheb. dlya studentov ped. in-tov po spec. "Rus. yaz. i lit."* [Historical grammar of Russian language. Textbook for students of teachers' training college majoring at Russian language and literature]. 3rd ed., Moscow, Prosveschenie Publ., 1990. 400 p.
- Ivanova I. P., Tchahoyan L. P., Belyaeva T. M. *Istoriya angliiskogo yazyka. Uchebnik. Hrestomatiya. Slovar. Seria "Uchebniki dlya vuzov. Spetsialnaya literatura"* [The history of English language. Textbook. Reader. Dictionary. "Textbooks for universities. Professional reading" run]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999. 512 p.
- Jones D. W. *The Dark Lord of Derkholm*. New York, Greenwillow Books, 1998. 345 p. (Russ. ed.: Jones D. W. *Temnyi vlastelin Derkhol'ma*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013. 640 p.)
- Kuznetsova S. M. [Monosubjectivity rule when using adverbial particles: Language norms and usus]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, v. 14, no. 12, pp. 3768–3772. (In Russ.)
- McQuade P. Gift of Tongues. *Best British Short Stories 2019*, ed. by N. Royle. Salt Publishing, 2019, pp. 159–175.
- Paul McQuade. Available at: <https://www.paulmcquade.com> (accessed 10.07.2022).
- Rozental D. E. *Spravochnik po pravopisanii i stilistike* [Guidebook on orthography and stylistic]. St. Petersburg, Complect Publ., 1997. 384 p.
- Stasio M. Sarah Caudwell. *The New York Times*, Available at: <https://www.nytimes.com/2000/02/06/nyregion/sarah-caudwell-60-lawyer-and-author-of-mystery-novels.html> (accessed 20.07.2022).
- Ulianitskaya L. A., Gorelenko I. M. [Specifics of the use of feminitives in English and Russian languages on the material of the actual press]. *Vestnik Kazhskogo natsional'nogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 4 (88), pp. 100–113. (In Russ.)
- Zinovieva Y. S. [The role of gender marked lexical units in the construction of masculinity and femininity in the discourse of gender oriented glossy magazines (on the material of the English and Russian languages)]. *Universum: Filologia i iskusstvovedenie*, 2017, no. 12 (46). (In Russ.) Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5313> (accessed 20.07.2022).

Прагматическая категория лица в теории личных имен

Максим Анисимович Кронгауз, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва), mkronhaus@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170028364-9

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье обосновывается введение прагматической категории лица для описания функционирования личных имен. К первому лицу относится самопредставление, ко второму — обращение, к третьему — все прочие употребления, которые условно обозначаются как референтные. Лицом называется определенная прагматическая позиция в высказывании, связанная с говорящим, адресатом или с чем-то/кем-то, не являющимся ни тем, ни другим.

В статье отмечается, что именно второе лицо (обращение) может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для первого и третьего лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Андрюшечка*, *Сашуленька*, *Верунчик* и т. п.

Выделенность второго лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать. Варианты, тяготеющие к использованию исключительно во втором лице, следует отнести к разговорной речи.

Таким образом, использование категории лица для личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, прагматика, лицо, личные имена, обращение, самопредставление, полная форма, краткая форма, уменьшительная форма
для цитирования: Кронгауз М. А. Прагматическая категория лица в теории личных имен // Русская речь. 2023. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170028364-9.

Issues of Modern Russian Language

Pragmatic Category of Person in the Theory of Personal Names

Maxim A. Krongauz, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow),
mkronhaus@yandex.ru

ABSTRACT: The article substantiates the introduction of pragmatic category of person to describe the functioning of personal names. The first person is used for self-representation, the second person for addressing, whereas the third one is connected to all other uses, which are conventionally designated as referential. The category of person is a certain pragmatic position in an utterance associated with a speaker, an addressee, or with something / someone that is neither one nor the other.

The article proposes that it is the second person (addressing) that can be considered a strong position in which the maximum set of options is possible. There are certain restrictions for the first and third person, for example, it is not recommended to use affectionate and other emotional variants of names: *Andryushechka, Sashulenska, Verunchik, etc.*

The emphasis on the second person is explained by the fact that addressing is a communicative point at which relations are established between the interlocutors: the speaker offers them, and the addressee can correct them. Options that tend to be used exclusively in the second person should be classified as colloquial speech. Thus, the use of the category of person for personal names makes it possible to conveniently formulate the rules for choosing a variant of a name, along with a meaningful interpretation.

KEYWORDS: Russian language, pragmatics, category of person, personal names, addressing, self-representation, full form, short form, diminutive form

FOR CITATION: Krongauz M. A. Pragmatic Category of Person in the Theory of Personal Names. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170028364-9.

В настоящей статье обосновывается введение прагматической категории лица для описания функционирования личных имен. Для этого вначале кратко описываются понятие личного имени и его важнейшие характеристики, а также категория лица.

Личные имена

Личные имена представляют собой особую лексическую категорию, которую можно выделить следующим способом: личные имена — это особый тип антропонимов, а антропонимы, в свою очередь, особый тип имен собственных. Таким образом, исходным в данной цепочке оказывается имя собственное, то есть слово (имя существительное) или словосочетание (именная группа), которое называет и идентифицирует уникальный объект, выделяя его из ряда подобных. Среди собственных имен особое место занимают антропонимы, то есть собственные имена людей. Это означает, что они называют и идентифицируют конкретного человека или группу людей. Среди антропонимов различаются личные имена, выделяющие конкретного человека, фамилии, отчества, прозвища и другие. Вот как определяются эти понятия в энциклопедиях.

Антропонимы:

«Собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена)» [ЛЭС, антропонимика: 36];

«Единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной» [Википедия]¹.

Личные имена:

«Социолингвистическая единица, разновидность имени собственного, один из главных персональных языковых идентификаторов человека или какого-либо одушевленного существа²» [Википедия].

В русском языке личные имена представляют собой особую лексическую группу, имеющую ряд специфических характеристик. Во-первых, они, как правило, однословны: это существительные с рядом специфических свойств³. Так, на уровне морфологии можно говорить о характерном для имен на -а или -я особом факультативном звательном падеже: *Маш, Тань, Серёж, Петь*.

Во-вторых, нужно отметить у многих, особенно распространенных, имен большое количество вариантов. С некоторой долей условности это можно было бы назвать богатым словообразованием. Условность заключается в том,

¹ Обращение к интернету и здесь, и во всех остальных случаях — 15 августа 2023 года.

² В настоящей статье рассматриваются личные имена исключительно человека.

³ Встречается и другое понимание личных имен. Так, в интернет-энциклопедии «Кругосвет» личным именем считается сочетание имени и отчества, имени и фамилии, имени и прозвища (статья «Антропонимика»).

что ряд приемов уникален именно для этой области и вряд ли может быть отнесен к стандартному словообразованию, например усечение начальных гласных или согласных: *Лёша* от *Алёша* или *Вета* от *Света*. И уж совсем странно считать единицами того же словообразовательного гнезда иностранные имена, генетически родственные русским: *Мэри* или *Мари* для *Мария*. Кроме того, рассматривается не все словообразовательное гнездо, а лишь существительные, способные в определенном контексте заменять друг друга. Если в случае словообразования имен нарицательных мы уверенно говорим о разных словах: *дом*, *домик*, *домишко*, *домище* и т. п., — то для личных имен, скорее, используется термин варианты или даже формы имени:

*Это один из многочисленных народных разговорных **вариантов православного имени** Софрон, церковная **форма** Софроний (А. В. Суперанская. И истории фамилий // Наука и жизнь. 2009);*

*Вероятно, уже из «Маши» песня была переименована в «Мурку». Почему это произошло, разные источники объясняют по-разному. Одни высказывают мнение, что имя Мура более привычно для уголовного мира — здесь оно пользуется большой популярностью и часто звучит в блатных песнях, а потому именно Мурка вытеснила все остальные **варианты имени** героини произведения (В. Разгульников. «Эх, Мурка, ты мой Муреночек...» // Криминальный отдел. 2011);*

*Муж называет меня «радость моя», «дизик — #» (он у меня программист — это откладывает отпечаток на всё:)). Редко по имени (когда зовет из другой комнаты или пытается достучаться до моего воспаленного гневом мозга :), а часто... никак. Мы почти всё время рядом, а потому нет надобности в отдельном обращении. Я его называю всеми **уменьшительно-ласкательными вариантами его имени** (Женщина + мужчина: Психология любви (форум). 2004);*

*Для наглядности приведем еще несколько иллюстраций, где можно видеть разнообразие сочетания описанных выше механизмов сопоставления: «Рюрик — это просто другая **форма** старого русского **имени** Георгий, т. е. Георгий — Юрий» [НХ 1: 196]; Хан Хулагу — «это снова имя Георгий — Гургу, видимо, весьма распространенное среди потомков Чингиз-Хана Георгия» [НХ 1: 224] (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания. 2000);*

*В святцах есть Артёма, апостол из числа семидесяти учеников Иисуса Христа, и три Артемия, один из них великомученик, — анализирует Супрун. — От обоих **имен** образовывалась народная **форма** Артём, которая звучала вполне благозвучно, но в число часто встречающихся не входила. Похоже, взлет популярности этого имени связан именно с тем, что раньше оно никогда не было модным и от него образуется благозвучная краткая **форма** Тёма (Т. Арефьева, И. Петровский. Имена России. Как правильно назвать своего ребенка // Русский репортер. № 4 (132). 4–11 февраля 2010);*

*Ей по праву досталась полная и **официальная форма ее имени** — Мария, и никому из ее ближайших родственников, включая родителей и сестер, даже в голову не приходило назвать ее Машей, и уж тем более Машенькой (А. Геласимов. Дом на Озерной. 2009).*

Важным следствием сказанного оказывается помещение всех вариантов имени в одну словарную статью в словарях личных имен: [Петровский 1984], [Суперанская 1998]⁴.

На семантическом уровне можно говорить об отсутствии значения у личных имен. Точнее говоря, личному имени не соответствует никакое постоянное свойство, характеризующее их носителей. По-видимому, к прагматике следует отнести различие воплощенных и невоплощенных имен, а также характерную для воплощенных личных имен в тексте определенность (своего рода скрытый определенный артикль) ([Кронгауз 1987], [Шмелев 1996]).

Для настоящего исследования важна прежде всего вариативность и системность личных имен, именно на этом я остановлюсь подробнее. Традиционно входом в словарную статью в словарях личных имен является так называемое полное имя (как правило, оно указывается в паспорте и называется паспортным). В работах [Суперанская 2001], [Суслова, Суперанская, 1991] наряду с полной предлагалось выделять краткую, или сокращенную, форму, а все остальные объединять под названием уменьшительных. А. В. Суперанская предлагает уменьшительным формам разнообразные стилистические характеристики: ласкательная, фамильярная, поддразнивающая, пренебрежительная, презрительная и т. п. [Суперанская 1969].

А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996: 111–112] пишет о том, что в русском языке есть два типа полных имен: маркированные (Константин, Николай, Наталья или Евгения) и немаркированные (Андрей, Игорь, Вера, Нина). Для маркированных полных имен существуют немаркированные краткие формы: Константин vs Костя, Николай vs Коля, Наталья vs Наташа, Евгения vs Женя. Кроме того, у имени есть много экспрессивных форм: «Например, исследование русской разговорной речи в городе Пензе и его окрестностях (Бондалетов, Данилина 1970) показало, что там используется не менее 80 различных экспрессивных суффиксов, каждый из которых имеет свое собственное прагматическое значение. В литературном языке число общеупотребительных форм личных имен, вероятно, ближе к двадцати» [Вежбицкая 1996: 107]. А. Вежбицкая критикует попытку приписать каждой экспрессивной форме свое особое значение: «... переводить десятки экспрессивных категорий в описательные прилагательные типа “ласкательный” или “поддразнивающий” — занятие безнадежное и неблагодарное» [Вежбицкая 1996: 107]. Она полагает, что «выбор может в большей степени зависеть от ситуативного настроения говорящего и от особого отношения, которое он хочет выразить именно в этот момент, чем от каких-то постоянных жестких соглашений (как это обычно бывает в английском)» [Вежбицкая 1996: 107].

Независимо от подхода следует различать три типа форм: полные, краткие и уменьшительные (которые могут быть образованы и от кратких, и от полных форм, например, *Петруха* и *Петюня*). Краткие формы немаркированы, то есть

⁴ Для вариантов могут быть предусмотрены ссылочные статьи, например: *Алёша* рус. сокр. к *Алексей* [Суперанская 1998: 28]

нейтральны. Уменьшительные формы почти всегда маркированы, то есть выражают особую эмоцию или особое отношение к обладателю имени. У некоторых имен нет кратких форм, и соответствующую функцию выполняют полные формы. Наконец, надо отметить, что в XXI веке произошла перестройка употребления личных имен, что выразилось в экспансии полных форм и сокращении употребления кратких [Кронгауз, Пиперски, Тиллабаева 2020]. В заключение можно привести неполные списки вариантов конкретных личных имен⁵.

- Полное имя:
Мария (var. *Марья*)
- Краткие имена:
Маша, Маруся
- Уменьшительные имена:
Машка, Машута, Машенька, Машечка, Машок, Машутка, Машочек, Маня, Маняша, Манька, Манечка, Манюша, Манёк, Манефа, Маруська, Марусечка, Марусенька, Марьюшка, Марьюшечка, Мэри (иностранн. аналог), *Мари* (иностранн. аналог)...
- Связанные имена:
Марь Ванна (с отчеством)
- Полное имя:
Нина
- Уменьшительные имена:
Нинка, Ниночка, Нинуля, Нинок, Нинон (иностранн. аналог), *Нино* (иностранн. аналог)
- Связанные имена:
Нин Ванна (с отчеством)
- Полное имя:
Александр
- Краткие имена:
Саша, Шура
- Уменьшительные имена и пр.:
Саня, Санька, Санёк, Санечка, Сашок, Сашка, Сашуля, Сашечка, Сашуня, Шурик, Шурка, Шурочка, Алик, Аличек, Алька, Алечка, Алешок, Алюнчик, Алексашка, Лександр, Алекс (иностранн. аналог), *Сандро* (иностранн. аналог), *Сандрик*...
- Связанные имена:
Сан Саныч (только с этим отчеством)
- Полное имя
Андрей
- Уменьшительные имена
Андрейка, Андрейчик, Андрюша, Андрюха, Андрюшка, Андрон (иностранн. аналог), *Дрюня, Дрюша, Дюша*...

⁵ В описание добавлена категория связанных имен, которые используются только вместе с отчеством (иногда конкретным).

Категория лица

Категория лица используется во многих языках, и в русском в том числе, как грамматическая категория глагола, а также как прагматическая категория, характеризующая личные местоимения. Выделенные местоимения первого и второго лица употребляются для обозначения участников речевой ситуации.

Вот как определяет категорию лица и ее значения О. Есперсен [Есперсен 1958: 247]: «Таким образом, подлинное противопоставление будет следующее: (1) лицо говорящее, (2) лицо, к которому обращена речь, и (3) лицо, которое не является ни говорящим, ни адресатом речи. В первом лице говорят о себе, во втором — о лице, к которому обращена речь, а в третьем — о том, кто не является ни тем, ни другим». Это определение стало классическим.

По существу, оно же используется для лица глагола в [Русская грамматика 1980: 636]: «Морфологическая категория лица — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 лица), к собеседнику (формы 2 лица) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 лица)». Существенно, что формы 1 и 2 лица принципиально отличаются от 3-го: «Формы 1 и 2 л. как выражающие отнесенность действия к участникам речевого акта противопоставлены формам 3 л. как не выражающим такой отнесенности» [Там же].

О местоимениях же в [Русская грамматика 1980: 531] написано, что «личные местоимения делятся на местоимения первого лица — *я, мы*; местоимения второго лица — *ты, вы* и местоимения третьего лица — *он (она, оно, они)*», а также, что местоимение *я* указывает на лицо говорящее, а местоимение *ты* указывает на лицо, к которому обращается говорящий, т. е. на собеседника.

О. Есперсен противопоставляет грамматическое и понятийное лицо, говоря о том, что существуют заменители стандартного выражения понятийного лица [Есперсен 1958: 252–254]. Так, влюбленный может сказать «моя дорогая» или «моя девочка» вместо «вы» (*my darling, my own girl*), то есть формальное 3-е лицо соответствует понятийному 2-му.

Эту идею можно развить следующим образом. Существуют и вполне регулярные неместоименные способы обозначения участников речевой ситуации, в частности с помощью имен собственных. Это происходит, когда люди знакомятся и представляются, а также когда собеседники обращаются друг к другу. В дальнейшем предлагается различать употребления личных имен трех типов, соответствующих трем значениям категории лица. Таким образом, самопредставление относится к первому лицу, обращение — ко второму, а все прочие употребления — к третьему. Последний тип я буду называть референтным употреблением.

Первое лицо: самопредставление

Здравствуйте, (я —) Андрей Петров.

Второе лицо: обращение

Андрей, ты сдал экзамен?

Третье лицо: название (референтное употребление)

Андрей сегодня сдал экзамен.

Таким образом, здесь лицом называется определенная прагматическая позиция в высказывании, связанная с говорящим, адресатом или с чем-то/кем-то, не являющимся ни тем, ни другим. Для личных имен выделение трех таких позиций оправдано следующими соображениями. Во-первых, личные имена используются во всех трех позициях, но, во-вторых, выбор варианта/формы во многом обусловлен позицией.

Так, обращение может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов.

В позиции обращения могут использоваться ласкательные, фамильярные и вообще любые эмоционально маркированные имена. Строго говоря, для обращения (второго лица) нет никаких общих ограничений, то есть в этой позиции может быть использован любой вариант имени.

Ограничения связаны с конкретными речевыми ситуациями, когда необходим учет адресата и отношений с ним. Например, нельзя обратиться *Машка* или *Машенька*, *Петька* или *Петенька* к малознакомому человеку, а при обращении к собственному ребенку или близкому другу едва ли уместно использовать полные маркированные имена *Елизавета* или *Константин*, хотя, как уже сказано выше, в последние десятилетия зона употребления полных имен стала значительно шире [Кронгауз, Пиперски, Тиллабаева 2020].

В подтверждение сказанного приведу пост Дмитрия Владимировича Сичинавы в социальных сетях (11.12.2013): «...что имя Света, помимо обычного “Свет”, имеет словообразовательный звательный падеж: “Светик”. Так обращаются (кроме, может быть, каких-то совсем рафинированных кругов, которые “бесит”) совершенно стандартно практически ко всем, кого зовут Светой (и крайне редко так их называют в третьем лице). Подобная “мужская” языковая игра есть и с рядом других имен (Ленок, Натусик и т. п.), но они и близко так не рутинны и общеприняты при обращении. Видимо, подхвачено и переосмыслено нарицательное обращение (которое “спой, не стыдись”»).

Высказывание в социальных сетях не должно быть в полной мере научным, поэтому нет смысла вступать в научную дискуссию и оспаривать утверждение о Светике как звательном падеже. Скорее можно поддержать идею, что формы типа *Светик*, *Ленок*, *Натусик* тяготеют к позиции второго лица и крайне редко используются в других позициях.

Представляясь, говорящий, как правило, использует тот вариант, который предпочитает в качестве обращения по отношению к себе. Однако здесь присутствуют сильные ограничения на любые эмоционально маркированные формы. Понятно, что прагматические запреты не являются абсолютными,

но их нарушение влечет за собой определенный эффект, в частности, создает специфическое представление о нарушителе.

Самопредставление с помощью экспрессивных форм *Петюньчик* или *Машуленька* крайне маловероятно, но если такое все-таки происходит, то это имеет прагматические последствия, если речь идет о взрослом человеке. Под последствиями имеется в виду формирование мнения об этом человеке. Само это мнение может быть довольно разнообразным. Можно заподозрить представляющегося в инфантильности, манерности или в желании слишком быстрого перехода к близким отношениям и т. п. Такое самопредставление встречается в молодежной среде, что, по-видимому, должно свидетельствовать о раскованности и отсутствии комплексов. Использование экспрессивного варианта имени на личной странице, что может быть приравнено к самопредставлению, характерно и для социальных сетей: Дашулечка Волкова, Машунька Спирина, Танюлька Филиппова, Мишаня Иванов (возраст при этом может быть самым разным). Употребление таких имен всегда создает «странный» эффект, особенно в сочетании с фамилией.

Выбор конкретного эффекта зависит от многих факторов, но в любом случае какой-то необычный эффект будет иметь место. Вероятность выбора той или иной формы может различаться. Так, самопредставление с помощью формы *Вадик* намного вероятнее, чем с помощью более эмоционально нагруженной формы *Вадичка*.

Выделенность участников коммуникации в случае первых двух лиц достигается с помощью особенностей ситуации (протянутая рука, кивок, взгляд) или речевых конструкций (обращение как позиция).

В случае третьего лица используются более или менее нейтральная номинация. Однако вариативность больше, чем при самопредставлении. Говорящий может использовать в качестве референтного употребления форму обращения. Приведу статистику по упомянутым выше экспрессивным формам.

Так, в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) встретились следующие экспрессивные формы личных имен: *Светик*, *Натусик*, *Ленок*, *Лизок*, *Танюша*, *Машуленька*.

Форма *Натусик* встретила 11 раз в 5 текстах, из них 8 раз во втором лице. 2 раза связаны с неудачным самопредставлением:

[Наталя (жен, 50, 1953, искусствовед)] Чудесно, Эдик! [Голос] — Да? А Ваше имя позволите узнать? [Наталя (жен, 50, 1953, искусствовед)] — А меня зовут... **Натусик**. [Голос] — Хи-хи-хи... Как интересно... Прямо сразу — **Натусик**? — Но Вы ведь тоже не Эдуард! (И. Лисовская. Никогда я не буду любить... 2003).

И лишь один пример связан с референтным употреблением:

Натусик то и дело всплескивает ручонками: «Как красиво! как вкусно!» (В. Старков. Дневник. 1963–1964).

Так же и для остальных форм: очевидно тяготение ко 2-му лицу, но встречаются тексты, где экспрессивная форма регулярно используется в 3-м лице:

*В этот момент она призналась себе, что пришла сюда именно ради этих слов. — Очень изменился, — продолжила Катя, поддерживая начатую игру. — То есть выглядит отлично, но какую они с папашкой моим хрень несут — это просто жест. Да, кстати, — вдруг вспомнила она, — **Стильный Ленок** собирался тебе звонить. Грит, что-то важное. **Стильный Ленок** была яркой блондинкой за тридцать и отвечала в упомянутом медиа-холдинге за освещение светской жизни; В обществе **Стильного Ленка** — девушки тогда уже бескомпромиссной, неустанно работающей на свое доброе имя, — они собрались было к губернатору, но **Ленок** умудрилась приглашения потерять, и сделала это, конечно же, стильно — по ошибке выбросила в мусоропровод (А. А. Уткин. Дорога в снегопад. 2008–2010).*

В этом произведении форма *Ленок* встречается 17 раз, иногда в сочетании с прилагательным *стильный* в мужском роде, что усиливает стилистический эффект. Это воспринимается как устойчивое прозвище, полученное по первому упоминанию, в котором даже глагол согласуется по мужскому роду.

*Нет, не понять, где чьи тут слова, взаимопроникшие, двойного, видимо, авторства. Опять **Лизок** не мимо меня пописала. Так она мной пописала росчерком одним вдохновенным, превратив меня в горстку малую совершенно пеленочных слов? (В. Володин. Повесть временных лет).*

В этом произведении форма *Лизок* упоминается 12 раз. Так автор называет свою дочь-младенца, иногда каламбурно сталкивая ее имя с существительным *лизок*:

***Лизок** прибавила в этом году Россию не на один **лизок**, нет, — на целое поколение и на целую мою потерявшуюся было, избежавшую меня так разорительно страшно любовь (В. Володин. Повесть временных лет).*

В этих произведениях используется последовательная коммуникативная стратегия. Автор использует экспрессивную форму имени в третьем лице, чтобы выразить либо свое отношение к персонажу, либо отношение круга его знакомых.

Пример другой коммуникативной стратегии представлен в статье в журнале «Столица», где форма *Светик* 10 раз встречается в 3-м лице:

*— Из школы еще не пришла. Учится. Мы, конечно, несколько перенервничали, но следующие звонки успокоили нас. Довольно быстро образовался предварительный список из шестнадцати взрослых и вполне сознательных граждан, которые просили называть их так: Володя, Саша, Лизок, Мисыч, Майк, Вован, Сережка, Леха, Антоха, Стас, **Светик**, просто Андрей, Бурдыкин, Алекс, Тата и Санек; Только участница под #16, сотрудница банка Светлана Бондаренко (**Светик**), женщина, напоминающая храм Христа Спасителя, заявила, что не сомневается в своей победе; **Светик** неистовствовала, но не забывала давать интервью и договариваться о встрече; **Светик***

своим мощным дзюдоистским голосом погубила лирическую интонацию бессмертного произведения “Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги”» (Счастье средней тяжести // Столица. 24.11.1997).

Объяснение выбора формы содержится в первом примере: участники конкурса просили называть их именно так, — то есть выбор основывается на самопредставлении, комичном еще и потому, что форма *Светик* мало подходит для женщины, дзюдоистки и великаныши.

В обычном разговоре говорящий, выбирая форму имени в третьем лице, может выбирать настройки: на себя и на собеседника, то есть использовать потенциальное обращение. Так, в разговоре с чужим человеком можно называть своего уже выросшего ребенка ласкательной формой имени, т. е. так, как собеседник не должен обращаться к нему, а можно, наоборот, использовать полное имя с отчеством, то есть как бы рекомендуя собеседнику «правильное» обращение. По-видимому, широкое использование домашнего имени в референтной позиции может способствовать его выходу за пределы семейной коммуникации.

В процедуре настройки могут учитываться не только говорящий и адресат, но и слушающие, то есть люди, присутствующие при разговоре, но не являющиеся непосредственными адресатами высказывания. В принципе, говорящий при выборе варианта имени может исходить и из их присутствия и настраиваться на них (о противопоставлении адресата и слушающих см. [Clark, Carlson 1982]).

Также уменьшительная форма в референтной позиции может использоваться в некоторых сообществах (включая семью) для различения людей с одинаковыми именами, например, в одной лингвистической семье жена называет мужа *Алёша*, а сына *Алешок*. В дружеской компании могут различаться *Ира* и *Иришка*, *Саша* и *Санька*.

В художественной литературе автор также может выбирать настройки, то есть выбирать референтное имя как бы от лица персонажа:

Время от времени наш постаревший и обрюзгший герой будет уходить в запой и тогда его любимые Любаша и Анютка, худенькие, бледные девочки с большими глазами, будут забирать у него графин и говорить умоляюще: «Не надо, папочка...» (М. Б. Бару. «Не пишется проза, не пишется»).

Происходит своего рода прагматический сдвиг, замена форм, характерных для третьего лица, формами, характерными для второго, при этом с разных позиций. Такой прагматический сдвиг близок понятию «эмпатия», которое использовал С. Куно для характеристики идентификации говорящего с участником излагаемого события [Kuno 1976], [Куно, Кабураки 1979]. Речь идет о способности взглянуть на мир глазами другого человека и отражении этой способности в языке.

Итак, стратегии выбора формы имени в 3-м лице могут основываться на своеобразной цитации 1-го и 2-го лица, то есть форм, которые употребляет по отношению к человеку его окружение (включая или исключая говорящего),

либо предлагает использовать он сам. Это можно считать прагматическим сдвигом. В обоих случаях экспрессивная форма оказывается дополнительной характеристикой персонажа. В целом же можно сказать, что в 3-м лице используется либо нейтральная форма, либо экспрессивная форма, обычно используемая в качестве обращения или самопредставления.

Заключение

Теория трех лиц личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией.

В статье отмечается, что именно второе лицо может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для первого и третьего лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Андрюшечка*, *Верунчик* и т. п. Если же такие варианты все же встречаются в первом и третьем лице, это вызывает определенный прагматический эффект и определяется особыми коммуникативными стратегиями.

Выделенность второго лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать.

Литература

- Бондалетов В. Д., Данилина К. Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. Под ред. В. А. Никонова и А. В. Суперанской. М.: Наука, 1970. С. 194–200.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. статья Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
- Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Есперсен>
- О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 270–321.
- Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Наука, 1987. С. 118–135.
- Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Тиллабаева А. А. Употребление полных и кратких форм русских личных имен: количественные методы исследования // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 80–90.
- Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krugosvet.ru>
- Куно С., Кабураки Э. Эмпатия и синтаксис // Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер. 6. Языкознание. М., 1979. № 2. С. 154–156.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен / Н. А. Петровский. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
- Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

- Суперанская А. В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.
- Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 1998. 521 с.
- Суперанская А. В. Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь. 2001. № 1. С. 84–88.
- Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. 3-е изд., испр. и доп. Ленинград: Лениздат, 1991. 219 с.
- Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Clark H. H., Carlson Th. B. Hearers and speech acts // *Language*, vol. 58, 1982, no. 2, pp. 332–371.
- Kuno S. Subject, theme, and the speaker's empathy // *Subject and topic* / C. N. Li (ed.). N. Y., Acad. Press, 1976, pp. 417–444.

References

- Bondaletov V. D., Danilina K. F. [Means of expressing emotional and expressive shades in Russian personal names]. *Antroponimika* [Anthroponymy]. Ed. V. A. Nikonov and A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 194–200. (In Russ.)
- Clark H. H., Carlson Th. B. Hearers and speech acts. *Language*, vol. 58, 1982, no. 2, pp. 332–371.
- Jespersen O. *Filosofija grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoj Literaturny Publ., 1958. 404 p.
- Krongauz M. A. ["Embodied" and "unembodied" proper name: some aspects of reference]. *Experimental'nye metody v psikholingvistike* [Experimental methods in psycholinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 118–135. (In Russ.)
- Krongauz M. A., Piperski A. Ch., Tillabaeva A. A. [Full and short personal names in Russian: a quantitative study]. *Slovo.ru: baltiiskii akcent*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 80–90. (In Russ.)
- Krugosvet: *The Universal Popular Science Encyclopedia*. Available at: <https://www.krugosvet.ru>
- Kuno S. *Subject, theme, and the speaker's empathy. Subject and topic* / C. N. Li (ed.). N. Y., Acad. Press, 1976, pp. 417–444.
- Kuno S., Kaburaki E. [Empathy and syntax]. *Obshchestvennye nauki za rubezhom*. RZh. Ser. 6. Linguistics. Moscow, 1979, no. 2, pp. 154–156. (In Russ.)
- Linguistic encyclopedic dictionary* / Scientific-ed. Council of the publishing house "Sovetskaja enciklopediya", Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR; Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaja Enciklopediya Publ., 1990. 682 p.
- National Corpus of the Russian Language*. 2003–2023. Available at: <https://ruscorpora.ru>
- Petrovsky N. A. *Dictionary of Russian personal names*. 3rd ed. Moscow, Russkii Yazyk, 1984. 384 p.
- Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Language. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
- Shmelev A. D. *Referentsial'nye mekhanizmy russkogo yazyka* [Referential mechanisms of the Russian language]. Tampere, 1996.
- Superanskaya A. V. *Struktura imeni sobstvennogo: fonologiya i morfologiya* [The structure of a proper name: phonology and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 207 p.
- Superanskaya A. V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, AST Publ., 1998. 521 p.
- Superanskaya A. V. [Informal forms of Russian personal names]. *Russkaya Rech'*, 2001, no. 1, pp. 84–88. (In Russ.)
- Suslova A. V., Superanskaya A. V. *O russkikh imenakh*. 3 izd. [About Russian names. 3rd ed.]. Leningrad, Lenizdat, 1991. 219 p.
- Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Ed. and comp. M. A. Krongauz; intro. article by E. V. Paducheva. Moscow, Russkie Sloviki Publ., 1996. 411 p.
- Wikipedia: The Free Encyclopedia*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Кстати, которое не всегда кстати: специфика употребления единицы в современной устной повседневной речи

Анастасия Андреевна Прокопенко, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), prokopenko_aa@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170028365-0

АННОТАЦИЯ: Слово *кстати* активно функционирует в устной повседневной речи и может восприниматься слушателями в качестве слова-«паразита». Однако подобное употребление этой единицы остается за рамками ее лексикографического описания. В настоящей статье на материале речевых корпусов, а также авторских записей окружающей речи рассматриваются семантические, функциональные и структурные особенности исследуемого слова. Так, было выявлено, что в устной речи *кстати* выражает субъективно-модальные значения ‘акцентирование внимания слушателя’ и ‘несоответствие ожидаемому’. Основная функция данного слова — соединительная: оно может связывать контактно и дистантно расположенные реплики, а также экстралингвистическую информацию и высказывание говорящего. Помимо соединительной функции, *кстати* может возвращать внимание собеседника к ранее сказанному или вводить новую тему разговора. Неуместными представляются следующие употребления этой единицы: 1) если связь компонентов высказывания понятна только говорящему, 2) в значении ‘несоответствие ожидаемому’. Кроме того, в статье описываются коммуникативы *кстати*, *кстати да* / *да кстати*, а также такие конструкции, как <*кстати* знаешь (знаете), (что)>, <*кстати* о + X>, <*кстати* насчет + N>, <*кстати* по поводу + N>, <*кстати* про + N>. Полученные сведения могут найти отражение в проекте «обновленной» словарной статьи на слово *кстати*, а также оказаться полезными для пополнения лингвистических баз данных, в практике преподавания современного русского языка, русского языка как иностранного и в практике перевода русских текстов на другие языки.

А. А. Прокопенко. *Кстати*, которое не всегда кстати: специфика употребления единицы в современной устной...

A. A. Prokopenko. *Kstati (For Good Measure)*, Which is Not Always a Good Measure: the Specifics of the Use of the Unit...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, устная речь, слова-«паразиты», коммуникатив, дискурсивная формула, конструкция

для цитирования: Прокопенко А. А. *Кстати*, которое не всегда кстати: специфика употребления единицы в современной устной повседневной речи // Русская речь. 2023. № 5. С. 32–44. DOI: 10.31857/S013161170028365-0.

Issues of Modern Russian Language

Kstati (For Good Measure), Which is Not Always a Good Measure: the Specifics of the Use of the Unit in Modern Oral Everyday Speech

Anastasiia A. Prokopenko, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg),
prokopenko_aa@list.ru

ABSTRACT: The word *kstati* (*by the way, for good measure*) actively functions in oral everyday speech and can be perceived by listeners as a junk word. However, such use of this unit remains outside the scope of its lexicographic description. This article examines the semantic, functional and structural features of the word *kstati* on the material of speech corpora, as well as the author's notes of the spoken speech. Thus, in spoken speech *kstati* expresses subjective-modal meanings of 'accentuation of the listener's attention' and 'inconsistency with the expected'. The main function of this word is connective. It can connect closely and distantly located replicas, as well as extralinguistic information and the speaker's utterance. In addition to the connective function, *kstati* can return the interlocutor's attention to what was previously said or introduce a new topic of conversation. The following uses of this unit seem inappropriate: 1) if the connection of the components of the utterance is clear only to the speaker, 2) in the meaning of 'inconsistency with the expected'. In addition, the article describes the communicatives *kstati*, *kstati da / da kstati*, as well as such constructions as <*kstati znaesh' (znaete), (chto)*>, <*kstati o + X*>, <*kstati naschet + N*>, <*kstati po povodu + N*>, <*kstati pro + N*>. The information obtained can be used for a new lexicographic description of the word *kstati* and also be useful for replenishing linguistic databases.

In addition, the results of the study can be used while teaching modern Russian, Russian as a foreign language or translating Russian texts into other languages.

KEYWORDS: semantics, everyday speech, parasite-words, communicative, discourse formula, construction

FOR CITATION: Prokopenko A. A. *Kstati (For Good Measure), Which is Not Always a Good Measure: the Specifics of the Use of the Unit in Modern Oral Everyday Speech*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 32–44. DOI: 10.31857/S013161170028365-0.

Введение

В период «лексикографического ренессанса конца XX — начала XXI века» [Приемшьева 2020: 58] словарной фиксации устной речи уделяется повышенное внимание — как объекту, ранее в полной мере не описанному. Этому способствовало и создание корпусов записей устной речи, которые предоставили новые возможности для изучения живой коммуникации. Уже «первые наблюдения над живым материалом показали, что проверка на корпусе самых, казалось бы, очевидных и общепринятых лингвистических утверждений иногда приводит к интересным и порой неожиданным результатам, что позволяет поставить задачу пересмотра на корпусных данных *всех* (курсив автора. — А. П.) накопленных к настоящему моменту лингвистических сведений» [Богданова 2012: 72]. Наиболее чувствительным к изменениям, а потому и наиболее интересным для исследователей является лексический уровень языка.

Слово *кстати* активно функционирует в устной повседневной речи и может восприниматься слушателями в качестве слова-«паразита» [Левонтина 2020]. Однако подобное употребление этой единицы остается за рамками ее лексикографического описания. Так, например, в 4-хтомном «Словаре русского языка» для *кстати* выделяются три значения: в качестве наречия (1) 'в удачный, нужный, подходящий момент, к месту, вовремя' и (2) 'пользуясь случаем, заодно с чем-л., вместе с тем'. «Периферийную» зону словарной статьи [Богданова-Бегларян 2020] занимает *кстати* (3) в значении вводного слова (обычно в сочетании с глг. *сказать*), которое употребляется «для обозначения того, что данная фраза говорится в связи с только что сказанным, в дополнение к нему» [Евгеньева 1986: 143]. Анализ материала устной речи показывает, что у *кстати* несколько больше семантических, функциональных и структурных особенностей в сравнении с теми, что отмечены в толковых словарях¹. Описанию этих значений и функций, а также конструкций, включающих *кстати*, и посвящена настоящая статья. Источником материала для исследования послужили устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru>], корпус повседневной устной речи «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>] и авторские записи устной речи (УР).

¹ Некоторые из найденных особенностей отражены еще в художественной литературе XIX века (см. подробнее: [Баранов, Добровольский 2018]).

Прежде чем перейти к анализу современных употреблений исследуемого слова, нужно кратко сказать о развитии семантики этой единицы в истории русского языка.

Развитие семантики слова *кстати* в русском языке

Слово *кстати* образовалось от существительного *стать* в форме Д. п. с предлогом *к* и сначала функционировало как наречие. Первое упоминание об этом слове встречается в «Словаре Академии Российской» [Словарь Академии Российской 1794: 711]. В старорусском подкорпусе НКРЯ обнаружилось самое раннее употребление *кстати* в качестве наречия, датированное 1686 годом:

- 1) А что, *г(о)с(у)д(а)рь*, Понкрат Гранкин с товарищи, и тебѣ, *г(о)с(у)д(а)рь*, земли поступилс(я) в селе Топковѣ, и та, *г(о)с(у)д(а)рь*, земля топковская к твои, *г(о)с(у)д(а)рь*, земли **кстати** пришла (Грамотка приказчика Ю. Степанова и старосты Е. Лукьянова из д. Гранкина и д. Волобуева).

Остается актуальным вопрос о семантике слова *стать*, от которого произошло *кстати*. Так, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский предполагают, что в данном случае существительное *стать* может сохранять глагольную семантику и быть, таким образом, связано с идеей 'становления' [Баранов, Добровольский 2018: 35]. Кроме того, это слово может иметь значение 'место, положение, пребывание' [Баранов, Добровольский 2018]. По мнению Е. В. Откидыч, значение слова *стать* — 'причина, повод, способ' [Откидыч 2017: 10–11]. Словарная статья на *кстати* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отсылает читателя к существительному *стать* в значении 'приличие, пристойность; нужда; прилично, пристойно; нужно' (*разг., устар.*) [Ушаков 1940: 497]. То же значение было зафиксировано и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «*Стать*, ладъ, толкъ, приличіе, пристой, что кстати, впору или идетъ къ мѣсту и къ дѣлу» [Даль 1882а: 318]. При этом прилагательные *пристойный* и *приличный* в этом словаре имеют общий компонент в значениях — 'сообразный, соответственный' [Даль 1882б: 437, 461]. Учитывая семантику наречия *кстати* по «Словарю Академии Российской» ('ко времени, въ пору, прилично'), можно предположить, что семантическим источником для *кстати* могло послужить и слово *стать* в значении 'приличие, пристойность', т. е. то, что соответствует, подходит чему- или кому-либо.

Уже в XVIII веке *кстати* перешло в класс вводных слов и частиц, т. е. подверглось *грамматикализации*², о чем свидетельствуют данные «Словаря русского языка XVIII века» [Словарь русского языка XVIII века 2000: 60]. В этом словаре *кстати* как частица входит в устойчивое сочетание *кстати ли*, которое употребляется в значении восклицательной или вопросительной частицы для выражения сомнения, несогласия.

² Под *грамматикализацией* понимается «утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции» [Ахманова 1966: 110].

В современной живой речи, как показал анализ материала, *кстати* тоже сближается с модальной частицей, выступая при этом в других значениях. Рассмотрим функционирование данной единицы в материале исследования.

Значения и функции слова *кстати* в современной устной повседневной речи

Как уже было сказано, толковые словари русского языка отмечают, что *кстати* как вводное слово употребляется для обозначения того, что данная фраза говорится в связи с только что сказанным, т. е. *кстати* выступает в роли связующего средства для контактно расположенных высказываний. Однако в устной речи *кстати* может соединять и другие компоненты:

- дистантно расположенные реплики одного или нескольких говорящих;
- экстралингвистическую информацию (коммуникативную ситуацию или наличие общих для собеседников фоновых знаний) и высказывание говорящего.

При этом *кстати*, выполняя соединительную функцию, выражает субъективно-модальные значения:

- ‘акцентирование внимания слушателя’,
- ‘несоответствие ожидаемому’.

Значение ‘акцентирование внимания слушателя’ подразумевает подчеркивание говорящим актуальности сообщаемого, привлечение внимания собеседника к сообщению. Это значение наблюдается у исследуемого слова в разных функциях. Так, например, *кстати* может возвращать внимание слушателя к тому, что было сказано ранее, и таким образом структурировать ход общения, указывать на отношение между сообщением и темой разговора:

2) *вот кстати вернёмся к коррупции в Азербайджане* (УР)³

* комментарий: речь шла об именах;

3) *ну так это так серьёзно / отстойник / кстати / я так и не поняла / Михаил сбросил все фотографии? он же мне сказал Светлана Николаевна / я сброшу* (ОРД)⁴;

4) — *ну всё-таки можно / надо погонять его //*

— *а где ... игрушенька ?*

— *а я не знаю / где //*

— *а / а у Аси кстати где концерт будет?* (ОРД)

* комментарий: перед этим речь шла об Асе.

Рассматриваемое значение реализуется и в условиях, когда *кстати* связывает экстралингвистическую информацию (коммуникативную ситуацию) с высказыванием говорящего:

5) *а вкусно пахнет кстати* (УР)

* ситуация: в магазине ребенок нюхал игрушку с ароматом;

³ Примеры, маркированные УР, — из личных записей автора.

⁴ Здесь и далее все контексты из корпуса ОРД приводятся без специальных знаков и разметки, какими оформлены оригинальные расшифровки материала.

- 6) — *примерно то / что я видел / да / но они ...*
— *ну этот симпатичный **кстати** такой* (ОРД)
* ситуация: собеседники выбирают рюкзаки в магазине;
7) *Ну я понимаю/ что бывают фильмы и получше/ но и этот ничего/ **кстати** посмотри/ на улице снег выпал/ так красиво* (УП НКРЯ);
8) *вообще ноль эмоций / понимаешь ? // Мария / так нельзя // тут **кстати** твой ход / ну давайте / да* (ОРД)
* ситуация: собеседники отвлеклись от игры в домино.

В качестве экстралингвистической информации, которую актуализирует слово *кстати*, может выступать и наличие у собеседников общих фоновых знаний:

- 9) ***кстати** вы зайцу связали что-то?* (УР)
* комментарий: говорящий имеет в виду игрушку в виде зайца, которую слушательница вязала несколько месяцев назад;
10) ***кстати** я завтра иду за едой китайской* (УР)
* комментарий: слушательница изучает китайский язык и культуру, что известно говорящему;
11) *Ну да посчитать надо в «Экселе»/ оформить и почитать немного. А ты/ **кстати**/ так и не рассказал/ как у тебя вчера госэкзамен прошел* (УП НКРЯ);
12) — *Я тоже так решила. В конце концов/ работу можно и в другом месте найти.*
— *Конечно!*
— ***Кстати**/ а что у Ольги там с визой? Не знаешь?* (УП НКРЯ).

В случае если связь экстралингвистической информации с высказыванием не очевидна для собеседника, говорящий вынужден пояснять, почему данная информация приходится кстати:

- 13) — *какие модели ты строишь ?*
— *радиоуправляемые /*
— *ну **кстати** ты вот с Ваней не общался? с Лукьяновым? это просто к радиоуправляемым моделям // он же занимался ...* (ОРД).

Фактически, когда говорящий актуализирует общие для собеседников знания, он вводит с помощью *кстати* новую тему разговора. Слушатели, не обладающие этими знаниями, не могут в полной мере понять, о чем идет речь.

Встречаются и совсем «чистые» случаи введения новой темы разговора, когда вводимое с помощью *кстати* высказывание объективно ни с чем не связано:

- 14) — *А фото есть с концерта?*
— *Нет.*
— *Эх. **Кстати**/ на пятницу у тебя какие планы?*
— *Хороший вопрос. Я не знаю/ какие у меня на сегодня планы даже.*
— *Ну есть маза/ что в «Стирке» будет играть Циадзе* (УП НКРЯ).

В примере (14) *кстати* является по смыслу кстати только для самого говорящего, так как с помощью этого слова он связывает свое намерение пригласить собеседника на мероприятие с вопросом о том, какие у слушателя планы. Видимо, именно такие употребления *кстати* воспринимаются как слова-«паразиты».

Неуместным кажется и *кстати* в значении ‘несоответствие ожидаемому’, которое маркирует информацию, не соответствующую, по мнению говорящего, ожиданию слушателя, ср.:

- 15) — *И как Вам показалась жизнь ленинградская по сравнению с жизнью маленьких городов/ как Ярославль?*
— **Кстати**/ я была очень разочарована/ потому что все/ Ленинград/ Ленинград... (УП НКРЯ);
- 16) — *как на улице?*
— нормально **кстати** (УР)
* комментарий: контекст был записан зимой; говорящий с помощью *кстати* указал на несоответствие ожидаемого, по его мнению, ответа типа *холодно, ветрено* и т. п. со своим сообщением;
- 17) — *может / он дурак?*
— *выглядит нормально кстати* (УР);
- 18) — *ты говоришь тэрмин?*
— *да*
— *потому что так в сербском?*
— *не из-за этого кстати* (УР);
- 19) — *вот сейчас пойдём с тобой*
— *я ещё не уверена кстати* (УР).

Представляется возможным говорить о переходе слова *кстати* в данном значении в класс модальных частиц⁵, так как в этом употреблении оно полностью утрачивает лексическую и грамматическую связь с соответствующим наречием в значении ‘в удачный, нужный, подходящий момент, к месту, вовремя’ и поэтому в подобных контекстах по смыслу приходится явно не*кстати*.

Рассматриваемое слово сближается с модальной частицей еще и при изолированном употреблении: в ответной реплике диалога для выражения реакции на высказывание собеседника. Такие употребления слов, в терминологии И. А. Шаронова, называются *коммуникативами* [Шаронов 2009], ср.:

- 20) — *А какая у тебя будет фамилия?*
— **А кстати!** (УР)
* комментарий: речь о помолвке;

⁵ Выражение субъективно-модальных значений сближает класс вводных слов с модальными частицами, ср.: «Вводные слова <...> объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» [Русская грамматика 1980: 229–230].

21) — *Спроси у неё / чтобы она не обиделась.*

— *Ну вот **кстати** (УР);*

22) — *Всё показывает / что мне это не надо.*

— *Вот **кстати** (УР).*

В подобных контекстах *кстати* выполняет прагматическую функцию: с его помощью говорящий подчеркивает важность предыдущего сообщения, обращает внимание слушателей на только что сказанное. Таким образом коммуникатив выражает оценку предшествующей реплики. В этой функции *кстати* может сочетаться с другими модальными частицами (*а, ну, вот*), которые усиливают его прагматическое значение.

Помимо изолированного употребления, в устной речи *кстати* активно функционирует и в составе различных устойчивых сочетаний, которые рассматриваются в следующем разделе.

Конструкции, включающие *кстати*

В настоящей статье под *конструкцией* понимается воспроизводимое выражение, обладающее формой и содержанием, которое состоит из постоянной и переменной частей. Такое понимание конструкции соответствует описанию подобных единиц в рамках теории Грамматики конструкций (ГК) [Fillmore et al. 1988, Рахилина, Кузнецова 2010]. В материале настоящего исследования были выявлены следующие конструкции:

- *<кстати да> / <да кстати>*,
- *<кстати знаешь (знаете), (что)>*,
- *<кстати о + X> / <кстати насчет + N> / <кстати по поводу + N> / <кстати про + N>*.

Рассмотрим их по порядку.

<Кстати да> / <да кстати>

Для подтверждения реплики собеседника, согласия с предложением говорящий часто использует выражения *<кстати да>* и *<да кстати>*⁶. Прагматическое их значение может быть усилено модальными частицами *а, ну, вот*:

23) — *с этими ... с верхней одеждой было бы классно //*

— *ну **да/ кстати** (ОРД);*

24) — *Ей лет 60 //* Для меня это молодая *// У меня маме столько.*

— *Вот **кстати да!** (УР);*

25) — *Они с Катей увидятся.*

— ***Кстати да** (УР);*

26) — *А если нитки взять тоньше и спицы потоньше/ вообще было бы здорово.*

— ***Да/ кстати** (УП НКРЯ);*

⁶ Интересно, что в устной речи не употребляется выражение *<кстати нет>*. Можно предположить, что это связано с внутренней формой слова *кстати*. Если согласиться, что семантическим источником для *кстати* послужило слово *стать* в значении 'приличие, пристойность', то тогда сочетание *<кстати нет>* представляет собой своеобразный оксюморон, так как *кстати* подразумевает, что вводимая информация соответствует ситуации, а *нет*, напротив, выражает значение отрицания, отсутствия.

27) — *Может/ пойдём попробуем пообедаем.*

— *А/ да кстати. Мысль* (УП НКРЯ)

* комментарий: в данном примере <да кстати> выражает согласие с предложением собеседника.

Данные единицы можно квалифицировать как *коммуникативы*. К ним можно применить и термин *дискурсивная формула* (ДФ), который также используется для обозначения законченной ответной реплики в диалоге. Однако, в отличие от коммуникатива, ДФ всегда является неоднословной и реализует разные варианты ответов *да/нет* и оценку сообщаемого [Жукова 2021]. Согласно С. Ю. Жуковой, ДФ являются особым классом конструкций с точки зрения ГК.

<Кстати знаешь (знаете), (что)>

В устной речи рассматриваемую конструкцию образуют *кстати* как вводное слово, которое присоединяет информацию по поводу только что или ранее сказанного, а также форма *знаешь/знаете*, являющаяся *прагматическим маркером*⁷:

28) — *А как там/ Рита поживает/ кстати?*

— *А кстати/ знаешь/ я её недавно таскала к себе домой/ пошла тут жасминовым чаем* (УП НКРЯ);

29) — *Алён/ ты учиться-то ещё нет?*

— *А у меня/ кстати/ знаете/ чёчё/ ну/ я думала/ я в конце сентября буду учиться...* (УП НКРЯ);

30) — *А он объяснял мне не где это/ а как здесь на навигаторе сделать.*

— *А! Ну/ кстати/ знаешь/ мне кажется/ щас это очень логично будет. А у теа нету держателя для навигатора?* (УП НКРЯ).

В составе данной конструкции контактные глаголы *знаешь/знаете* помогают говорящему структурировать свою речь. Помимо структурирующей, эти маркеры выполняют еще и метакоммуникативную функцию, когда целью говорящего является установление или поддержание контакта с собеседником⁸. Можно сказать, что за рассматриваемой конструкцией в устной речи закрепляется служебная функция, приближенная к функции вводного сочетания.

<Кстати о + X> / <кстати насчет + N> / <кстати по поводу + N> / <кстати про + N>

Приведенные конструкции объединены частичным совпадением формы и общим значением, которое можно сформулировать так: эти выражения представляют собой тему следующего высказывания, которая так или иначе связана с только что или ранее сказанным. Переменная часть конструкций может быть образована разными способами, так как она тесно связана с левым

⁷ Под *прагматизацией* понимается процесс, «когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [Богданова-Бегларян 2014: 10]. Обычная лексема превращается при этом в *прагматему*, или *прагматический маркер*.

⁸ Об особенностях функционирования русских контактных глаголов в устной спонтанной речи, а также об указательно-риторических конструкциях типа <знаешь/знаете как/что...> см. [Богданова-Бегларян, Маслова 2019].

контекстом и зависит от него⁹. Так, например, конструкции могут быть образованы лексическим повтором¹⁰:

- 31) — Да/ как раз имеет возможность как бы подумать.
— Вот **кстати о «подумать»**. Простите/ что я перебил вас (УП НКРЯ);
- 32) — Пойду к В. на свадьбу/
— Если пригласит/
— Пригласит/ куда она денется?
— **Кстати о свадьбах...** (УП НКРЯ)
* комментарий: лексический повтор сопровождается изменением формы числа повторяемого слова;
- 33) — В проекте записана сложная структура/ юридические консультации/ адвокатские бюро/ **коллегия адвокатов...**
— **Кстати/ об адвокатских коллегиях...** (УП НКРЯ)
* комментарий: лексический повтор сопровождается переходом несогласованного определения в согласованное;
- 34) — Дефекты? А вот мы щас посмотрим...
— Да.
— **Кстати/ насчёт дефектов/** должен вам сказать/ мы вчера были в кинотеатре... (УП НКРЯ);
- 35) Они издадут наиболее тиражную прессу. **Кстати по поводу тиражности...** (УП НКРЯ)
* комментарий: лексический повтор сопровождается изменением частеречной принадлежности слова;
- 36) — Участковый раньше дежурил с дежурным дворником.
— Вот/ **кстати/ про дворника/** это же был/ действительно/ хозяин двора (УП НКРЯ).

Возможно в качестве переменной части конструкции и некоторое обобщение, ср.:

- 37) Представьте/ какую нужно иметь отвагу/ чтобы полететь на деревянно-перкалевом «Фармане» без парашюта/ без каких-либо страховок с безграмотным пилотом <...> **Кстати/ об авиации**. В Гатчине/ где он жил... (УП НКРЯ).

В переменной части конструкции может быть и переход от общего к частному, ср.:

- 38) — Если брать птиц/ да/ все неворобьиные/ у них у всех очень простая вокализация.

⁹ В отличие от публицистических текстов. Так, например, конструкция <кстати о + X> может быть заголовком. Подробнее о функционировании <кстати о + N_о> в текстах СМИ, художественных произведениях см. [Откидич 2015].

¹⁰ Описываемое явление отчасти напоминает близкую к нему особенность повседневного общения, которая была обнаружена в одном из недавних исследований и названа автором «эхо»-реакция: в ходе коммуникации собеседник воспринимает то высказывание, которое только что произнес говорящий, и полностью или частично повторяет его [Попова 2023].

— И прекрасно выживают.

— Да. Единственное/ я обнаружил — **кстати/ о лебедях** — я обнаружил/ что единственный вид... (УП НКРЯ);

или ассоциации:

- 39) То есть/ вот такая... это Иван Грозный/ вы спросили про Ивана Грозного/ вот типичная аналогия. **Кстати/ о любимых фильмах**. Вы знаете/ что сам Сталин вдохновлял «Ивана Грозного»... (УП НКРЯ).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что в устной повседневной речи слово *кстати* несколько изменило свою семантику по сравнению с тем, что зафиксировано в словарях, а также входит в состав различных конструкций, значение которых следует рассматривать отдельно. Так, исследуемое слово активно употребляется в значении 'акцентирование внимания слушателя', выполняя при этом ряд функций. Кроме того, *кстати* сближается с модальной частицей в значении 'несоответствие ожидаемому' и в роли коммуникатива (при изолированном употреблении слова в ответной реплике диалога). Неуместными представляются следующие употребления этой единицы: 1) если связь компонентов высказывания, соединяемых с помощью *кстати*, понятна только говорящему, 2) в значении 'несоответствие ожидаемому'. Полученные сведения могут найти отражение в проекте «обновленной» словарной статьи слова *кстати*, а также оказаться полезными для пополнения лингвистических баз данных, в практике преподавания русского языка и в практике перевода русских текстов на другие языки.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р — V. Изд. 2-е, испр. СПб., М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882а. 704 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. П. Изд. 2-е, испр. СПб., М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882б. 576 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. К — О. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

ОРД — Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» [Электронный ресурс]. URL: <https://ord.spbu.ru>

Словарь Академии Российской. В 6 т. Т. 5. Р — Т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. 1084 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. Крепость — Льяной / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 2000. 255 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. С — Ящурный / Сост. проф. В. В. Виноградов, проф. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин и др. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 1500 с.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Кстати и нестати*: к речевым практикам Достоевского // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 33–45.
- Богданова Н. В. О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18), т. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 71–80.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 23–31.
- Богданова-Бегларян Н. В., Маслова Е. Р. Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Гл. ред. Е. В. Головкин. Том XV, часть 3. I. Актуальные проблемы изучения русского глагола / Ред. М. Д. Воейкова, С. В. Краснощекова, Е. Г. Сосновцева; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 158–184.
- Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 283 с. (машинопись).
- Левонтина И. Б. Похоже ли *походу* на *похоже*? // Русская речь. 2020. № 6. С. 28–39.
- Откидых Е. В. Особенности присоединения правого контекста с помощью скрепы-фразы *КСТАТИ*, *О + N₆* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3 (54). С. 145–148.
- Откидых Е. В. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 20 с.
- Попова Т. И. «Эхо»-реакция в диалоге: корпусное исследование устного дискурса в гендерном аспекте // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 14–21 марта 2023, С.-Петербург. Сб. тезисов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. С. 1003–1004.
- Приемышева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–60.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 584 с.
- Русская грамматика. Т. II. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Шаронов И. А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2009. С. 543–547.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let Alone* // Language, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 608 p.
- Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. [*Kstati* and *nekstati*: to Dostoevsky's speech practices]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, no. 1 (35), pp. 33–45. (In Russ.)

- Bogdanova N. V. [About the project of the dictionary of discursive units of Russian speech (based on the corpus material)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* (Bekasovo, 30 maya – 3 iyunya 2012 g.) [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 30 – June 3, 2012)]. Issue 11 (18), vol. 1. Moscow, RGGU Publ., 2012, pp. 71–80. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V. [Pragmatemes in spoken everyday speech: Definition and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2014, issue 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V. [The core and periphery of the lexical and grammatical characteristics of the Russian word: about the fate of peripheral units]. *Mir russkogo slova*, 2020, no. 2, pp. 23–31. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Maslova E. R. [Russian contact verbs in oral spontaneous speech: vocabulary volume and functional and semantic diversity]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy / Gl. red. E. V. Golovko. Tom XV, chast' 3. I. Aktual'nye problemy izucheniya russkogo glagola / Red. M. D. Voelikova, S. V. Krasnoshchekova, E. G. Sosnovtseva; II. Varia* [Acta Linguistica Petropolitana. Proc. of the Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief E. V. Golovko. Vol. XV, part 3. I. Current issues in the study of Russian verb / Eds. M. D. Voelikova, S. V. Krasnoshchekova, E. G. Sosnovtseva; II. Varia]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 158–184. (In Russ.)
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let Alone*. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Levontina I. B. [Are the words *pokhodu* and *pokhozhe* similar?]. *Russkaya Rech'*, 2020, no. 6, pp. 28–39. (In Russ.)
- Otkidych E. V. [Specifics of joining the right context by the inter-phrase conjunction "KSTATI, O + N₆".] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 12-3 (54), pp. 145–148. (In Russ.)
- Otkidych E. V. *Funktsionirovanie tekstovykh skrep kstati i mezhdru prochim v monologicheskom i dialogicheskom tekste. Diss. kand. filol. nauk* [Functioning of text bonds *kstati* and *mezhdru prochim* in monologue and dialogic text. PhD thesis]. Tomsk, 2017. 20 p.
- Popova T. I. ["Echo"-reaction in dialogue: a corpus study of oral discourse (the gender aspect)]. *LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi. 14–21 marta 2023, Sankt-Peterburg. Sb. tezisov* [LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya. March 14–21, 2023, St. Petersburg. Collection of abstracts]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 2023, pp. 1003–1004. (In Russ.)
- Priemysheva M. N. [Colloquial vocabulary vs colloquial speech: trends and problems of lexicographic description]. *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya). Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii (23–25 fevralya 2020 g.)* [Everyday speech as the object of lexicography (The Thirteenth Shmelev readings). Abstracts of reports of the International Conference (February 23–25, 2020)]. Moscow, RLI RAS, 2020, pp. 58–60. (In Russ.)
- Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. *Lingvistika konstruktiv. Otv. red. E. V. Rakhilina* [Construction linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p.
- Russkaya grammatika (gl. red. N. Yu. Shvedova)* [Russian grammar]. Vol. II. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
- Sharonov I. A. [Communicatives and methods of their description]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue"]. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 543–547. (In Russ.)
- Zhukova S. Yu. *Diskursivnye formuly russkogo yazyka v diakhronicheskom aspekte (na materiale XVIII–XXI vekov). Diss. kand. filol. nauk* [Russian discourse formulae from a diachronic perspective (based on the data from 18th – to 21st cent.). PhD thesis]. Moscow, 2021. 283 p.

Сравнительный оборот «как грязи» в диахроническом аспекте

Игорь Алексеевич Шаронов, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), igor_sharonov@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170028373-9

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена диахроническому описанию сравнительной конструкции «как грязи» в современном русском языке. Конструкция рассматривается, с одной стороны, в ряду идиом со значением очень большого количества объектов, а с другой стороны, по ее центральному компоненту, как принадлежащая лексическому полю «грязь» с его негативными коннотациями. На основании анализа частотности и характера сочетаемости употребления конструкции в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) можно увидеть историю ее становления и развития. Первая фиксация употребления в НКРЯ — конец XIX в. До 90-х гг. XX в. литературных примеров использования крайне немного. Словари отмечают областной характер использования конструкции «как грязи», использования ее главным образом по отношению к людям и продуктам питания. Однако начиная с 90-х гг. XX в., очевидно в связи с резким переходом к свободе от цензурных рамок, отмечается как значительный рост употреблений конструкции, так и расширение ее сочетаемости. Пик использования, «мода» на конструкцию приходится на нулевые годы XX в., после чего наблюдается постепенное падение частотности употребления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сравнительные конструкции, лексические поля, диахронический анализ, корпусная лингвистика, количественный анализ

для цитирования: Шаронов И. А. Сравнительный оборот «как грязи» в диахроническом аспекте // Русская речь. 2023. № 5. С. 45–51. DOI: 10.31857/S013161170028373-9.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Issues of Modern Russian Language

Comparative Construction “Kak Griazi” (*Dime a Dozen*, Lit. *Like Dirt*) in Diachronic Aspect

Igor' A. Sharonov, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow), Igor_sharonov@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the diachronic approach of the comparative construction “like dirt” in the modern Russian language. The construction is included, on the one hand, into the group of idioms indicating the large number of objects, and, on the other hand (because of its central component), into the lexical field “dirt” with its negative connotations. The analysis of the frequency and compatibility of the construction in the National Corpus of the Russian Language (RNC) demonstrates its history and development. The first fixation of the structure is at the end of the 19th century. In the 20th century, there were very few literary examples of use until the 90s. The compatibility of the construction was limited to the nomination of people and food. Some 20th century dictionaries mark the structure “like dirt” as regional. However, since 1990, apparently due to freedom from censorship, there has been a significant increase in the use of the structure, as well as an expansion of its compatibility. The peak of the usage falls on the first decade of the 21st century, and after that, we can observe its frequency gradually drop.

KEYWORDS: comparative constructions, lexical fields, diachronic analysis, corpus linguistics, quantitative analysis

FOR CITATION: Sharonov I. A. Comparative Construction “Kak Griazi” (*Dime a Dozen*, Lit. *Like Dirt*) in Diachronic Aspect. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 45–51. DOI: 10.31857/S013161170028373-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Начавшиеся с 90-х гг. XX в. процессы демократизации социальной жизни России, освобождение от политической и культурной цензуры легли на общую цивилизационную направленность в мире по снятию ограничений

с того, что не разрушает социальные институты и не нарушает права других людей. При всех положительных моментах, связанных с этими процессами, «свобода слова» привела к быстрому расширению открытого использования в современной речи сниженной, грубой и обценной лексики, к возвращению архаичной эстетики низовой культуры.

В речи носителей современной субстандартной лексики встречается наряду с обценной целое поле близкой ей лексики, связанной с грязью в широком понимании этого слова. В статье рассматривается история появления и становления устойчивого оборота «как грязи» на фоне беглого анализа лексического поля «грязь» в русском языке.

Раскрепощение речевой практики в России с 90-х гг. привело не только к активному расширению использования «низкой» лексики в нейтральной и даже публичной речи, но и к постепенному выветриванию сопровождающих эту лексику коннотативных характеристик, сближение ее с более оценочно нейтральной экспрессивной лексикой. Будет ли это явление в языковой культуре продолжать расширяться или маятник, как это водится в России, пойдет вспять, сказать наверняка не может никто, можно лишь пытаться наблюдать за такого рода эволюционными процессами.

Исследователи отмечают, что семантика грязи является в русском повседневном общении одним из актуальных, частотных коммуникативных смыслов [Крысин 2012]. Русская культура неотделима от природы России со всеми ее характерными северными свойствами: распутицей, слякотью, бездорожьем. Она накрепко связана с известной русской «аккуратностью». Р. И. Розина исследовала глаголы, описывающие самые разнообразные способы загрязнения объекта — их в русском языке более сорока [Розина 2019]. Лексическое поле грязи находит развернутое описание в толковых и фразеологических словарях.

В толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов (гл. ред.) 1998] слово «грязь» представлено в шести значениях, из которых только одно, pl. tantum («лечебные грязи»), нейтрально, остальные имеют ярко выраженные негативные коннотации.

В словарной статье ГРЯЗЬ «Активного словаря русского языка» [Апресян (отв. ред.) 2014] выделена специальная зона «коннотации», где «грязь» определяется как «что-то плохое, пачкающее».

Типовая сочетаемость слов «грязь» и «грязный» представлена в «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» и в «Активном словаре русского языка» (см. [Денисов, Морковкин (ред.) 1978; Апресян (отв. ред.) 2014]): «*грязная работа, грязная борьба, ругательства, анекдоты*»; чужеземцам регулярно приписывают эпитет «грязный».

Грязью закидывают или поливают недругов, ее разносят по квартире, заносят в рану, разводят в тетради, с нею сталкиваются в политике. Грязными называют неэтичные, нарушающие моральные нормы поступки, дела, истории; незаконно заработанные деньги. В языке сформировалось много устойчивых оборотов со словами «грязь», «грязный», которые нашли описание

во фразеологических словарях: «обливать... грязью (кого-л./что-л.)»; «лить грязь (на кого-л./что-л.), втапывать в грязь (кого-л.), вылить ушат грязи (на кого-л.), копать/ковыряться... в грязи, грязное белье»; «копаться в грязном белье»¹ и т. д. Приведем несколько толкований таких оборотов из разных фразеологических словарей:

«Из грязи (да) в князи, *разг. пренебр.* О том, кто быстро и неожиданно для других разбогател, продвинулся по службе, сделал карьеру и т. п.» [Федоров (ред.) 1991, т. 1: 130].

«Поливать/обливать грязью (кого-л./что-л.); лить грязь (на кого-л./что-л.). В неоправданно грубой, оскорбительной форме неоднократно необоснованно (с точки зрения говорящего) осуждать действия и личные качества кого-л., что описывается как обильное загрязнение кого-л./чего-л. ♦ поносить кого-л., оскорблять кого-л., ругать кого» [Баранов, Добровольский (ред.) 2009: 128–129].

«Копаться <рыться> в грязном белье. Заниматься распространением сплетен, обсуждать подробности чужой интимной жизни» [Крысин (отв. ред.) 2014: 399].

На этом фоне любое сравнение с грязью по логике или на основании влияния внутренней формы [Баранов, Добровольский 2009] должно бы быть использовано для исключительно негативных объектов. Однако развитие использования оборота как *грязи* в языке пошло по своей особой траектории.

Сравнительный оборот «как грязи» входит в обширный синонимический ряд образных средств, выражающий большое количество чего-л. Множество объектов может быть передано как *куча, уйма, завались, полно, полным-полно, тьма, тьма тьмущая, видимо-невидимо, куры не клюют, сколько угодно, выше крыши, хоть отбавляй, хоть пруд пруди, как собак нерезаных, вагон, вагон с прицепом, вагон и маленькая тележка*. И это не закрытый список. Единицы синонимического данного ряда отчасти различаются шириной и доминантами в лексической сочетаемости с классами объектов.

Материалы Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) демонстрируют, что давно устоявшийся в языке оборот *видимо-невидимо* (560 употреблений) в большей степени «специализируется» на природных богатствах: *грибов, зверья, рыбы*, хотя, конечно, и не только на этом, *уйма чего-л.* (722) активнее используется с абстрактными, нерасчлененными понятиями — *времени, работы, проблем, детей, снега* и т. д.; оборот *куры не клюют* (88 употреблений) сочетается в основном со словом «деньги»; оборот как *собак нерезаных* (37 употреблений) «предпочитает» престижную лексику — высокие должности, интересные профессии, дорогие предметы. На их фоне оборот как *грязи*, имеющий в основном корпусе НКРЯ 39 примеров употребления, большая часть из которых — относительно недавние, выглядит как слабо освоенный и «свежий» неологизм.

¹ Более полный список см. в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [Баранов, Добровольский (ред.) 2007].

Однако возник этот оборот еще в XIX в., но использовался главным образом в диалектах. В НКРЯ из литературы конца XIX в. отмечен только один сибирский пример из охотничьего дискурса:

Чего и говорить — утки было, как грязи! (А. Черкасов. На Алтае. 1884).

Чуть больше примеров выпадает на период первой четверти XX в. В это время оборот *как грязи* тяготеет к передаче множественности людей:

Простоял давеча у конки до двух часов — не взяли: народу — как грязи (Ф. Д. Крюков. Человек // Русские Ведомости. 1910).

Купцов, купцов этих у нас показалось — как грязи! (Ф. Д. Крюков. Мельком // Русские Записки. 1917).

Народищу у него, как грязи. Вон, поспрошайте-ка в лесу, при дороге, его бекетчики стоят (В. Я. Шишков. Ватага. 1923).

Затем частотность использования падает до нуля и немного возрастает уже в конце 60-х гг. XX в. в произведениях крестьянской и военной тематики:

Потруднее пришлось с Алешкой — он боялся бабушки. Но и Алешка, после того как я ему втолковал насчет острова, где налимов, что грязи, — тоже сдался (В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991).

Поуродуемся, ребята, до чаю. Рыбы на борту, что грязи (Г. Владимов. Три минуты молчания. 1969).

Утверждение об относительно активном использовании конструкции в диалектной речи (в двух вариантах: «как грязи» и «что грязи») мотивировано представленностью ее во фразеологическом словаре под редакцией Федорова [Федоров (ред.) 1991, см. словарную статью «Что грязи чего»]. Оборот в словаре помечен как *областной* и *экспрессивный*, иллюстрируется примером: «Был я как-то в районе. Уже уезжать — смотрю, вся машина арбузами забита. Спрашиваю: откуда — шофёр мнётся... — У нас этого добра, что грязи. Убирать не успеваем».

Итак, на основе выявленных примеров использования оборотов до 90-х гг. XX в. можно сделать предположение о функционировании оборота в устной диалектной речи и использовании в связи с избытком народа (скорее негативно) или продуктов питания (скорее нейтрально).

Начиная с 90-х гг. XX в. в употреблении оборота «как грязи» происходят изменения. Корпус демонстрирует резкое увеличение его употреблений в художественной и публицистической речи и расширение его сочетаемости — прежде всего лексемой «деньги». В словаре В. М. Мокиенко, выпущенном в самом начале XXI в. [Мокиенко 2003: 91], указываются два наиболее частотных сочетания оборота: с лексемой «деньги» и лексемой «народ».

Помета *obl.*, зафиксированная в словаре А. И. Федорова, заменяется в словаре В. М. Мокиенко на помету *прост.* Анализ материала показывает, что оборот активно используется как гипербола для указания на большое количество важных для постсоветского человека объектов — справок, колбасы, туалетной воды и т. п., — которые до недавнего прошлого были трудно достижимыми. Однозначно определить оценочный характер данных употреблений достаточно

сложно. Скорее, это сочетание восхищения и хвастовства с пренебрежительными нотками.

— Ну а там... колбаса, сахар? — Да навалом! **Что грязи!** — Вот за грязь почему-то я всегда был спокоен (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана. 1997). Прокладок развели, **как грязи**. И все с крылышками, крылышками. Ангелы вы наши! (Г. Щербакова. Армия любовников. 1997). В течение же остальных суток надо (пить чай) из армуды. У меня дома этих армуды, **как грязи** (Арифджанов. Москва азербайджанская // Столица. 15.04.1997).

В нулевые годы число объектов сравнения расширяется параллельно с еще большим ростом популярности сравнения: «как грязи» теперь у нас анекдотов, кумиров, книжек, моралистов, дилетантов, университетов. Если в словаре В. М. Мокиенко [Мокиенко 2003] оборот помечен как просторечный, то в словаре под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, выпущенном несколькими годами позже [Баранов, Добровольский 2009], стоит уже помета *снижен., жарг.* Оборот все больше приближается к статусу общеупотребительного.

В честь возвращения поставил Семка для мужиков угощение. А как напился, стал хвастать, что золота у него теперь, **что грязи** (Т. Белоусова. Достояние республики // Совершенно секретно. 06.02.2003).

Да этой конопли у нас в Карагане — **как грязи!**.. (Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва № 11, 12. 2004).

Кокосов, манго, ананасов и авокадо там — **как грязи**. Белоснежные пляжи защищены от акул коралловыми рифами. Красота! (С. Грибоедова. Там всегда тепло и солнечно // Хулиган. 15.12.2003).

В нулевые годы оборот стал необыкновенно моден в журналистской среде. В газетном подкорпусе НКРЯ на этот период приходится более 40 употреблений оборота!

В десятые годы, однако, количество примеров, отмечаемых НКРЯ, резко падает. В газетном подкорпусе — более чем двукратное снижение употреблений по сравнению с нулевыми, а в основном корпусе НКРЯ встретилось всего 4 случая использования обоих вариантов. В первые два года третьего десятилетия примеров употребления конструкции не отмечается.

Разумеется, это не означает, что в узусе оборот исчезает, однако, как кажется, НКРЯ все же имеет некоторую корреляцию с реальным использованием. Неужели внутренняя форма дает себя знать и оборот оказался просто в числе модных идиом переходной эпохи, с естественным для моды угасанием после взрыва популярности?

Литература

- Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М.: Эксмо, 2009. 704 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. От чего зависят стилистические характеристики идиомы (имя им легион VS. их как грязь) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 78–91.
- Денисов П. Н., Морковкин В. В. (ред.). Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1978. 686 с.
- Крысин Л. П. Человек в зеркале русской разговорной речи (лексикографический аспект) // Słowo. Tekst. Chas XI. Szczecin – Greifswald, 2012. С. 539–547.
- Крысин Л. П. (отв. ред.). Толковый словарь разговорной русской речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
- Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 15.03.2023).
- Розина Р. И. Стратегия концептуализации предикатной лексики: глаголы порчи (загрязнения) – семантика, сочетаемость, аспектуальное поведение // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XX. Взаимодействие лексики и грамматики. М., 2019. С. 256–267.
- Федоров А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVII – XX в. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. 337 с.

References

- Apresyan Yu. D. (ch. ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2014. 736 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). *Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms]. Moscow, Mir Entsiklopedii Avanta+, 2007. 1135 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (eds.). *Frazeologicheskii ob"iasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Phraseological explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 704 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. [What determines the stylistic characteristics of the idiom (their name is legion VS. they are like dirt)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2009, no. 2 (18), pp. 78–91. (In Russ.)
- Denisov P. N., Morkovkin V. V. (eds.). *Uchebnyi slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Educational dictionary of the compatibility of words of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1978. 686 p.
- Fedorov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII – XX v.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late 17th – 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 337 p.
- Krysin L. P. [Man in the mirror of Russian colloquial speech (lexicographic aspect)]. *Słowo. Tekst. Chast XI* [Word. Text. Part 11]. Szczecin; Greifswald, 2012, pp. 539–547. (In Russ.)
- Krysin L. P. (resp. ed.). *Tolkovyi slovar' razgovornoj russkoi rechi* [Explanatory dictionary of colloquial Russian speech]. Iss. 1. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2014. 776 p.
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Mokienko V. M. *Slovar' sravnenii russkogo yazyka* [Dictionary of comparisons of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2003. 603 p.
- Molotov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 543 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 15.03.2023).
- Rozina R. I. [The strategy of conceptualization of predicate vocabulary: verbs of damage (pollution) – semantics, compatibility, aspectual behavior]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. XX. Vzaimodeistvie leksiki i grammatiki*. Moscow, 2019, pp. 256–267. (In Russ.)

Древнерусская *фита* и новгородский *талмуд*

Александр Игоревич Грищенко, Институт славяноведения РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва),
alexander.grishchenko@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170028366-1

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме происхождения особой манеры произношения и соответствующего написания кириллической буквы «фита» (Θ), восходящей к греческой «тэте» (Θ), в виде /ft/, что ранее было известно лишь в рутенской книжной традиции, преимущественно староукраинской, не старше начала XVII века. В качестве рабочей гипотезы предложен контаминированный характер написаний типа *ѡт* / *ѡм* / *тѡ* / *тѡф*, возникших в результате приспособления латинского сочетания *th*, соответствующего «тэте-фите», восточнославянскими книжниками, знакомыми как с латинским, так и с греческим языком; при этом следует иметь в виду, что смешение «фиты» и «ферта» (Ф) и произношение обеих как /f/ — специфически восточнославянская черта, практически неизвестная средневековым южнославянским книжникам, поэтому и произношение «фиты» как /ft/ могло появиться только на Руси. В качестве самых ранних книжных примеров написаний, отражающих произношение /ft/, предлагаются случаи, отмеченные в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века: *Кааѡтѡ* (для греч. *Καάθ* и лат. *Caath*), *Наѡтанаиѡлѡ* (*Ναθαναήλ* / *Nathanahel*) и *Масуроѡтѡ* (*Μασουρώθ* / *Moseroth*). Правленое Пятикнижие было одним из источников, использованных при составлении Геннадиевской Библии в конце XV в., и среди новых переводов с латыни, подготовленных в кружке новгородского архиепископа Геннадия, распространилась передача этимологической греческой «тэты» и латинского сочетания *th* при помощи двойного написания *тѡ* или *ѡт* (в основном с надстрочным элементом), которые могли читаться как /tf/ или /ft/.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кириллица, церковнославянский язык, история орфографии, славянская библеистика, иудео-славянские отношения, рутенская культура

для цитирования: Грищенко А. И. Древнерусская *фита* и новгородский *талмуд* // Русская речь. 2023. № 5. С. 52–68. DOI: 10.31857/S013161170028366-1.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ в рамках научного проекта № 21-012-41004. Автор выражает глубокую благодарность братии Хиландарского монастыря на Св. Горе Афон и Хиландарской исследовательской библиотеке в Университете штата Огайо (Колумбус, США) в лице проф. Мери-Ален Джонсон за возможность пользоваться копиями микрофильмированной рукописи, упомянутой в статье. Также автор благодарит за библиографическую помощь А. Ю. Виноградова (НИУ ВШЭ, Москва), А. Д. Паскаля (РГБ, Москва) и С. В. Полехова (РАНХиГС, Москва).

From the History of the Russian Language

The Old Russian *Theta* and a Novgorodian *Talmud*

Alexander I. Grishchenko, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
HSE University (Russia, Moscow), alexander.grishchenko@gmail.com

ABSTRACT: The article deals with the problem of the origin of the special manner of pronunciation and corresponding spelling of the Cyrillic letter “fita” (Θ), going back to the Greek “theta” (Θ), as /ft/, which was previously known only in the Ruthenian book tradition, mostly Old Ukrainian, not older than the early 17th century. I propose a working hypothesis that the spellings *ѳт* / *ѳт* / *тѳ* / *тѳ* had a contaminated nature, which arose as a result of the adaptation of the Latin *th*, corresponding to “theta-fita,” by East Slavic scribes familiar with both Latin and Greek. It should be kept in mind that the confusion of “fita” and “fert” (Φ) and the pronunciation of both as /f/ was a specifically East Slavic feature, almost unknown to medieval South Slavic scribes, so the pronunciation of “fita” as /ft/ could appear only in Rus’. As the earliest bookish examples of spellings reflecting the pronunciation /ft/ are suggested the cases noted in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch of the 15th century: *Кааѳтѣ* (for Greek *Καάθ* and Latin *Caath*), *Наѳтанаилѣ* (*Ναθαναήλ* / *Nathanahel*), and *Масуроѳтѣ* (*Μασουρώθ* / *Moseroth*). The Edited Pentateuch was one of the sources used in compiling the Gennadian Bible in the late 15th century, and among the new

translations from Latin, prepared in the circle of Archbishop Gennadius of Novgorod, the transmission of the etymological Greek “theta” and the Latin *th* by the twofold spelling *mθ* or *θm* (mostly with the superscript element) spread, and these ones could be read as /tf/ or /ft/.

KEYWORDS: Cyrillic script, Church Slavonic, history of orthography, Slavonic Biblical studies, Jewish-Slavonic relationship, Old Ruthenian culture

FOR CITATION: Grishchenko A. I. The Old Russian *Theta* and a Novgorodian *Talmud*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 52–68. DOI: 10.31857/S013161170028366-1.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was funded by RFBR, project number 21-012-41004. I express my deep gratitude to the Monks of Hilandar Monastery on St. Mount Athos and to the Hilandar Research Library at The Ohio State University (Columbus, USA), represented by Prof. Mary-Allen Johnson for the opportunity to use the copies of the microfilmed manuscript mentioned in the article. I am also grateful for the bibliographic assistance of Andrey Vinogradov (HSE University, Moscow), Alexander Pascal (Russian State Library, Moscow) and Sergey Polekhov (RANEPa, Moscow).

Памяти профессора Игоря Георгиевича Добродомова (1935–2022)

В древнегреческом языке было две фонемы, совершенно чуждые фонетической системе как праславянского языка, так и всех его средневековых потомков, — придыхательные, то есть произносившиеся с дополнительным горланным шумом, /p^h/ и /t^h/, которые передавались буквами Φ «пхи» и Θ «тхэта» соответственно. Судя по всему, уже в эллинистическую эпоху, особенно к моменту создания на греческом языке книг Нового Завета, они утратили придыхание и стали произноситься как щелевые тех же мест образования, и получились губно-зубная /f/, букву для которой стали называть и до сих пор называют «фи», и межзубная /θ/, которую по-русски нельзя назвать никак иначе, как «тэта», поскольку межзубное ее произношение — в отличие от вполне уже привычного *φ* — русским языком так и не было освоено. Впрочем, мы все хорошо знаем, как звучит английское *th* в глухом варианте (и даже транскрибируется при помощи той же греческой «тэты»), например в словах *three* ‘три’ или *thanks* ‘спасибо’; примерно так же звучала «тэта» в греческом языке византийской эпохи, когда появились первые переводы Евангелия на старославянский язык, и звучит до сих пор в современном греческом.

Как же с передачей этих особенных фонем, прежде всего в именах собственных (например, *Φίλιππος* / *Филипп* или *Μάρθα* / *Марфа*), справлялись первые переводчики с греческого на старославянский, которыми обычно считаются

святые равноапостольные Мефодий и Кирилл (он же Константин Философ)? В первом славянском алфавите, созданном ими, — глаголице — особой буквой, вероятно, передавалась только греческая «фи» (которая получила загадочное название **фрьтъ** — в современном русском «ферт»), причем она была несколько похожа на «тэту» (**ѠѢ**), тогда как греческой «тэте» в глаголических формах соответствовала буква **тврѣдо** (в современном русском — «твёрдо»), то есть /θ/: передавалась через /t/: греческое имя *Φίλιππος* записывалось глаголицей как **ѠѢѦѦѢѦѢ** (*Филипъ* в кириллической транслитерации), а евангельское имя *Μάρθα* арамейского происхождения, но также попавшее в старославянский язык через греческое посредничество — как **ѢѦѦѦѦѦѢ** (*Марта*) или, со вставным «ером», **ѢѦѦѦѢѦѢѦѢ** (*Марѣта*). Впрочем, в древнейших глаголических памятниках — Мариинском и Зографском евангелиях X–XI вв. — по одному разу встречаются и написания с собственно греческой «тэтой» (**ѠѢ**), и позже она вполне осваивается новым славянским алфавитом — кириллицей, которая по сути представляла собой дополненный греческий алфавит, и в кириллице Марфа пишется уже как **Марѣа**. Эту освоенную «тэту» принято называть **Ѡита** (в современном русском — *фита́*) — в соответствии с византийским (и новогреческим) произношением, где долгое ē (передававшееся буквой η «эта») стало звучать как i, и именно эта буква была в собственно греческом названии *θηῖτα* /θíta/. В средневековых южнославянских рукописях «Ѡита» конкурировала с *t* в словах с греческой «тэтой», но в итоге в современных языках православных южных славян победило написание через *t*, поэтому Марфа по-болгарски и по-сербски — *Марта*, а Мефодий (по-гречески *Μεθόδιος*) — *Методий* и *Методије* соответственно. В языках европейских народов, в том числе славян, исповадавших католицизм, а потому в качестве эталонного церковного языка использовавших не греческий, а латынь, грецизмы (и семитизмы, прошедшие через греческое посредничество) с «тэтой» записывались, естественно, латинскими буквами, но «тэта» передавалась в них, как и в латыни, сочетанием *th* (в соответствии еще с совсем древним произношением), хотя произносилась как /t/, а «фи» — сочетанием *ph*, которое в итоге стало произноситься как /f/. Так, например, даже в современном английском имя *Thomas* произносится с начальным /t/, а не /θ/, вопреки написанию, в церковнославянском же это, конечно, **Ѡома**, так что американские анимационные герои *Том и Джерри* (*Tom and Jerry*) — это по-русски *Фома и Ерема*.

Почему же в русском «ѡита» стала произноситься как «ѡертъ», а не «твердо»? Причины этого явления еще не до конца изучены, но главной предпосылкой для того, чтобы смешивать слова с Θ и Φ , было их греческое происхождение, а со знанием греческого языка в Древней Руси дела обстояли явно хуже, чем на славянском Юге, где болгарские и сербские книжники находились в постоянном контакте с греческими книгами и грекоязычными собратьями. Если в древнейшей точно датированной книге Руси (и вообще славянского мира) — Остромировом Евангелии 1056–57 гг. — Θ и Φ еще не путаются, то в следующем по известной дате создания кодексе — Изборнике Святослава

1073 г., переписанном с древнеболгарского Сборника царя Симеона начала Х в., — такие примеры попадают уже десятками: написание **анфракъсь** в нем (вместо правильного **аноракъсь** в соответствии с греч. *ἄνθραξ* ‘уголь’ — отсюда современное **антрацит**, заимствованное через латинское посредничество) обратил внимание крупнейший славянский палеограф и историк языка Е. Ф. Карский [Карский 1928: 209]¹. Количество неправильных написаний — с «өитой» вместо «ферта» и с «фертом» вместо «өиты» — в дальнейшем только возрастает: их уже существенно больше в Архангельском Евангелии 1092 г., и совершенно регулярной такого рода взаимная мена становится в Мстиславовом Евангелии начала XII в., не говоря уже о древнерусской эпиграфике и берестяных грамотах. Этимологически правильное написание **Ө** и **Ф** в средневековых восточнославянских рукописях — признак высокой учености книжника и, вероятно, владения греческим языком. Когда церковнославянский язык начинает кодифицироваться в трудах православных книжников Речи Посполитой — в словарях Лаврентия Зизания «Лексис» (1596) и Памвы Берынды «Лексикон славеноросский» (1627), а также в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619), — устанавливается этимологический принцип употребления на письме «өиты» и «ферта», хотя звучать они продолжают одинаково — как /ф/. В ходе петровской реформы русской графики в обновленном алфавите были оставлены обе буквы, пусть и в гражданском начертании [Азбука гражданская 1710: 3, 5], но уже в том же XVIII веке высказывались соображения о том, что одна из них лишняя [Григорьева 2004: 12–31]. В итоге «өита», сохраняясь в церковнославянских изданиях, придерживающихся традиционной графики, была исключена из русского алфавита во время реформы 1917–1918 гг. и заменена на «ферт», который, чтобы избавиться от каких-либо религиозных коннотаций, стали называть просто «эф».

Однако кроме общераспространенной среди восточнославянских книжников как московских и новгородских, так и староукраинских и старобелорусских земель манеры произношения «ѣиты» как /ѣ/ Б. А. Успенским в его докторской диссертации было подробно описано и другое ее произношение, причем специфически рутенское, — как /ft/ [Успенский 1971: 379–400]². Эта манера была характерна по преимуществу для староукраинского ареала,

¹ В Изборнике 1073 г. (Син. 1043) не только «ѡта» заменяется «фертом», но и наоборот — ср. красноречивый пример сразу с двумя этими буквами, где они были спутаны: Иафет, один из трех сыновей Ноя, именуется по-гречески *Ίάφεβ*, и он трижды упоминается в этом памятнике в ошибочном написании (*Ίάφεоу* 137г, *Ίάφεоки* 138г, *Ίάφεоу* 139а). Кстати, современное русское *Иафет* — один из тех редких случаев, когда «тэта» в библейском имени передается через «т»: дело в том, что так оно регулярно писалось в восточнославянской рукописной традиции книги Бытия и даже в первопечатной Острожской Библии 1581 г. Гречизированная форма *Ίάφεβ* закрепились только в Елисаветинской Библии 1751 г. и употребляется только в богослужебных текстах на современном церковнославянском.

² В сжатом виде эта особенность староукраинского произношение «өиты» описана им в опубликованных работах [Успенский 1969: 250–252; Успенский 1975: 182–183] и кратко упомянута — в учебнике по истории русского литературного языка [Успенский 2002: 356, 446].

Среди участников Геннадиевского кружка многие знали латынь (прежде всего монах-доминиканец Вениамин, прибывший в Новгород, по-видимому, из Чехии [Турилов 2004], и Дмитрий Герасимов [Макарий 2006]) и переводили с нее недостающие ветхозаветные книги (1–2 Паралипоменон, 1–3 Ездры, Неемии, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, 1–2 Маккавейские) и отдельные главы (10–16 Есфири, 1–25, 46–51 пророка Иеремии, 45–46 пророка Иезекииля), ранее не переведенные с греческого на церковнославянский [Алексеев 1999: 197; Ромодановская 2005: 585]. Для передачи в новых переводах с латыни латинского *th*, соответствующего греческой «тэте», геннадиевские книжники использовали не только написание ꙗѳъ, приведенное В. А. Ромодановской (их немало, например, в 1-й книге Ездры), но и ѿ, с «өитой» в строке и выносным «твердом», что можно обнаружить в начале 1-й книги Паралипоменон (1 Пар 1:5) старшего полного списка Геннадиевской Библии 1499 г. (*Син.* 915, л. 250 об. — см. рис. 1): **сѣве а ф е т о в ы : гомеръ : магогъ : мадан :** **нѣаванъ : ѿ ѡ валъ : мосѡ : ти р а съ** — ср. греческий текст: *υἱοὶ Ιαφεθ Γομερ Μαγωγ Μάδαι Ἰωναν Ελισα Θοβελ Мосох καὶ Θιρας* — и латинский: *filiī Iafeth Gomer Magog Madai et Iavan Thubal Mosoch Thiras* [выделение наше. — А. Г.]. Если сравнить этот перечень имен с тем, который представляет Елисаветинская Библия 1751 г., сверенная с греческим оригиналом (**СѢНОВЕ І А Ф Е Ѧ Ѡ В Ъ Ы : ГАМЕРЪ Й МАГОГЪ Й МАДАЙ, ΙΩΝΑΝЪ, ΕΛΙΣΑ Й ΦΟΒΕ Λ Ξ , Й МОСОХЪ И Ѳ Ι Ρ Α Σ Ξ**), то видно, что вариант Геннадиевской Библии зависит именно от латинского, при этом сочетание *th* дважды было передано просто через *m* (*Афетовы, Тирась*) и один раз — при помощи сочетания *от*, в котором

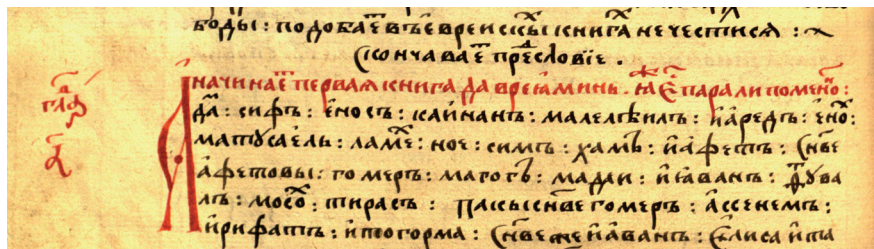

Рис. 1. Начало 1-й книги Паралипоменон в Геннадиевской Библии 1499 г.

Fig. 1. The beginning of 1 Chronicles in the Gennadian Bible of 1499

второй элемент был написан над строкой (*Отуваля*). Учитывая, что «ѡита» продолжала читаться как /f/, то сочетание *ѡт* читалось здесь, видимо, как /ft/, то есть ровно так же, как «ѡита» сама по себе произносилась в староукраинской традиции, засвидетельствованной через столетие с лишним. Однако встречается и сочетание *тѡ*, записанное целиком в строке, как в имени *Asermoth* (1 Пар 1:20, греч. нет, в русском Синодальном переводе — *Хацармавет*) — *ѡсормотѡ* (Син. 915, л. 251), то есть кириллическое соответствие латинскому *th* могло читаться и как /tf/. При этом для его передачи в той же самой книге использовалась еще и одиночная «ѡита», например в именах *Sabatha* (1 Пар 1:9, ср. греч. *Σαββα*) — *сѡбаѡа* или *Capthurim* (1 Пар 1:12, греч. нет) — *капѡѡри* (Син. 915, л. 250 об.), а также и традиционный для восточнославянской книжности «ферт»: *Mathania* (1 Езд 10:27, ср. греч. *Μαθανια*) — *нафанѡа*, хотя в предыдущем стихе то же имя записано правильно — как *маѡанѡа*, а чуть ниже (1 Езд 10:30) — в той самой геннадиевской манере как *маѡанѡа* (Син. 915, л. 304 об.).

В связи с таким разнообразием написаний возникает сразу несколько вопросов. Во-первых, какое из них было изначальным — *ѣ* или *ѡ* — и как оно читалось: /tf/ или /ft/? Во-вторых, каково происхождение первоначального написания и его чтения? В-третьих, почему оно закрепилось лишь в рутенской традиции и никак не повлияло на великорусскую?

Поскольку Б. А. Успенский сообщал о написаниях, предполагающих лишь чтение /ft/, причем исключительно в рутенском ареале, перед ним стоял только второй вопрос, и ему «[к]ажется совершенно неосновательным объяснение тех ученых [здесь идут ссылки на И. И. Огиенко, будущего митрополита Украинской греко-православной церкви в Канаде Илариона, и на краткое замечание немецкого слависта Петера Хюбнера в его книге 1966 г. — А. Г.], которые рассматривают произношение фиты в виде *фт* как результат объединения двух способов произнесения данной буквы, известных вообще в Юго-Западной Руси, — в виде *ѣ* и в виде *т* [второй способ — под латинским влиянием. — А. Г.]. Гораздо более вероятно, что данное произношение представляет собой результат сильного подражания греческому произношению соответствующей буквы („тѣты“), причем само стремление к уподоблению греческому

произношению могло быть обусловлено вторым южнославянским влиянием» [Успенский 1971: 387–388]. Однако это «посильное подражание» греческому произношению (или «посильное приближение» к нему [Успенский 1969: 251]) вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, совершенно неизвестна степень владения греческим языком у восточнославянских книжников в эпоху «второго южнославянского влияния», точнее, вряд ли кто-то из них, кроме тех, кто постоянно жил или регулярно бывал в Константинополе и на Афоне, владел греческим. Те же книжники, причем не только восточнославянские, но в первую очередь южнославянские, которые владели греческим языком³, использовали на письме для передачи греческой «тэты» обычную кириллическую «ѳиту», правда доподлинно неизвестно, как именно они ее произносили: скорее всего, так же, как и греки, то есть /θ/, коль скоро они владели греческим, а придумывать какую-то особую манеру произношения «тэты-ѳиты» в этой ситуации представляется довольно странным; не владевшие же греческим языком восточнославянские писцы продолжали путать «ѳиту» и «ѳерт». Кроме того, если нам известно о написаниях типа *тѳ* на месте греческой «тэты», то именно такие написания, а не *ѳт*, оказываются в произношении ближе к /θ/. Во втором случае артикуляция начинается с щелевого элемента /f/ и завершается взрывным /t/, тогда как в первом — наоборот, артикуляция завершается щелью, что в целом может создать впечатление если не целиком щелевого звука, то по меньшей мере аффрикаты, поэтому «посильным подражанием» греческому произношению оказывается скорее /tf/, нежели /ft/.

Нельзя при этом исключать и чисто графического происхождения написаний *ѳ* или *ѳ̇* (за которыми могло стоять произношение /tf/ или /ft/), от чего столь безапелляционно отмахивается Б. А. Успенский. Так, в одном из ранних кодексов — начала 1490-х гг., то есть заведомо до создания полного свода 1499 г., — содержащих геннадиевские переводы библейских книг с латыни на церковнославянский, уже упоминавшееся по основному списку Геннадиевской Библии начало 1-й книги Паралипоменон содержит имя *Thubal* в виде кириллического *ѳѳѳѳѳѳ*, тогда как на полях к нему приписано исправление *тѳ* (см. рис. 2: *Волок. 9*, л. 1 об.)⁴, — и в итоговом списке *Син. 915* ровно на этом месте, причем уже без исправления на полях, стоит форма *ѳѳѳѳѳѳ*, в которой как будто бы учтено оба варианта, то есть над начальным *ѳѳ* дописано выносное «твердо». Если большинство таких двойных написаний с выносной буквой появлялось в рукописях Геннадиевского кружка в результате правки *т* на *ѳ*,

³ См. обзор рукописей, созданных восточно- и южнославянскими писцами в Константинополе и на Афоне в конце XIV — начале XV в. и оказавшихся на Руси [Вздорнов 1968], в частности одного из восточнославянских писцов Евсевия-Ефрема, работавшего в 1420-е гг. и, вероятно, знакомого с греческим языком [Гальченко, Яценко 1997]. Вопрос об употреблении в них «ѳиты» в этих статьях не рассматривается, однако появление написаний типа *ѳт/ѳт* или *тѳ/тѳ* не могло бы никак остаться незамеченным.

⁴ *Волок. 9* — один из двух кодексов 1490-х гг., написанных неким Кузмицей Златоустским (по всей видимости, клириком надвратной церкви Иоанна Златоуста в новгородском владычном дворе) и посланных из Новгорода Иосифу Волоцкому [Грищенко, Понарядов 2021: 20–22].

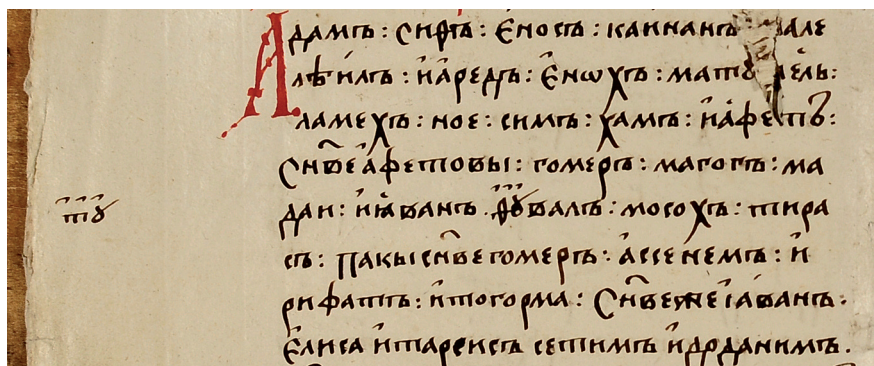

Рис. 2. Начало 1-й книги Паралипоменон в кодексе с церковнославянскими переводами с латыни, 1490-е гг.

Fig. 2. The beginning of 1 Chronicles in the codex with Church Slavonic translations from Latin, 1490s

то идея о чисто графическом, не обусловленном каким бы то ни было произношением «тэты», происхождении написаний **т̑** или **ѣ** (и, соответственно, произношения /tʃ/ или /tʃt/) не представляется столь уж фантастической.

Почему же в одной и той же рукописи, в одной и той же библейской книге, переведенной специально для Геннадиевской Библии с латыни, под пером одного и того же писца латинское сочетание *th*, соответствующее греческой букве Θ, передавалось то через **т**, то через **ѣ**, то через составные написания **т̑** или, реже, **ѣ** (которые еще реже записывались в строке как **тѣ**)? Можно предложить следующее объяснение, учитывающее как графические, так и произносительные факторы: при переводе с латыни, видя написание *th*, геннадиевские книжники знали, что в известных им системах произношения латыни оно читается только как /t/, поэтому использовали для его передачи в основном **т**, но при этом поверхностных знаний греческого у них хватало на то, чтобы соотнести латинское *th* с греческой «тэтой», которая передавалась кириллической «ѣтой» (точнее, эта была ровно та же «тэта»), и поэтому часть имен с *th* они записывали также с «ѣтой», а еще некоторое количество — используя контаминацию **т** и **ѣ** (где **ѣ** надписывалась сверху как альтернатива **т**), имея, вероятно, в виду, что произноситься такая контаминация должна как /t/ (именно поэтому использование здесь выносной «ѣты» В. А. Ромодановская расценивает как «указание на этимологическую греческую тетту» [Ромодановская 2011: 636]). Однако уже писцы, не знавшие греческого, при копировании меняли местами **т** и **ѣ** и как основное/выносное написание, и в их последовательности в строке, так что появились вторичные написания **ѣ** и **ѣт** (далее переосмыслившееся как **ѣт**), сохранившиеся затем в рутенской книжности.

О том, что такие перестановки вели к радикальному искажению орфографии и, как следствие, звучания заимствованных латинизмов с сочетанием *th*, достаточно ярко свидетельствует судьба названия Талмуда в несколько более

позднем, начала XVI в., переводе Геннадиевского кружка — в трактате «Доказательство пришествия Христа» Николая де Лиры (перевод атрибутируется Дмитрию Герасимову). Латинская форма *Thalmud* в списке пер. пол. XVIII в. (более ранних не сохранилось) передается как **тѧлмѧ**, **таѧлмѧ**, **таѧльмѧ** и даже **таѧльмѧдѧ** [Федорова 2021: 290, 417, 464]. Механизм искажения исходного кириллического написания здесь совершенно прозрачен: сначала возникла форма ***тѧл(ѧ)мѧдѧ** с уже знакомым нам приемом передачи латинского *th* (тут примечательно, что греческий язык не знал этого слова до начала XVIII в., тем более с начальной «тэтой»⁵), затем выносная «ѧита» сдвинулась правее, оказавшись над буквой **ѧ** (эту форму мы уже находим в цитируемой рукописи), что далее породило еще более искаженное написание **таѧльмѧ** — с опусканием «ѧиты» в строку, но не на правильное место, после **т**, а с ошибкой, после **ѧ**; написание же **таѧльмѧдѧ** возникло, судя по всему, в результате перестановки буквы **ѧ** из гиперкорректного ***ѧтѧл(ѧ)мѧдѧ**, где начальное **ѧ** перед **т** в русском произношении не могло читаться иначе, как /f/, то есть эта форма возникла из-за опускания «ѧиты» в строку, но в данном случае — в самое начало слова (***ѧтѧл(ѧ)мѧдѧ** или ***ѧтѧл(ѧ)мѧдѧ**), что дало результат, совпавший с рутенским /ft/ на месте «ѧиты». Аналогичные трансформации произошли в этой рукописи «Доказательства пришествия Христа» и в других словах, содержащих в латинском оригинале сочетание *th*: **метаѧфорское** ← *methaphorica*, **таѧмѧ** ← *thamau*, **таѧминѧ** ← *thamin*, **тѧминѧмѧ** ← *thaminum* — наряду с **леѧиѧтѧ** ← *leviathe*, **маѧѧѧ** ← *Mathaeus*, **птолоѧѧ** ← *Ptholomeus* (по латинско-церковнославянскому указателю [Федорова 2021: 325–426]). Без учета этих искажений название Талмуда, транслитерированное с латинской формы *Thalmud* Дмитрием Герасимовым, было курьезно кодифицировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как *таѧльмуд*, или *таѧльмудѧ* (равно как и возведено напрямую к древнееврейскому *talmūd*, где первый согласный взрывной) [Крысько (гл. ред.) 2011: 226].

Без ответа пока остается наш третий вопрос — о том, почему произношение «ѧиты» как /ft/ закрепилось в рутенской традиции, не повлияв в итоге на московскую. Если предположить, что именно у восточнославянских книжников Великого княжества Литовского и Короны Польской это произношение (а поначалу, как следует из свидетельств Геннадиевского кружка, написание) и возникло, то вопрос может быть снят: где возникло, там и получило распространение, а новгородские переводы остались лишь случайным эпизодом. Но где же рутенские свидетельства ранее начала XVII века? И при чем тут Геннадиевская Библия?

Рутенский язык (называемый также «прѧстой мовой», «руськой мовой» и западнорусским литературным языком) начиная с XV в. использовался в качестве официально-делового языка также и в Молдавском княжестве — позднесредневековом государстве, населенном как носителями старорумынского

⁵ Согласно TLG, самые ранние употребления слова *Ταλμούθ* (с конечной «тэтой», что отражает оглушение *δ*) в греческих текстах отмечены у Досифей II Нотары, патриарха Иерусалима (1669–1707), в его «Истории Иерусалимских патриархов», опубликованной в 1723 г.

языка, так и восточными славянами, носителями староукраинских говоров. Именно поэтому в «Словаре староукраинского языка XIV–XV вв.» молдавские грамоты XV в., где встречаются написания имен с этимологической «тэтой» *Мефтод* (1458 г., из *Μεθόδιος*, в грецизированном церковнославянском написании — **Меѳодїи**), *Тимофтеоу* и *Тимофтїй* (оба 1491 г., из *Τιμόθεος* / **Тїмоѳєи**), *Фтеодороу* (1467 г., из *Θεόδωρος* / **Ѳеѳдорь**), были признаны староукраинскими [Гумецька (голов. ред.) 1977: 587; Гумецька (голов. ред.) 1978: 431, 503], однако первая из грамот, с именем *Мефтод*, на проверку оказалась подложной и в действительности была написана на рубеже XVI–XVII вв. [DRH-A, vol. II: 418–421, № IV]; грамоты с именами *Тимофтеоу* и *Тимофтїй* известны лишь по копиям пер. пол. XVIII в. [DRH-A, vol. III: 169–172, № 86; 199–201, № 100], поэтому не могут рассматриваться в качестве надежного источника по истории орфографии; а грамота с именем *Фтеодороу*, судя по более новому и исправному изданию, содержит это имя в написании **Тѳеѳдоруѳ** [DRH-A, vol. II: 211–213, № 146], что подтверждается фотокопией самой рукописи [ADM: pl. XII].

Использование в молдавских грамотах личных имен греческого происхождения подчинялось в целом старорумынской традиции, для которой были вполне естественны непосредственные контакты с греческими и болгарскими книжниками, а также использование церковнославянского языка средне-болгарского извода в качестве богослужебного (отсюда стандартная передача «тэты» через **т**) — и при этом из источников известны старорумынские формы тех же имен (частично из тех же молдавских грамот) *Meftodi* / *Miftodi*, *Ftudor*, *Timofteiu* / *Timofte* / *Temofte* / *Timofti* [DOR: 107, 159, 161], а также *Dosoftei* (под этим именем известен Досифей, митрополит Сучавский и всей Молдавии, 1671–1686 гг.), *Marfta*, *Fteofan* и т. п. [DOR: 46, 103, 159]. Автор цитируемого словаря Н. Константинуеску считает, что формы календарных имен с *ft* и *f*, передающие византийскую «тэту», «славяно-русского» (то есть в данном случае — староукраинского) происхождения [DOR: XVII], что отмечается там же в словарных статьях. Время появления такого рода форм в молдавской письменности установить довольно сложно, поскольку многие грамоты дошли в поздних списках, и этот вопрос требует отдельного изучения, однако источник замены этимологической «тэты» на сочетание *ft* здесь ясен — рутенская традиция, однако и она плохо изучена с точки зрения истории орфографии заимствованных слов.

Тем не менее один надежный книжный источник второй половины XV века, созданный в рутенском ареале, предположительно в Киеве, и содержащий явные свидетельства замены этимологической «тэты-ѳиты» на */ft/*, оказался нам хорошо известен: это так называемое Правленое славяно-русское Пятикнижие — церковнославянское по своему языку, восточнославянское по редакции текста и содержащее множество исправлений в тексте и глосс на полях, связанных с иудейскими источниками, прежде всего с древнееврейским Масоретским текстом Библии, раввинистическими толкованиями на

него и переводом (таргумом) Пятикнижия на старотатарский язык, который использовался тюркоязычными иудеями Великого княжества Литовского — выходцами из Орды [Грищенко 2018]. Правленое Пятикнижие известно на сегодня в 23 списках 1490-х гг. — третьей четверти XVI в.; кроме того, с Правленным Пятикнижием связано еще несколько восточнославянских библейских рукописей, в которых обнаружили следы знакомства с ним, прежде всего это основной список Геннадиевской Библии 1499 г.: Пятикнижие в его составе разделено на синагогальные недельные главы и имеет особое Оглавление, соответствующее этому делению и являющееся одной из характерных черт именно Правленного Пятикнижия⁶. Из этих 23 списков по меньшей мере два надежно локализуются на рутенских землях: это Виленское Пятикнижие митрополичьего дьяка Федора, оконченное в 1513 г. при Успенском кафедральном соборе в столице Великого княжества Литовского — Вильне (*Вил.* 51), и недавно выявленное Хиландарское Пятикнижие рубежа XV–XVI вв. (*Хил.* 279), которое по орфографическим и палеографическим особенностям выдает рутенского писца. Еще одним точно датированным писцом является Волоколамское Пятикнижие Павла Васильева 1493 г. (*Волок.* 8 — место его создание, равно как и происхождение самого Павла Васильева неизвестно, хотя по умолчанию их связывали с Новгородом); в качестве дополнительных параллелей привлечем данные еще нескольких списков. Итак, в Правленном Пятикнижии — пока почему-то только в книге Чисел — обнаружилось несколько древнееврейских по происхождению имен собственных, которые в греческой версии записывались через «тэту», в латинской этой «тэте» соответствовало сочетание *th*, а здесь — сочетание **фт** или **т** (также с выносными буквами):

- имя второго сына Левия и деда Моисея — Каафа (др.-евр. *Qəhāl*, греч. *Καάθ*, лат. *Caath*)⁷ — записано в *Хил.* 279 как **каафѣ** Числ 3:27 (л. 172 об.), **каафѣ** Числ 4:34 (л. 175 об.); в *Волок.* 8 как **каафѣ** Числ 3:27 (л. 239 об.), **каафѣ** Числ 4:34 (л. 243 об.); ср. в других списках: *Солов.* 74/74 — **каафѣ** Числ 3:27 (л. 149); *Тух.* 453 — **каафѣ** Числ 3:27 (л. 290 об.); *Q.I.1407* — **каафѣ** Числ 4:34 (л. 314 об.); *Погод.* 76 — **каафѣ** Числ 3:27 (л. 216 об.);
- имя предводителя колена Иссахарова во время исхода из Египта — Нафанаила (др.-евр. *Nəṯan 'ēl*, греч. *Ναθαναήλ*, лат. *Nathanahel*) — записано в *Хил.* 279 как **нафтанайль** Числ 2:5 (л. 170 об.), **нефтанайль** Числ 7:18 (л. 180), **нефтанай** Числ 7:23 (л. 180 об.); в *Вил.* 51 как **нафанаель** Числ 7:18 (л. 179); в *Волок.* 8 как **нафанаиль** Числ 2:5 (л. 236 об.), **нафтанаиль** Числ 7:18 (л. 250);

⁶ Подробнее о списках восточнославянского Восьми- и Пятикнижия см. в [Грищенко 2020]: там указано 22 списка Правленного Пятикнижия и еще нет сведений о Хиландарском Пятикнижии (*Хил.* 279).

⁷ Этот Кааф по случайному стечению обстоятельств дал свое имя древнерусскому толковому сборнику «Книга Кааф», о чем мы подробно писали в статье [Грищенко 2012], где также рассмотрено варьирование его имени по разному типу источникам.

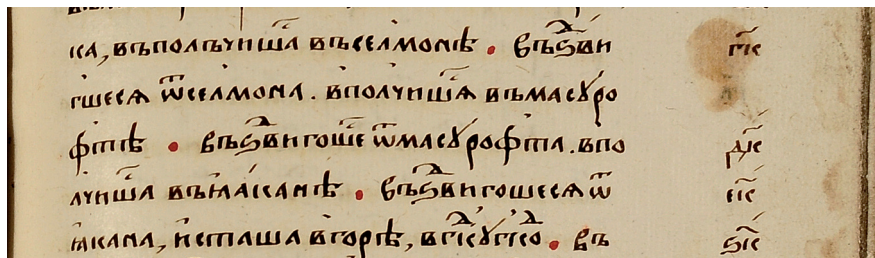

Рис. 3. Масурофт в Пятикнижии 1493 г. | Fig. 3. Masuroft in the Pentateuch of 1493

- название одного из мест остановки Израиля во время блуждания по Синайской пустыне — Мосерофа (др.-евр. *Mōsērōt*, греч. *Μασουρώθ*⁸, лат. *Moseroth*) — записано в *Хил.* 279 как **въ масѣрофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѣрофта** Числ 33:31 (л. 223 об.); в *Вил.* 51 как **ѿ масѣрофтѣ** Числ 33:30 (л. 221); в *Волок.* 8 как **въ масѣрофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѣрофта** Числ 33:31 (л. 302, см. рис. 3); ср. в других списках: *Тих.* 453 — **ѿ масѣрафтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѣрафта** Числ 33:31 (л. 370 об.); *Кир.-Бел.* 1/6 — **ѿ масѣрофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѣрофта** Числ 33:31 (л. 322 об.); *Погод.* 76 — **въ мѣсарофтѣ** Числ 33:30, **ѿ масѣрофта** Числ 33:31 (л. 274 об.).

Здесь следует уточнить, что исторически древнееврейская буква *ל* «тав» в определенных позициях произносилась как щелевое *t* (поэтому в транслитерации форм Масоретского текста ее обозначают *t*), а потому передавалась в греческих переводах через «тэту», а в латинских — через *th*, однако в средневековом произношении библейского иврита древнее произношение «тава» сохранялось только в общинах Йемена, арабо- и арамеоязычных общинах Ирака, тогда как в европейских и других восточных общинах оно было видоизменено: у сефардов (евреев Испании) «тав» произносился просто как */t/*, в итальянских общинах — как */d/*, а у ашкеназов (евреев Германии и к XV веку — уже поселившихся на славянских землях, включая запад средневековой Руси) — как */s/* [Morag 2007: 555, 557]. Если в Геннадиевской Библии все приведенные выше имена из книги Чисел записываются традиционно через **ѹ**, **Ѻ** или **т**, то написания **Ѻт** / **Ѻт** Правленого Пятикнижия, несмотря на его зависимость от Масоретского текста, никак не могут отражать никакого еврейского произношения, по крайней мере известного нам.

Таким образом, эти написания объясняются ровно так, как мы предположили выше, — контаминацией латинской и греческой форм, причем возникают они, судя по наличию их в Правленном Пятикнижии, вовсе не в Геннадиевском кружке, а у рутенских книжников, поскольку Правленное Пятикнижие

⁸ Хотя основным вариантом в критическом издании греческого перевода книги Чисел признается *Μασουρώθ*, церковнославянские формы XV в. восходят к *Μασουρώθ*, известному в греческих рукописях [LXX, Numeri: 391].

было принесено в Новгород, по всей видимости, из Киева — наряду с другими произведениями, оказавшимися необходимыми архиепископу Геннадию [Буланин 2022]; обратной миграции книг — из Новгорода в Киев — для начала XVI века не отмечалось: один из списков Геннадиевской Библии был доставлен в Острог для подготовки первого печатного издания, Острожской Библии 1581 г., лишь в 1570-е гг. Поэтому самой ранней фиксацией произношения «ѣиты» в виде /ft/ в рутенской книжности оказывается список Правленого Пятикнижия *Хил.* 279; современные ему списки Геннадиевской Библии, в которых используются написания типа **ѣт** / **тѣ**, представляются в этом отношении вторичными. Более ранние случаи могут найтись в деловой письменности — в староукраинских и молдавских грамотах, написанных на рутенском языке, но полагаться в этом случае стоит не на их публикации и на отражение отдельных форм в словарях, а непосредственно на рукописи.

Источники

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей.

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

Рукописи

Вил. 51 — Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских, Ф. 19, № 51: Пятикнижие, 1513 г., бумага, 2°, 279+I лл.

Волок. 8 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8: Пятикнижие 1493 г. с прибавлениями (конволют), бумага, 4°, I–II+564 лл.

Волок. 9 — РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 9: Библиейские книги (Паралипоменон, Юдифь, Есфирь, Премудрости Соломона, пророка Иеремии), 1490-е гг., бумага, 4°, II+285 лл. + л. 126а.

Кир.-Бел. 1/6 — РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (ф. 351), № 1/6: Еллинский летописец, 1550-е гг. (до октября 1556 г.), бумага, 2°, 863 лл.

Погод. 76 — РНБ, Собрание М. П. Погодина (ф. 588), № 76: Сборник, тр. четв. XVI в., бумага, 8°, 377 лл.

Син. 915 — ГИМ, Синодальное собрание, № 915: Библия полная, 1499 г., бумага, 1°, 1002 лл.

Син. 1043 — ГИМ, Синодальное собрание, № 1043: Изборник князя Святослава, 1073 г., пергамен, 1°, 266 лл.

Солов. 74/74 — РНБ, Собрание Соловецкого монастыря (ф. 717), № 74/74: Пятикнижие, 1510–20-е гг., бумага, 2°, 228 лл.

Тих. 453 — РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 453: Пятикнижие Моисеево, с поправками по еврейскому тексту, перв. треть XVI в., бумага, 8°, 483 лл.

Хил. 279 — Хиландарский монастырь (Афон), № 279: Пятикнижие Моисеево, рубеж XV–XVI вв., бумага, 4°, 284 лл. (по копиям микрофильмов, предоставленных Хиландарской исследовательской библиотекой в Университете штата Огайо по благословению братии Хиландарского монастыря на Св. Горе Афон).

Q.I.1407 — РНБ, Основное собрание рукописных книг (ф. 550), № Q.I.1407: Ветхий Завет: Пятикнижие (конволют: лл. 1–466 — рубежа XV–XVI вв., лл. 467–478 — сер. XVI в.), бумага, 4°, 478 лл.

Издания

Азбука гражданская 1710 — [Азбука гражданская с нравоучениями]. [Москва, январь 1710]. 19 с. [цифровая фотокопия экземпляра РГИА; Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина — электронный ресурс; режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/315769>].

Album de documente moldovenești din veacul al XV-lea / Publicate de P. Mihailovici. Iași: Institutul de arte grafice și editură «Brawo», 1934. XII pl.

DOR — *Constantinescu N. A.* Dicționar onomastic romînesc. București: Editura Academiei Rep. Pop. Romîne, 1963. LXXVII, 469 p.

DRH-A — *Documenta Romaniae historica. Seria A. Moldova. Vol. II: 1449–1486.* București: Editura Academiei Rep. Soc. România, 1976. LVIII, 648 p.; Vol. III: 1487–1504. București: Editura Academiei Rep. Soc. România, 1980. LVIII, 686 p.

LXX, Numeri — *Septuaginta. Vetus Testamentum graecum. Auctoriate Acad. Sc. Gottingensis ed. Vol. III, 1: Numeri / Ed. J. W. Wevers.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. 444 p.

TLG — *The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature* [электронный ресурс; режим доступа: <https://stephanus.tlg.uci.edu/>].

Литература

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.

Буланин Д. М. К истории книжного обмена Новгорода и Литовской Руси в конце XV века («Библиотека еретиков») // *Русская литература.* 2022. № 2. С. 88–99.

Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. XXIII. Л.: Наука, 1968. С. 171–198.

Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсеием-Ефремом // *Вопросы языкознания.* 1997. № 1. С. 31–47.

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Эллис, 2004. 456 с.

Грищенко А. И. Славянские приключения греческого Кефата: О происхождении названия древнерусской «Книги Кааф» // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* 2012. Vol. 1. No. 2. С. 95–110.

Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018. 176 с.

Грищенко А. И. Археография и текстология Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные // *Славяноведение.* 2020. № 4. С. 68–87.

- Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. 2021. № 4 (43). С. 7–34.
- Гумецька Л. Л. (голов. ред.). Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1977. 630 с.; Т. 2. Київ: Наукова думка, 1978. 591 с.
- Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. XIV, 494 с.
- Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: ЛЕКСРУС, 2011. 480 с.
- Макарий (Веретенников), архим. Герасимов Дмитрий // Православная энциклопедия. Т. XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 171–173.
- Ромодановская В. А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. X. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. С. 584–588.
- Ромодановская В. А. Русский библейский кодекс XV в. и его латинский оригинал: проблемы текстологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII, ч. 1. СПб.: Наука, 2011. С. 632–642.
- Ромодановская В. А. Геннадиевская библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Древлехранилище, 2013. С. 266–285.
- Турилов А. А. Вениамин // Православная энциклопедия. Т. VII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 627–629.
- Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 334 с.
- Успенский Б. А. Книжное произношение в России: Опыт ист. исследования: дисс. ... д-ра филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1971. 1227 с.
- Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 232 с.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Федорова Е. С. Школа перевода в Древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolaus de Lyra и Дмитрий Герасимов. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 480 с.
- Morag Sh. Pronunciations of Hebrew // Encyclopaedia Judaica. 2nd ed. / Ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Vol. 16. Detroit et al., 2007. P. 547–562.

References

- Alekseev A. A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 254 p.
- Bulanin D. M. [Concerning on the history of the book exchange between Novgorod and Lithuanian Rus in the 15th century ("Library of Heretics")]. *Russkaya literatura*, 2022, no. 2, pp. 88–99.
- Fedorova E. S. *Shkola perevoda v Drevnei Rusi na rubezhe XV–XVI vv. Nicolaus de Lyra i Dmitrii Gerasimov* [The School of Translation in Old Rus' at the turn of the 15th – 16th centuries. Nicolaus de Lyra and Dmitry Gerasimov]. 2nd ed. Moscow, Publ. House YaSK, 2021. 480 p.
- Gal'chenko M. G., Yatsenko A. N. [Paleographic and graphic-orthographic features of the Ladders of 1421 and 1424, written in Constantinople and on Mount Athos by the Russian monk Eusebius-Ephraim]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1997, no. 1, pp. 31–47.
- Grigor'eva T. M. *Tri veka russkoi orfografii (XVIII–XX vv.)* [Three centuries of the Russian orthography (18th – 20th centuries)]. Moscow, Elpis Publ., 2004. 456 p.
- Grishchenko A. I. [The Slavic adventures of Greek Kohath: On the origin of the title of the Old Russian Book of Kaaf]. *Slověne = Slovně. International Journal of Slavic Studies*, 2012, vol. I, no. 2, pp. 95–110.

- Grishchenko A. I. *Pravlenoe slavyano-russkoe Pyatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniya* [The Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century: The Preliminary results of the linguistic and textological study]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2018. 176 p.
- Grishchenko A. I. [Archaeographic aspects and textual history of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century]. *Slavyanovedenie*, 2020, no. 4, pp. 68–87.
- Grishchenko A. I., Ponaryadov V. V. [The Newly discovered monuments of the Old Permian language and script]. *Ural-Altaic studies*, 2021, no. 4 (43), pp. 7–34.
- Gumets'ka L. L. (ch. ed.). *Slovnyk staroukrains'koï movy XIV–XV st.* [Dictionary of the Old Ukrainian language of the 14th – 15th centuries]. Vol. 1. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1977. 630 p.; Vol. 2. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1978. 591 p.
- Karskii E. F. *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [Slavic Cyrillic paleography]. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1928. XIV, 494 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 29. Moscow, LEKSUS Publ., 2011. 480 p.
- Makarii (Veretennikov), arkhim. [Gerasimov Dmitrii]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. XI. Moscow, Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2006, pp. 171–173.
- Morag Sh. *Pronunciations of Hebrew. Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Ed. by F. Skolnik, M. Berenbaum. Vol. 16. Detroit et al., 2007, pp. 547–562.
- Romodanovskaya V. A. [Gennadievskaya Bible]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. X. Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2005, pp. 584–588.
- Romodanovskaya V. A. [Russian biblical codex of the XV century and its Latin original: Textual criticism]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Resp. ed. N. N. Kazanskii. Vol. VII, part 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 632–642.
- Romodanovskaya V. A. [Gennadievskaya Bible: Main results and prospects of study]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.: Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, literature, folklore of Slavic peoples. History of Slavistics: XV International Congress of Slavists. Minsk, August 20–27, 2013: Reports of the Russian delegation]. Ed. by A. M. Moldovan. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2013, pp. 266–285.
- Turilov A. A. [Veniamin]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. VII. Church Academic Center “Pravoslavnyaya entsiklopediya” Publ., 2004, pp. 627–629.
- Uspenskij B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriya udareniya v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)* [From the history of Russian canonical names (The history of stress in canonical proper names in their relation to Russian literary and colloquial forms)]. Moscow, Publ. House of the Moscow University, 1969. 334 p.
- Uspenskij B. A. *Knizhnoe proiznoshenie v Rossii: Opyt istheskogo issledovaniya: diss. ... d-ra filol. nauk* [Book pronunciation in Russia: Experience of the historical research: diss. ... doctor of Philology]. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1971. 1227 p.
- Uspenskij B. A. *Pervaya russkaya grammatika na rodnom yazyke (Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki)* [The first Russian grammar in the native language (the pre-Lomonosov period of Russian studies)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 232 p.
- Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian standard language (11th – 17th centuries)]. 3rd ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.
- Vzdornov G. I. [The role of Slavic writing workshops of Constantinople and Athos in the development of book writing and decoration of Russian manuscripts at the turn of the 14th – 15th centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Department of Ancient Russian Literature]. Vol. XXIII. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 171–198.

Концепт «Документ» в речи крестьян (по материалам Томского диалектного корпуса)

Светлана Сергеевна Земичева, Томский государственный университет (Россия, Томск),
optysmith@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170028367-2

АННОТАЦИЯ: Материал исследования — устная речь русских крестьян, фиксируемая на территории по среднему течению р. Оби (Томская и Кемеровская области) в течение 75 лет. Основным источником исследования является тематически размеченный диалектный корпус объемом два миллиона словоупотреблений. Проанализировано 128 текстовых фрагментов, относящихся к теме «Документы». На основе анализа словарных дефиниций выявлены понятийные компоненты концепта «Документ»: ‘нечто, относящееся к общественной или служебной деятельности’; ‘нечто новое’; ‘закрепляет права’; ‘может служить доказательством чего-либо’. В образном слое концепта, проявленном во внутренней форме слов, закреплены его ядерные признаки: материальный характер, связь со сферами образования, государства, межличностных отношений. В то же время уже на этом уровне прослеживается связь с чувствами и оценкой. Установлено, что центральным когнитивным признаком концепта «Документ» является его новизна, с которой связаны такие ассоциативные признаки, как ‘документ — это нечто непонятное’, ‘документ может служить средством обмана’. Последний из них, вероятно, отражает специфику народно-речевой культуры. Ценностный слой концепта, проявленный в дискурсе сельских жителей, сочетает позитивные (документ как признание заслуг человека, предмет гордости, музейный экспонат) и негативные (документ как нечто бесполезное) оценочные компоненты. Установлено, что смысловые компоненты ‘документ фиксирует истинное положение дел’, ‘документ закрепляет права’ в диалектном дискурсе актуализируются нечасто, хотя в словарном представлении концепта именно они занимают центральное положение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектология, диалектный дискурс, русские говоры Сибири, концепт «Документ», диалектный корпус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Земичева С. С. Концепт «Документ» в речи крестьян (по материалам Томского диалектного корпуса) // Русская речь. 2023. № 5. С. 69–80. DOI: 10.31857/S013161170028367-2.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

From the History of the Russian Language

Concept “Document” in the Speech of Peasants (Based on the Materials of the Tomsk Dialect Corpus)

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Russia, Tomsk), optysmith@gmail.com

ABSTRACT: The article is based on the oral speech of Russian peasants, recorded on the territory along the middle course of the river Ob (Tomsk and Kemerovo regions) for 75 years. The main source of the study is a thematically annotated dialect corpus, which includes 2 million tokens. In the course of study I have analysed 128 text fragments related to the topic “Documents”. Based on the analysis of dictionary definitions, I identified the components of the “Document” concept: ‘something related to public or service activities’; ‘something new’; ‘enforces rights’; ‘can serve as proof of something’. In the figurative layer of the concept, manifested in the inner form of words, its core features are fixed: materiality, connection with the spheres of education, state, and interpersonal relations. At the same time, already at this level, there is a connection with feelings and evaluation. It has been established that the central cognitive feature of the “Document” concept is its novelty, which is associated with such associative features as ‘a document is something incomprehensible’, ‘a document can serve as a means of deception’. The last of them probably reflects the specifics of folk speech culture. The value layer of the concept, manifested in the discourse of rural residents, combines positive (a document as a recognition of a person’s merits, a source of pride, a museum exhibit) and negative (a document

as something useless) evaluative components. It has been established that the semantic components 'document fixes the true state of affairs', 'document fixes rights' in dialect discourse are updated infrequently, although they occupy a central position in the dictionary representation of the concept

KEYWORDS: dialectology, dialectal discourse, Russian dialects of Siberia, the concept "Document", dialectal corpus

FOR CITATION: Zemicheva S. S. Concept "Document" in the Speech of Peasants (Based on the Materials of the Tomsk Dialect Corpus). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 69–80. DOI: 10.31857/S013161170028367-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10015 "Development of electronic resources for the study of folk speech culture of the Middle Ob region").

В современной диалектологии активно используются новые методы и методики анализа традиционного материала диалектных архивов [Гольдин, Крючкова 2010; Демешкина 2014; Szmrecsanýi 2014]. Одним из таких подходов является когнитивно-дискурсивный, при котором диалектная речь рассматривается как особая разновидность языка, отражающая специфику крестьянского мировосприятия [Гольдин 1997]. Термин «концепт» подразумевает «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2009: 24]. Анализ диалектной концептосферы позволяет выявить ее своеобразие как на понятийном, так и на ценностном уровне [Иванцова 2018; Гынгазова 2019; Вендина 2020 и др.].

Обращение к концепту «Документ» обусловлено несколькими причинами. Во-первых, эта понятийная область, насколько нам известно, ранее не описывалась на диалектном материале, чем обусловлена новизна работы. Во-вторых, данный концепт относится к числу новых, что позволяет исследовать диалект в динамике, проследить его трансформацию. В-третьих, документ как материальная сущность связан с рядом абстрактных категорий, таких как «право», «государство», «собственность», анализ функционирования которых в крестьянской ментальности также представляет интерес.

Попытка сопоставить функционирование концепта «Документ» в профессиональной среде и наивной картине мира на основе анализа отдельных языковых фактов предпринята в статье Е. М. Слаутиной. Установлено, что представление о документной коммуникации в наивной картине мира отличается, во-первых, прагматичностью, во-вторых, амбивалентностью (осознание важности документа сочетается с негативно-ироническим, пренебрежительным отношением к данной сфере жизни) [Слаутина 2016]. В монографии И. В. Тубаловой была показана взаимосвязь официально-делового

и повседневного дискурсов, описаны случаи полифонических включений из дискурса документа в повседневную коммуникацию [Тубалова 2016].

Данное исследование базируется на материалах архива, включающего расшифровки диалектной речи, записанной на территории Среднего Приобья (Томской и Кемеровской областей) с конца 40-х гг. XX в. до настоящего времени. На основе этих архивных записей создан цифровой ресурс — Томский диалектный корпус [ТДК]. Объем корпуса на момент подготовки статьи — более двух миллионов словоупотреблений. Материалы в корпусе вручную размечены по темам под руководством автора статьи. Тематическая разметка имеет сплошной характер и осуществляется на уровне текстового фрагмента. Это означает, что определено содержание каждого текстового отрезка, оно маркировано как относящееся к одному из пунктов тематического перечня. На данный момент в ТДК входит около 2000 текстов, в которых выделено более 30 000 тематических фрагментов. Пользователь корпуса имеет возможность выбрать фрагменты по интересующей его теме.

Тема «Деньги и документы» отмечена в 556 текстах. Из них были выбраны текстовые фрагменты, относящиеся к сфере документов, в результате сформирован авторский подкорпус из 128 текстовых фрагментов общим объемом более 20 000 слов. При необходимости привлекались также сведения из опубликованных диалектных словарей региона.

Всего в исследуемых материалах насчитывается более 60 обозначений различных документов. Анализировались как диалектные, так и общерусские лексемы, бытующие в речи сельских жителей Среднего Приобья. Недифференциальный подход в диалектологии восходит к идеям Б. А. Ларина, воплощением которых стали словари полного типа — «Псковский областной словарь с историческими данными», «Вершининский словарь (ВС), «Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ). Суть такого подхода состоит в том, что «диалект рассматривается как целостная система, включающая в себя общерусские, диалектно-просторечные, собственно диалектные элементы и взаимодействующая с литературным языком и городским просторечьем как формами русского языка» [Демешкина 2014: 269]. Развитие недифференциального исследования русских говоров связано также с созданием электронных корпусов, включающих значительные объемы материалов в виде связных текстов (расшифровок диалектной речи) [Гольдин, 1997].

В качестве методологической основы настоящей работы взята теория В. И. Карасика, согласно которой структура концепта включает понятийный, образно-ассоциативный и ценностный компоненты («слои») [Карасик 2002: 107]. Учитывался также опыт описания диалектных концептов в работе Л. Г. Гынгазовой, где используются приемы анализа внутренней формы слова и контекстов его употребления [Гынгазова 2019].

Понятийный слой

Толкование имени концепта в диалектном словаре полного типа не обнаруживает отличий от литературного языка: «Документы — деловые бумаги,

служащие доказательством чего-л.» [ВС, т. 2, 1999: 142]. Это определение позволяет выявить следующие компоненты семантики, выступающие как когнитивные признаки концепта:

‘относящийся к общественной, служебной деятельности, к работе’ (деловые);
‘имеющий материальный характер’ (бумаги);
‘основная функция — служить доказательством чего-либо’.

Функция документа как доказательства актуализируется в ситуации общения с диалектологами. На этапе знакомства часто в ответ на вопросы собирателя следует предложение принести документы: [В каком году вы родились?] Я? В тысяча девятьсот двадцать седьмого года <...> **Паспорт**¹ показать? **Свидетельство о рождении** показать? (с. Парабель, Пар., 2012). Работала я в войну, у меня вон **трудова**я. Там, я щас вам покажу, у меня всё в **трудова**й: много-много лет, всё, как начала жить (с. Вершинино, Том., 1997). В следующем высказывании эксплицирована связь с категорией истины: Вот моя **трудова**я книжка, что говорю, то **подтверждено**. Что говорю, **всё правда**, говорю (с. Вершинино, Том., 2013). Иногда документы не предъявляются, а лишь упоминаются: Награды есь у меня, и медаль мне давали, обшэм я труженик тыла, **удостоверение**, ветеран труда и вдова ешб вдобавок (д. Петрово, Том., 2008). Имею **корочки**, ветеран труда я (с. Новосельцево, Пар., 2014). Такие упоминания, вероятно, направлены и на подтверждение правдивости слов, и на самопрезентацию (хороший работник). В этом отношении интересно зафиксированное в корпусе словосочетание *трудова*я книга: В 16 лет у меня уже **трудова**я книга была (г. Асино, Ас., 2017). Использование в составе устойчивого сочетания существительного без уменьшительно-ласкательного суффикса -к- отражает, вероятно, стремление говорящего повысить ранг документа, а через него и собственный социальный статус в глазах собеседника.

В толковании других единиц регулярно отражается связь документа с категорией права: *билет* ‘документ **на право** пользования чем-л., приобретаемый за плату’ [ВС, т. 1, 1998: 85], *доверенность* ‘документ, дающий **право** действовать от лица доверителя’ [ВС, т. 2, 1999: 136], *талон* ‘контрольный листок, дающий **право** на получение чего-л., доступа куда-л.’ [ВС, т. 7, 2002: 25].

К понятийному слою концепта можно отнести также когнитивный признак ‘нечто новое’. Он представлен через словарную помету «нов.», сопровождающую толкование многих анализируемых лексем, около четверти из которых являются заимствованиями. Для некоторых из них характерна неполная освоенность звуковой формы, ее варьирование (*брачная/обрачная, бюллетень/билетень/бэлетень, ваучер/вавучер, метрики/нэтрики, регистрация/легистрация, паспорт/пáчпорт/пáшпорт* и др.).

¹ В предлагаемом рассуждении внимание на гиперо-гипонимических отношениях лексемы *документ* и тех лексем, которые называют разные типы и виды документов, специально не акцентируется, данный тип отношений в изучении диалектного концепта может представлять отдельный исследовательский интерес.

Табл. 1. Доля текстов Томского диалектного корпуса, включающих тематический фрагмент «Документы», в разные временные периоды

Table 1. The share of texts of the Tomsk dialect corpus, including the thematic fragment “Documents”, in different time periods

Период	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	90-е	2000-е	2010-е
Всего текстов за период	105	182	476	402	501	50	26	107
Число фрагментов по теме «Документы»	2	2	21	23	29	7	8	36
% фрагментов по теме «Документы»	2	1	4	6	6	14	31	34

Когнитивный признак ‘новизна’ выявляется и при анализе текстов. Архивные материалы отражают процесс появления документов: *...Я чё-то с этими ногами ничё не делаю, дни идут, а я всё сижу. У нас все **паспорта** получили, только я, наверно, одна... Паспортист — начальник паспортного стола — не ругалась, но сказала, что надо получить. Мы, мол, задрбживам других. Я фотокарточки отнесла, сдала, сказали <тридцать первого> марта за паспортом прийти... Может, Лиля сходит, поди, дадут* (с. Зырянское, Зыр., 1978). Память о временах, когда в деревнях отсутствовали документы, сохраняется до настоящего времени: *У нас **трудоовых книжек** не было, нас в список записывали, и мы работали, кто сколько выполнил, кто больше нормы. Платить, нам почти не платили, даже не помню, чтобы мы какие-то зарплаты получали* (с. Парабель, Пар., 2012). Подобные высказывания регулярно встречаются в записях из новых экспедиций.

Данные Томского диалектного корпуса указывают на возрастание относительного числа текстовых фрагментов, где упоминаются документы, с каждым десятилетием (см. табл. 1). Данная закономерность может объясняться не только активным внедрением документов в жизнь села на протяжении XX в., но и особенностями материалов, представленных в корпусе. Записи 40–60 гг. фиксируют, как правило, лишь диалектные единицы в минимальных контекстах, поэтому сфера документов, обозначаемая преимущественно общерусскими словами, представлена слабо. Запись связных текстов началась с 80-х гг. XX в., поэтому данные за последние 40 лет наиболее точны. Тем не менее в целом прослеживается четкая тенденция к увеличению представленности исследуемой тематической области в диалектной коммуникации.

Образный слой

У некоторых слов, представляющих данный концепт, значение, связанное со сферой «Документы», является вторичным. В их числе лексемы *бумага* ‘всякий письменный документ официального характера’ [ВС, т. 1, 1998: 35], *книжка* ‘документ в виде сшитых вместе листков с каким-л. текстом и местом для дальнейших официальных отметок’ [ПСДЯЛ, т. 2, 2007: 61], *корочки* ‘удостоверение, документ, подтверждающий что-л.’ [ПСДЯЛ, т. 2, 2007: 86], указывающие на физические характеристики документа.

Внутренняя форма существительного *грамота* отражает связь с концептом «Образование». Анализ контекстов также позволяет заключить, что умение обращаться с документами, по мнению сельских жителей, требует образования: *Ну, она, Галина-то, в общем, грамотная, у ней знакомства дополна и.... Раз приходили домой бумагу делали эти, нотариусы — ишь, она всё сделала на себя, она хоть и говорит, что «нет»...* (с. Вершинино, Том., 2013).

Взаимосвязь документов и власти, государства в образном слое проявляется в сочетаемости единиц: так, *билет* может быть *военным, партийным, комсомольский/комсомольским, грамота — министерской, областной*. Эта связь отражена и во внутренней форме имени существительного *права* 'документ, разрешающий какому-л. лицу управлять автомобилем, мотоциклом и т. п.': в данном случае произошло сужение значения, его конкретизация и закрепление за формой множественного числа.

Номинации *дарственная* и *договор* указывают на связь документов со сферой межличностных отношений. К ней же относится диалектное обозначение *брачная* 'свидетельство о браке': *Она на суд подала, а брачной нету, похоронку-то нашли* [ПСДЯЛ, т. 1, 2006: 81].

Особняком среди наименований документов стоит слово *похоронка*, внутренняя форма которого связана с обрядом. Образная номинация вытеснила эмоционально нейтральное обозначение *извещение* (в корпусе не зафиксировано), так как более определенно указывает на связь документа с трагическим событием.

Обозначения *благодарность, доверенность* мотивированы обозначением чувств. Устойчивое словосочетание *похвальный лист* содержит оценочную лексему.

Таким образом, во внутренней форме слов, обозначающих те или иные документы, имеются эмоционально-оценочные компоненты, что отражает специфику языковой категоризации мира. Сделанные наблюдения, по всей видимости, характерны для русского языка в целом; при анализе образного слоя концепта диалектная специфика практически не проявляется. Слова-репрезентанты концепта не используются в переносных значениях, не включаются в идиомы, устойчивые выражения, сравнения, что может быть обусловлено новизной концепта.

Ассоциативный слой

В этот раздел включены повторяющиеся в текстах мотивы, ассоциации, связанные с анализируемым концептом в диалектном дискурсе.

Получение необходимых документов может быть сопряжено с трудностями, что отражается в сочетаемости обозначений исследуемого концепта с глаголами *хлопотать, выхлопотать, вырешить*: *Работали много, а мне долго не платили пенсию. Колхоз соединили, бумаги пригнали все, побросали. Долго хлопотали. Мне через четыре года **вырешили** только пенсию. А мы всю войну проработали* (с. Нарым, Пар., 1979). *Эта вот куколка-то **выхлопотала, справку** там дали, в архиве, что это, была медаль* [ПСДЯЛ: 115].

Обозначения документов в диалектных текстах регулярно сочетаются с неопределёнными местоимениями: *А внучек был на службе. А отщёль прислал: «Баушка, пиши **каку́-то справку**, меня тода́ отпущут».* Как же, ходила я в совет, там написали и с печатью, всё правильно. Потом я и послала. Послала и не чаяла, а он через месяц и пришёл (с. Малое Бабарыкино, Шег., 1967). Представление о документе как о чем-то сложном, непонятном отражено также в следующих контекстах: *Ну раз не дают, думаю, пойду сюда, здесь вроде как это... [неразб. 1 слово] вот тут-то **по документам**, вроде не это... ну и ладно... пошёл, она мне налепи-ила, налепи-ила всё это... ну, чтобы сдать и **паспорт** получить, а **ума-то тоже не хватило** (с. Рыбалово, Том., 2015). Всё, что наше было, общее вот построили — отобрали. Дали **ва́вучеры**, а мы **понятия не имели, что это**, [усмехается] а к кому потом они попали, вам теперь известно (с. Парабель, Пар., 2012).*

На этой основе формируется ассоциативная связь ‘документы — обман’: *Ну и значит приезжаем в сельский совет, а председатель... секретарь выходит из сельского совета и говорит: так, молодые, я вас... могу вам печати поставить щас в паспорт, а там в журнал, потом я, вам, вас, это, заведу вас, журнал, и-и выдам, **свидетельство о браке**. <...> Раз мой паспорт. Раз — печать поставили. А он свой паспорт... а я пока на эту, печать на свою любовалась стояла, он сунул, а тот [секретарь] размахнулся, а тот [муж] паспорт убрал, и паспорт у него чист оказался. Представляете себе, девочки? Это деревенскую девчонку как можно **обмануть**, это вообще (с. Вершинино, Том., 2013). Да, а тут ездют эти, **мухлюют** какие-то, [нецензурн.]. И вот позавчера, ну, позавчера, у меня пришли двое к вратам. Я вышел, ага, вот он как талмуд достаёт: «У вас вода проведёна в дом?». Я грю: «Проведёна». Ага. Ну, вот показыват там чё-то, фотографии какие-то. Вот, что в баках, это, сор, грязь, это, ржавчина. [Про фильтры рассказывают?] Да-да, очистные сооружения. [Это мошенники.] Мошенники. <...> А он сел, писать давай, за стол сел, писал-писал. <...> Потом: «Здесь распишитесь, здесь». Я расписался, а не читал, чё там. <...> Ну, **дб́говор** у меня есть, записано всё (с. Рыбалово, Том., 2015).*

Упоминается в диалектных текстах и о том, что документы могут использоваться как средство обмана малограмотных крестьян представителями власти: *Только-только пошли на пенсию, **обманули** нас, дураков старых. Она эти **ведомости** переписывала. Она присваивала по пять рублей с нас (с. Поломошное, Яшк., 1974). У меня колхозный стаж двадцать один год, вот **неправильна справка**. <...> Облсобес начисляет пенсию. Они здесь что-то **нахимичили** — им отказали (с. Белый Яр, В.-К., дата записи не указана). Такие примеры, предположительно, специфичны именно для народно-речевой культуры, носителями которой являются сельские жители старшего поколения с невысоким уровнем образования.*

Преимущественно негативные коннотации в диалектной речи имеет слово *облигация*: *Коровёнка есть — мяса сорок кзэ́ отдай, молока отдай. Да подпиши месячную зарплату — отдай, да подпиши **облигацию** — отдай, да подпиши на*

та́нок [танк], да подпиши на авиацию (с. Белый Яр, В.-К., 1979). *А что не жить чечас: ни налог тебя не давит, ни облигация* (с. Высокий Яр, Пар., 1983). Облигация — это документ, фиксирующий право на получение денег, но в диалектной речи сформировалось специфическое представление о нем. Жизненный опыт крестьян связан, во-первых, с принуждением к покупке облигаций государственного займа, во-вторых, с обесцениванием денег, из-за которого облигации так и не принесли выгоды. В результате эти документы воспринимаются как нечто несерьезное, что отражено в текстах через сопоставление с игрушкой: *Какá пачка была ётих облигаций, дома лежали всё без дела. Внучки все с имя́ **играли**, сунешь им, чтоб не кричали, они все их и прива́ли, ушли ёти **все тыщи на ветер*** (с. Никольское, Крив., 1985). *Облигации* были, у меня сейчас нету их ни одной, ребятишкам отдала **в игрушки**. А потом они стали погашаться (с. Вершинино, Том., 1991). Рассказы об этих деловых бумагах отражают чувства разочарования, сожаления, недоверия власти.

Ценностный слой

В рамках ценностного слоя можно выделить два аспекта. Первый — представление о том, что документ — это нечто ценное, важное; второй — представление о том, что документ — это нечто хорошее или нечто плохое (оценка). Необходимость при реконструкции ценностного слоя концепта обращаться к анализу оценочных суждений отражена в работе В. И. Карасика [Карасик 2002: 187].

В рамках первого аспекта можно указать, что использование документов сопряжено со значимыми событиями жизни: рождение (*метрики*), образование (*аттестат, диплом, табель*), служба в армии (*повестка, военный билет*), вступление в брак (*легистировать, расписаться*), работа (*грамота, трудовая книжка, обходной лист*), дом (*прописка, прописать*), отдых (*путёвка*), еда (*карточки*), болезнь (*больничный лист, бюллетень*), смерть (*завещание, похоронка*).

Обычно документы оцениваются с утилитарных позиций. Рассказы о них нередко связаны с описанием каких-либо льгот или материальной выгоды: *Вот сейчас бесплатный проезд, дали **книжечку**, чтобы я бесплатно ездила* (с. Вершинино, Том., 1991). Восприятие документа как объекта, имеющего историческую ценность, отражено в следующем контексте: *на курсы финансистов ездила. Всё хотела **корочки** в музей сдать, у нас открылся недавно, да нёкода* (г. Колпашево, Колп., 1982).

Собственно позитивная оценка документов при этом встречается нечасто и обусловлена восприятием некоторых из них как признания заслуг, выражения уважения: *Вон сколь **грамотов**, и в **почёте** была везде, и сколько у меня **грамот**, и сколько... везде* (с. Баткат, Шег., 2018). *Есть **благодарности**, есть... старалась, работала на себя, это нескромно говорить, но это так* (с. Парбель, Пар., 2012).

Интересна лексема *прави́шки*, зафиксированная во время одной из новых экспедиций и отсутствующая в словарях: *Мы здесь сдали экзамены, потом по-*

ехали в городе сдали и **правѣишки** получили. Это я уже **правѣишки** получал, у меня уже машина была. Ну, что ты, это богачей считалось, на деревне четыре или пять машин, ну, что ты. Кому куда надо, все шапку ломают: доведи да увези (с. Батурино, Том., 2016). Эта лексическая единица образована по той же модели, что и другие диалектные лексемы — *дровишки*, *шторишки*, *свадьбишка*. Особая коннотация таких единиц обозначена О. И. Блиновой как «снисходительная», что подразумевает сочетание элементов позитивной и негативной оценки; соответствующая помета используется в томских словарях [ПСДЯЛ, т. 1, 2006: 15]. В семантике лексемы *правѣишки* позитивный компонент связан с восприятием документа как чего-то нужного, полезного, а негативный обусловлен этикетными нормами (запрет на хвастовство).

Негативная оценка документов отражает представление о них как о чем-то бесполезном, ненужном: *Вот придут проверять **паспорта**, ага. «Бабушка, **паспорт**». — «Ой, кормильцы вы мои. А на чтой он мне? Ой, и на тот свет и так примут!»* (с. Каргала, Шег., 1988). Негативно воспринимается необходимость документального подтверждения всех действий, оформления большого количества документов: *Щас **бумажки** всяки. Зарезал какú скотину. Нáдоть везти в Анжёрку [г. Анжеро-Судженск]. Так щас иди в сельсовет — **разрешение** выпишут. **Спраўку** от лечебницы. Тодá имѣшь право продать* (с. Варюхино, Юрг., 1970). Однако, три или четыре бухгалтера, зарплаты всё вовремя не бывáт. А раньше бухгалтер, вот, и бригадир. А <сейчас>, пришёл подписать какó-нибудь **заявление**, к одному, ко второму, да к третьему. Один: «Нет, ты не ко мне», другой: «Ты не ко мне» (с. Вершинино, Том., 1991).

Выводы

Понятийный слой концепта «Документ» в диалектной речи включает следующие компоненты: ‘документ — это нечто, относящееся к общественной или служебной деятельности’; ‘документ — это нечто новое’; ‘документ закрепляет права’; ‘документ может служить доказательством чего-либо’. Функция документа как доказательства актуализируется в ситуации общения с диалектологами.

Анализ образного слоя концепта позволяет выделить следующие его когнитивные признаки, проявленные во внутренней форме слов: материальный характер, связь со сферами образования, государства, межличностных отношений. В то же время уже на этом уровне прослеживается связь с чувствами и оценкой, что не позволяет рассматривать концепт как эмоционально нейтральный.

Ценностный слой концепта, проявленный в дискурсе сельских жителей, сочетает позитивные (документ как нечто важное, признание заслуг человека, предмет гордости) и негативные (документ как нечто бесполезное) оценочные компоненты.

Анализ концепта «Документ» позволяет сделать некоторые наблюдения о правовом сознании сибирских крестьян: в некоторых случаях право превращается в обязанность (ходить в учреждения, «хлопотать», что не всегда завершается положительным результатом).

Основным когнитивным признаком концепта является новизна. На этой основе появились такие ассоциативные признаки, как 'документ — это нечто непонятное', 'документ может служить средством обмана'. Последний из них, вероятно, отражает специфику народно-речевой культуры. В перспективе возможно сопоставление полученных данных с материалами других русских говоров и литературного языка для обобщения сделанных наблюдений и проверки высказанных предположений.

Список сокращений районов

Ас. — Асиновский район, Томская область
В.-К. — Верхнекетский район, Томская область
Зыр. — Зырянский район, Томская область
Карг. — Каргасокский район, Томская область
Кол. — Колпашевский район, Томская область
Крив. — Кривошеинский район, Томская область
Мол. — Молчановский район, Томская область
Пар. — Парабельский район, Томская область
Том. — Томский район, Томская область
Шег. — Шегарский район, Томская область
Юрг. — Юргинский район, Кемеровская область
Яшк. — Яшкинский район, Кемеровская область

Источники

ВС — Вершининский словарь: в 7 т. / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999–2002.

ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.

ТДК — Земичева С. С., Дубцова Л. А., Громов М. Л., Галанина В. В., Угрюмова М. М., Васильченко А. А., Паршина А. В., Попова Д. П., Думинская А. В., Зюзькова Н. А., Буханова Е. Д. Томский диалектный корпус 2.0 [Электронный ресурс] // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/losl_search (дата обращения: 13.10.2020). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Литература

Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. 120 с.

Гынгазова Л. Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX — начало XX в.) / Под общ. ред. И. А. Айзиковой. Томск: Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. С. 55–95.

- Демешкина Т. А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку: материалы международной научной конференции (Брно, Чехия, 05–07 мая 2014 г.). Брно, 2014. С. 268–278.
- Иванцова Е. В. Вариативность реализации ключевого концепта ХЛЕБ в разных типах русской речевой культуры // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, 20–22 июня 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1172–1181.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Слаутина М. В. Лексическая категория «Документ» в когнитивном аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 1. С. 82–86.
- Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах; науч. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
- Szmrecsanyi B. Methods and objectives in contemporary dialectology // Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars / eds. Ilya A. Seržant & Björn Wiemer. Vol. 12. Bergen: Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2014, pp. 81–92.

References

- Demeshkina T. A. [Development vectors of modern Russian dialectology]. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of teaching the Russian language]. Proceedings of the International Conference. Brno, Czech Republic. 05–07 May 2014. Brno, 2014, pp. 268–278. (In Russ.)
- Gol'din V. E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoi dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]: dis. ... d-ra filol. nauk v vide nauch. dokl. Saratov, 1997. 52 p.
- Gol'din V. E., Kryuchkova O. A. *Russkaya dialektologiya. Kommunikativnyi, kognitivnyi i lingvokul'turnyi aspekty* [Russian dialectology. Communicative, cognitive and linguocultural aspects]. Saratov, Izd. Centr "Nauka", 2010, 120 p.
- Gyngazova L. G. [Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of the Siberian peasant woman]. *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshherossiiskom i evropeiskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (XIX – early XX centuries), ed. I. A. Aizikova]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2019, pp. 55–95. (In Russ.)
- Ivanцова Е. В. [Variation in the implementation of the key concept of BREAD in different types of Russian speech culture]. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki: materialy po itogam Mezhduнародной konferencii rusistov v Barselonskom universitete, 20–22 iyunya 2018* [Actual problems and prospects of Russian studies: materials on the results of the International Conference of Russianists at the University of Barcelona, June 20–22, 2018]. Barcelona, Trialba Ediciones, 2018, pp. 1172–1181. (In Russ.)
- Karasik V. I. *Yazykovii krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
- Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis, 2009. 406 p.
- Slautina M. V. [Lexical category "Document" in the cognitive aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 82–86. (In Russ.)
- Szmrecsanyi B. Methods and objectives in contemporary dialectology. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars* / Eds. Ilya A. Seržant & Björn Wiemer. Vol. 12. Bergen, Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2014, pp. 81–92.
- Tubalova I. V. *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2016. 370 p.
- Vendina T. A. *Antropologiya dialektного слова* [Anthropology of the dialect word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020. 684 p.

Из истории русского языка

Пульпеты и с чем их едят: к истории слова

Мария Олеговна Новак, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
mariaonovak@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170028368-3

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается обзор истории слова *пульпет* ‘шарик из фарша, фрикаделька’ в русском языке. Уточняется источник заимствования, в хронологической последовательности прослеживаются особенности употребления слова и его лексикографической фиксации. Установлено, что слово, будучи заимствованным из польского языка в конце XVII века, не получает широкого распространения в узусе носителей русского языка, имеет региональную отнесенность (юг России, русскоязычная Украина) и остается практически незамеченным в отечественной лексикографии. Выявлены диахронические различия в сферах употребления слова: в XIX и в XXI вв. оно фигурирует в основном в кулинарных рецептах, в XX веке — в произведениях художественной литературы. Семантика лексемы определяется по-разному в рассмотренных источниках: налицо либо указание на форму изделия («шарики», «катушки»), либо использование синонимичного кулинарного термина («клецки», «фрикадельки», «тефтельки»). Лексема употребляется по преимуществу в форме множественного числа и принадлежит к существительным мужского рода. Академические словари русского языка игнорируют данную лексическую единицу; она входит в состав лишь немногих словарей иностранных слов XIX века и при этом ошибочно интерпретируется как заимствование из французского языка. Слово нуждается в более корректном этимологическом и семантическом освещении в современных лексикографических сводах — хотя бы в словарях иностранных слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология, заимствования, русская лексикография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новак М. О. Пульпеты и с чем их едят: к истории слова // Русская речь. 2023. № 5. С. 81–92. DOI: 10.31857/S013161170028368-3.

From the History of the Russian Language

Pulpety and How to Eat Them: To the Word's History

Maria O. Novak, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), mariaonovak@gmail.com

ABSTRACT: The article reviews the history of the word *pulpet* ‘meatball’ in Russian. The author identifies the origin of this word’s borrowing, discusses its usage peculiarities and lexicographic fixation in chronological order. The word, borrowed from the Polish language at the end of the 17th century, has not been widely used in Russian. Its distribution has a regional limitation (south of Russia, Russian-speaking Ukraine) and it remains almost unnoticed in Russian lexicography. There are diachronic differences in the word use domains: in the 19th and 21st centuries, it appears mostly in culinary recipes, while in the 20th century it is usually found in fiction. The lexeme semantics is defined differently in various sources: there is either an indication of the product’s shape (“balls,” “rolls”) or a reference to a synonymous culinary term (“dumplings,” “meatballs”). The lexeme is used primarily in the plural form and belongs to masculine nouns. Academic dictionaries of the Russian language ignore this lexical item; only a few dictionaries of loanwords from the 19th century incorporate it and erroneously interpret it as a borrowing from French. The word needs a proper etymological and semantic coverage in modern lexicographic volumes, at least in loanwords dictionaries.

KEYWORDS: historical lexicology, loanwords, Russian lexicography

FOR CITATION: Novak M. O. *Pulpety* and How to Eat Them: To the Word’s History. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2023. No. 5. Pp. 81–92. DOI: 10.31857/S013161170028368-3.

О. В предисловии к одной из академических монографий, изданной более сорока лет назад, можно прочесть такие строки: «...мы еще не близки к тому, чтобы сказать, что у нас собраны все материалы для написания обобщающего труда по исторической лексикологии русского литературного языка... Объясняется это прежде всего спецификой лексикологии. В отличие

от других лингвистических дисциплин лексикология имеет дело с необозримо громадным количеством объектов изучения» [История 1981: 3]. Это утверждение, справедливое и для исторической лексикографии, актуально до сих пор, поскольку сохраняют свое влияние такие факторы, как историческая изменчивость словаря и неистощимое многообразие контекстных реализаций, сочетаемости, парадигматических отношений между словами. Кроме того, важно и постоянное расширение круга исторических источников, которые становятся все доступнее благодаря современным технологиям.

Мы предлагаем вниманию читателей очерк по истории существительного иноязычного происхождения, которому «не повезло» с лексикографической фиксацией, хотя его судьба и контекст функционирования в русском языке заслуживают внимания. Цель статьи — восполнить существующие пробелы в историческом описании этого слова, уточнив маршрут заимствования, показав варьирование семантических и грамматических характеристик, динамику употребления, а также предложив некоторые лексикографические уточнения. Для достижения поставленных задач мы проследим в хронологическом порядке развитие узуса слова и лексикографические реакции на него.

1. «Герой» этой статьи заинтересовал автора во время работы над электронным словарем заимствований (грецизмов и полонизмов) в русском языке XI–XVII вв.¹ В корпусе источников словаря присутствует рукописная поваренная книга XVII века (РГБ, ф. 178, № 931, «Книга, глаголемая домострой») — перевод польского кулинарного трактата «Compendium ferculorum, albo Zebranie potraw» («Собрание блюд»), опубликованного шеф-поваром краковского воеводы Станиславом Чернецким в 1682 году. Этот перевод буквально наводняют сиюминутные варваризмы и заимствования, не закрепившиеся впоследствии в словарном фонде русского языка. Заинтересовавшее нас слово, однако, употребляется до сих пор, преимущественно в форме множественного числа — *пульпеты*. Именно так оно употреблено и в источнике: *Росо(л) с дигателями или пулпетами* (л. 12), польск. *Rosół z figatellami albo pulpetami* [Compendium 1682: 12], что означает ‘бульон с фрикадельками’. На итальянские корни слова в польском языке справедливо указал исследователь заимствований романского происхождения Генри Лиминг: *polpetta* ‘фрикаделька’ < *polpa* ‘мякоть’ [Leeming 1974: 511], также как и польский этимолог Александр Брюкнер [Brückner 1927: 447].

В XVIII веке следы лексемы в русском узусе теряются; показательно в связи с этим ее отсутствие как в четвертом томе «Словаря Академии Российской» [Словарь 1793], так и в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского 1803–1806 гг. [Яновский 1806]. Заметим, что в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] это слово вообще не фиксируется; источники, которые мы цитируем ниже, обнаружены благодаря поисковым интернет-сервисам Google (<http://www.google.com/>) и Google Books (<https://books.google.com/>).

¹ Подготовка словаря велась в 2018–2020 гг. коллективом Группы словаря русского языка XI–XVII вв. ИРЯ РАН в рамках гранта РФФИ (проект № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы», руководитель проф. М. И. Чернышева).

2. В XIX столетии словоформа *пульпеты* вновь появляется в кулинарных рецептах, причем иногда используется ошибочно. Так, в «Журнале общепользных сведений» за 1849 год приведен рецепт, из которого ясно, что пульпетами анонимный автор называет рулетики из говядины и свиного сала с начинкой из сухарей с бульоном или из рубленых крутых яиц [Журнал 1849: 390–391]. Судя по способу приготовления, здесь имеется в виду совершенно другое мясное блюдо с похожим названием — *польеты*, рецепт которого встречается в поваренных руководствах рубежа XVIII и XIX вв. [Словарь поваренный 1796: 348; Новейшая 1804: 128].

В середине века завоевывает известность двухтомный «Альманах гастронома» Игнатия Радецкого — метрдотеля с большим опытом работы в Европе, которому приписывают стремление приспособить русскую кухню к французской традиции [Сюткин, Сюткина 2010]. В третьем томе альманаха находится рецепт «пульпеты из рябчиков» [Альманах 1855: 16, 184–185]. Судя по имени шеф-повара, он вполне мог иметь польские корни (обнаружить его подробную биографию в надежных источниках пока не удалось, несмотря на то, что дело его живет — например, на март 2023 года был запланирован финал конкурса петербургской кухни его имени [Приз Радецкого 2023]). В рецепте Радецкого *пульпеты* определены через синоним *клецки*.

В знаменитом кулинарном руководстве Е. И. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам», первое издание которого вышло в 1861 году, *пульпеты* отсутствуют — автор предпочитает синонимы *фрикадельки* и *клецки* [Молоховец 1901]. А вот в книге М. Хмелевской «Экономная кухарка», впервые опубликованной в 1899 году и также до сих пор переиздаваемой, *пульпеты* как шарики из (практически любого) фарша упомянуты не раз: «пульпеты к борщу или супу», «пульпеты из мозгов», «пульпеты из рыбы», «пульпеты из оставшегося жаркого», «пульпеты из печенки» [Хмелевская 1903: 33–34, 45–46]. Обращает на себя внимание, что первые издания этой книги вышли в Полтаве, а знакомство с текстом убеждает в том, что ее автор не только во многом опирается на польскую и украинскую кулинарную традицию, но и (хотя нечасто) использует соответствующие языковые формы, например: «...бульон... когда готов, засмажить [т. е. заправить. — М. Н.] салом с луком» [Хмелевская 1903: 31]. Сама М. Хмелевская определяет *пульпеты* как «шарики» или «катушки», отсылая к их округлой форме: «...делать шарики и бросать в кипящий булион или борщ» [Хмелевская 1903: 33], «...поделать катушки, посыпать мукой...», «выделять катушки и отварить в булионе» [Хмелевская 1903: 46].

В связи с этим встает вопрос о присутствии и толковании нашего слова в словарях XIX века. В академическом словаре 1847 года [Словарь 1847] оно отсутствует, несмотря на то, что в целом этот лексикографический свод не чужд заимствованной лексики; то же можно сказать и о словаре В. И. Даля. Своего рода прибежищем становятся некоторые (однако далеко не все!) словари иностранных слов. Заметим, что этот лексикографический жанр процветал во второй половине XIX столетия: словарей было много, и они исключительно активно переиздавались, при этом постоянно расширяя словник (от нескольких

тысяч до 150–200 тысяч заимствований и иноязычных выражений). Например, диссертационное исследование С. В. Барышниковой опирается на 116 изданий «словотолкователей иноязычной лексики XIX в.» [Барышникова 2010: 12].

Итак, какова общая картина в словарях иноязычной лексики? А. Д. Михельсон еще не помещает статью «Пульпеты» в издания своего словаря 1860-х гг., но она появляется в последующих расширенных изданиях: «Пульпеты, фр., отъ роуître, мякоть. Мясные клецки», — а также в словаре, составленном совместно Михельсоном и И. Ф. Бурдоном [Объяснение 1877: 165; Михельсон 1883: 586; Бурдон 1907: 353]. Формулировки Михельсона буквально повторяют составители «Нового словотолкователя» [Карташев, Бельский 1888: 607]. Таким образом, *пульпеты* получают толкование через другой специальный кулинарный термин (как в «Альманахе» И. М. Радецкого), а не через обобщающее указание на форму типа «шарики» (как в книге М. Хмелевской). Что касается зоны этимологии, мы видим, что заимствование возведено к французскому языку (не говоря уже о том, что основа французского слова приведена у Михельсона и его последователей с ошибкой: должно быть *pulpr-*, а не *poulpr-* — см. [Brachet 1870: 438]). Итальянские и польские его корни игнорируются.

3. В отличие от «нишевого» (только в рецептах) употребления XIX столетия, в доступных нам источниках XX века *пульпеты* обнаруживаются преимущественно в произведениях художественной литературы. Единственный рецепт приготовления блюда находим в переводе известной книги о традиционной польской кухне [Лемнис, Витры 1992: 53], что маркирует заимствование как наименование именно польского блюда.

Приведем художественные контексты в хронологическом порядке:

*Поэты любят книги и газеты, / Поэты знают критиков-врагов / И кушают котлеты и **пульпеты**, / А не еду мифических богов* — строки из пародии Бронислава Кежуна на стихи ростовского поэта Даниила Долинского (Б. Кежун. Поэты и пульпеты. 1966); *Питание требовалось особое, диетическое (какие-то паровые **пульпеты**)* (И. Грекова. Хозяйка гостиницы. 1976) (персонажи повести И. Грековой живут в неназванном городе у южного моря, судя по косвенным признакам — в Одессе); *...**пульпет** помнишь, такая одесская котлета на палочке? тридцать восемь копеек. А теперь? Я уже забыл, когда ел пирожки с мясом* (М. Панин. Труп твоего врага. 1996). «Котлета» и «палочка» отсылают, скорее, к люля-кебабу; не исключено, что изголодавшийся персонаж романа просто путает названия мясных блюд (в контексте это никак не поясняется). Это единственное встретившееся нам употребление формы единственного числа.

Происхождение либо контексты художественных источников наводят на мысль о регионально ограниченном, а именно южнорусском, характере распространения слова. В случае с литературной пародией фактором влияния могли быть как ориентация автора на ростовскую аудиторию, так и его собственные польские корни. Остальные употребления так или иначе также указывают на юг России или Украину.

Возможно, по причине этой региональной ограниченности отечественная лексикография XX века «не видит» *пульпета*: лексема отсутствует как в толковых словарях русского языка, так и в словарях иностранных слов. Даже специализированный кулинарный словарь [Похлебкин 1988], в котором собрано немало оригинальных названий блюд, не фиксирует его.

4. В XXI веке возвращается тенденция преимущественного употребления слова в книгах рецептов, к которым присоединяются сетевые кулинарные блоги и форумы. Нередко специально оговаривается принадлежность блюда к польской кухне, а его название сопровождается пояснениями. Приведем несколько примеров:

*Отдельно подать тертый сыр либо картофельные кнедли или **пульпеты** (фрикадельки из телячьей или свиной печени) (Мартынов 2009: 39); А я тут пульпеттики готовила, т. е. как тефтели, так что пробуйте! (Запись на форуме «Хорошая кухня». 2009); Я пыталась вспомнить, откуда мне знакомо это название и вспомнила, что «**пульпеты**» упоминаются в блюдах старопольской кухни... А в Польшу, видимо, название, пришло из Италии или из Франции (комментарий под записью в «Живом Журнале» 2011 г.; Пульпетта с томатным соусом); В один день было в меню два подобных блюда, но только своей формой — шарики, как у нас в Украине называют, фрикадельки. Одно блюдо было — клопчики... а другое — **пульпеты** (такое же по форме, как клопчики, шарики) (Е. Корсакова. Как я стала поваром. 2016).*

Как видим, налет экзотики не покидает нашего слова: оно нуждается в пояснениях — либо через синонимы *фрикадельки*, *тефтели*, либо через гипероним *шарики*; интересна этимологическая рефлексия в комментариях «Живого Журнала», где пользователь совершенно верно возводит полонизм *пульпеты* к итальянским и французским корням. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые сетевые авторы живут в Польше и либо сами знакомятся с польской кухней (как Елена Корсакова, приехавшая из Украины), либо, наоборот, адаптируют привычные польские названия для своих читателей (как один из авторов форума «Хорошая кухня»).

Следующий контекст представляет критический отклик 2011 г. на меню в одном из крымских санаториев: *Котлеты, шницели, биточки, бифштексы, **пульпеты** — это все КОТЛЕТЫ, так что как ни старайтесь, разнообразить меню не получится, котлет наедитесь на всю жизнь (Прибій 1*. Отзывы).* Показательно, что анонимный автор отзыва, приехавший в санаторий из Украины, не делает никаких специальных пояснений, прекрасно понимая, что *пульпеты* должны отличаться от котлет, биточков и прочих мясных блюд. Можно добавить, что автору статьи в свое время (лет 40–45 назад) также приходилось видеть наименование «*пульпеты*» в меню курортной столовой того же крымского города.

С этим отзывом контрастирует восприятие покупателей продукта «Фрикадельки мясные Рамарол “Пульпеты”». В одном из комментариев 2022 г. (его

автор указывает как место своего жительства Пензу) читаем: «*Название правда отпад*» (Фрикадельки мясные Рамарол «Пульпеты» // Отзовик. 23.02.2023), — что явно указывает на восприятие названия как незнакомого, странного и/или забавного.

Таким образом, узус первой четверти XXI века, как и века предыдущего, отражает приуроченность слова *пульпет* к определенной региональной зоне, не чуждой контактов с языком — источником заимствования, то есть с польским (причем это зона с подвижными границами, поскольку речь идет в том числе о носителях русского языка, живущих в Польше).

Как обстоят дела в новейшей лексикографии, включая общеизвестно авторитетные словари русского языка и крупные словари иностранных слов? Уже предсказуемо: они тоже почти не видят *пульпет*, если не считать цитирования одного из переизданий словаря А. Д. Михельсона в «Историческом словаре галлицизмов»: «ПУЛЬПЕТЫ *pulpettes*. Мясные клецки. Михельсон 1888» [Епишкин 2010]. Излишнее доверие к мнению Михельсона способствует, таким образом, включению в ряды галлицизмов слова, которое галлицизмом не является.

5. Итак, слово *пульпет* не слишком хорошо прижилось в русском языке. Об этом свидетельствует и почти полное отсутствие производных — диминутив *пульпетик* кажется тоже, скорее всего, заимствованным из польского (< *pulpecik*), чем собственно русским дериватом. Конечно, нельзя исключать и словообразование на русской почве, однако в уже цитированном тексте Е. Корсаковой с отсылкой к польской кухне явно присутствует указание на узус носителей польского языка (автор работает в Польше и поясняет все, что ей кажется нетипичным для русского словоупотребления): «...**пульпеты** (их ласково называют **пульпетиками**) пекут в духовке (Е. Корсакова. Как я стала поваром. 2016). В языке-источнике, напротив, не только существует ряд производных (*pulpecik*, *pulpetowy*), но и развивается (в разговорном регистре) переносное значение *pulpet* ‘толстый человек’, что отмечено в новейшем (2007–) словаре польского языка [WSJP].

Как видно из вышеприведенных контекстов, наше слово употребляется преимущественно в форме множественного числа, за исключением романа М. Панина, где «пульпет — котлета на палочке» указывает на принадлежность к мужскому роду. Однако в новейшем узусе обнаруживается и форма женского рода *пульпета*. Она соотносится с иной реалией и связана с испанским языком, поскольку представляет собой название кубинского мясного рулета:

Пульпета (pulpeteta) — кубинский мясной рулет из перемолотой говядины и ветчины, фаршированный сваренными вкрутую яйцами (Кубинская кухня, блюда, рецепты, история); Пульпета — это кубинский эквивалент мясного рулета, но его готовят не в духовке (20 блюд, которые обязательно надо попробовать на Кубе).

Кроме того, в последнее время под влиянием новой моды на итальянскую кухню в кулинарных блогах появились формы женского рода *пульпета/поль-*

петта, также обозначающие фрикадельки, но заимствуемые непосредственно из итальянского языка:

Как нам рассказывали во время экскурсии, **польпетта** имеет три важных отличия от привычных нам котлет. Для приготовления **польпетты** используется нежирный фарш... **Польпетты** не жарят на сковородке, а запекают в духовке в соусе (Итальянская классика: Польпетта с рикоттой и пармезаном // LiveJournal, 27.07.2011); **Польпеты** в соусе — очень популярное блюдо в Италии, потому что — просто, вкусно и быстро, удовлетворяет любой вкус (Фрикадельки в томатном соусе // Nidic.net).

Из первого контекста видно, что «польпетта» может быть как наименованием отдельной фрикадельки, так и блюда целиком.

6. Чтобы «закольцевать» наше изложение, вернемся к контексту из поваренной книги XVII в., где форма с *пулпетами* соседствует с формой с *фигателями*. Синонимия слов *pulpet* и *figatel* в языке-источнике не подлежит сомнению: достаточно сказать, что некоторые словари польского языка склонны определять одно через другое. Например, в словаре С. Б. Линде начала XIX в. читаем: «FIGATELE, -i, plur., pulpety» [Linde 1807: 638], «PULPETY, ob. Figatele» [Linde 1811: 1278], — так что круг замыкается; читателю сообщается, что *фигатели* — это *пульпеты*, а в статье «Пульпеты» предлагается лишь отсылка к статье «Фигатели». Словарь под редакцией В. Дорошевского (1958–1969) также толкует *figatele* через *pulpety*: «figatel... zwykle w lm., ... daw. pulpety z mięsa, farsz», однако, вместе с тем, в статье «Pulpet» предлагается развернутое определение с участием гиперонима: «gałki z mielonego mięsa, tłuszczu, z dodatkiem bułki tartej...», т. е. «шарики из измельченного мяса, жира с добавлением панировочных сухарей...» [SJPD].

Вошло ли слово *фигатель* в русский лексикон? Да, однако еще более ограничено, чем *пульпет*, и нередко с другими значениями. Например, форма *figatelów* присутствует в перечне блюд старопольского стола в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш»; в статье Е. А. Слободян оспаривается переводческая трактовка М. Павловой: «...и *фигатели* (наименование начинки) становятся названием блюда у М. Павловой» [Слободян 2013]. На русскоязычном портале «Беларусь сегодня», в публикации 2019 г., встречаем совершенно иную интерпретацию: *Новогрудский филиал отправляет гостей в гастрономическое «путешествие» по поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Только здесь можно не только узнать, что это такое — упоминаемые в книге **фигатели**, но и попробовать их на вкус. Оказывается, это жареные домашние колбаски.*

Вне контекста поэмы Мицкевича слово *фигатель* появляется в обзорах, посвященных испанской кухне:

*Тапас могут быть морепродукты... сыры, тефтели (альбондигас или **фигатель**) (España es parte de ti. Гастрономия); Котлетки «**фигатель**» из каракатицы. ...Что-то среднее между колбаской и гамбургером (Casa Benjamin // Impuls Plus. Гастрономия).*

Как видим, слово *фигатель* в текстах на русском языке используется sporadически, выглядит как экзотизм, нуждаясь в пояснениях вроде «оказывается, это...», обозначает очень разные блюда и весьма далеко от отношений взаимного определения со словом *пульпет*.

7. Итак, мы проследили динамику употребления и лексикографической фиксации слова *пульпет*, заимствованного в русский язык путем перевода польского письменного источника XVII в., на протяжении нескольких столетий вплоть до настоящего времени. Подведем итоги.

1) Слово распространено не слишком широко; от столетия к столетию можно наблюдать различия в сферах его употребления: если в XIX и XXI вв. оно фигурирует в основном в кулинарных рецептах, то в XX в. — в текстах художественной литературы.

2) Употребление слова имеет региональную приуроченность (юг России, русскоязычная Украина) и сохраняет связи с языком-источником через отсылки к польской кулинарной традиции.

3) В узусе рассмотренных источников выявлены различные пути интерпретации семантики лексемы — либо через указание на форму изделия («шарики», «катушки»), либо через синонимичный кулинарный термин («клецки», «фрикадельки», «тефтельки»).

4) Лексема принадлежит к мужскому роду и употребляется преимущественно в форме множественного числа; в последнее время на сетевых кулинарных ресурсах появляются схожие формы женского рода иного происхождения — *пульпета* и *польпета/польпетта*.

5) Существительное *фигатель*, фигурирующее в кулинарной книге XVII в. (и в последующие столетия — в языке-источнике) как синоним слова *пульпет*, также обнаруживается в современном русском узусе, однако занимает там еще более скромное место и соотносится с разными гастрономическими реалиями.

6) Лексема весьма слабо и недостаточно точно отражена в отечественной лексикографии. Ее вводят в свой словник лишь некоторые словари иностранных слов XIX века, трактуя *пульпет* как заимствование из французского языка и приводя при этом неверное написание основы слова в языке-источнике (*roulр-* вместо *pulр-*); оттуда информация некритически переносится впоследствии в «Исторический словарь галлицизмов» XXI в. Таким образом, в зоне этимологии не учитываются итальянские и польские корни заимствования. В зоне толкования налицо интерпретация посредством лексемы *клецки*.

7) На наш взгляд, слово *пульпет* должно занять свое место в современных словарных сводах — если не в академических словарях русского языка, то хотя бы в словарях иностранных слов, которые, как правило, не проходят мимо редких лексических единиц.

Источники и словари

Альманах гастрономов... сост. И. М. Радецким. Книга третья. СПб., 1855. 376 + XXXIV с.

Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/gostey-dnya-belorusskoy-pismennosti-ugoshchayut-blyudami-iz-knig-adama-mitskevicha-vladimira-korotke.html> (дата обращения: 17.04.2023).

Бурдон И. Ф. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней... / Сост. по лучшим источникам Бурдон и Михельсон. 11-е изд. М.: [Тип.] А. Я. Панафидина, 1907. [2], 476 с.

Грекова И. Хозяйка гостиницы. Москва: ФТМ, 1976. 135 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/i-grekova/hozyayka-gostinicy-126103/> (дата обращения: 17.04.2023).

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. Москва: Словарное издательство ЭТС, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-207-35.htm#zag-31971> (дата обращения: 13.04.2023).

Журнал общепользных сведений: или Библиотека земледелия... Т. IV. Май 1849 / ред. Э. Перцов. СПб., 1849. 480 + V с.

Итальянская классика: Польпетта с рикоттой и пармезаном // LiveJournal, 27 июля 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://imungu.livejournal.com/15709.html> (дата обращения: 17.04.2023).

Карташев А. В., Бельский В. И. Новый словотолкователь: Более 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык. В 3-х томах, в одной большой книге. Собранный и составленный филологами Карташевым и Бельским. 8-е изд. М.: 1887–1888. Т. 3. 708 с.

Кежун Б. А. Поэты и пулпеты // Дон. 1966. № 1. С. 188.

Книга, глаголемая домострой. РГБ, ф. 178, № 931. 155 л. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/178/f-178-931/> (дата обращения: 17.04.2023).

Корсакова Е. Как я стала поваром [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2016/05/28/1353> (дата обращения: 27.03.2023).

Кубинская кухня, блюда, рецепты, история // KITCHEN727 [Электронный ресурс]. URL: <http://kitchen.727go.com/cuban-cuisine/> (дата обращения: 17.04.2023).

Лемнис М., Витры Г. В старопольской кухне и за польским столом / Пер. с польск. К. Козакевич. Варшава: Интерпресс, 1992. 294 с.

Мартынов В. Л. Большая энциклопедия кулинарного искусства. Минск: Харвест, 2009. 208 с.

Михельсон А. Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: Сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. Михельсон. 9-е изд. М.: Русская тип. А. О. Лютецкого, 1883. [4], 752 с.

Молоховец Е. И. Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве. 22-е изд. СПб.: 1901.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.04.2023).

Новейшая поваренная книга для всех состояний. М.: 1804. [4], 372 с.

Объяснение всех иностранных слов (более 50 000 слов), вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: Т. 1–2 / составил по словарям: Гейзе, Рейфа и других Михельсон. Изд. 7-е. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1877.

Панин М. М. Труп твоего врага // Звезда. 1996. № 6. С. 7–115.

Польпетта с томатным соусом // LiveJournal, 1 сентября 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://appeti.livejournal.com/43497.html> (дата обращения: 17.04.2023).

Похлебкин В. В. О кулинарии от А до Я. Словарь-справочник. Минск: Полюмя, 1988. 224 с.

Прибій 1* — Отзывы // ТипПравда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turpravda.com/uc/evpatoria/Priboy10-h14937.html#reviews> (дата обращения: 13.04.2023).

Приз Радецкого / Prix Radetzky 2023 // CHEF.RU. Знания. Опыт. Вдохновение [Электронный ресурс]. URL: <https://chef.ru/news/priz-radeczkogo-prix-radetzky-2023/> (дата обращения: 24.03.2023).

Слободян Е. А. Переводческие неудачи при передаче исторических и культурных реалий // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. Т. 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/295/> (дата обращения: 17.04.2023).

Словарь Академии Российской. Часть IV. От М до Р. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1793. 1272 стб.

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Императорской Академии наук. Том III. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1847. 390 с.

Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский. Часть четвертая. М.: Университет. тип., 1796. 448 с.

Сюткин П., Сюткина О. Игнатий Радецкий: русская кухня «с европейским лицом» // Вкус и цвет. 10.06.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://vkusitsvet.ru/tovarisch-est/istorii-ob-istorii/ignatij-radeckij-russkaya-kuxnya-s-evropejskim-licom/> (дата обращения: 24.03.2023).

Фрикадельки в томатном соусе // Nidic.net [Электронный ресурс]. URL: <https://nidic.net/view/frikadel-ki-v-tomatnom-souse-polpette-nel-sugo-italanskij-recept/alu7X> (дата обращения: 17.04.2023).

Фрикадельки мясные Рамарол «Пульпеты» // Отзовик [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_13218474.html (дата обращения: 23.02.2023).

Хмелевская М. Экономная кухарка. Изд. 2-е, испр. и доп. Полтава: Электрическая типо-литография Тор. Д. «Л. Фришберг», 1903. 342 + 13 с.

Хорошая кухня [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.good-cook.ru/topic7499.html?view=findpost&p=843564> (дата обращения: 17.04.2023).

Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речи и технические термины. СПб.: Тип. Акад. наук, 1803–1806. 3 т. Ч. 3: [От О до Я]. 1806. [2], 1322 стб.

20 блюд, которые обязательно надо попробовать на Кубе // Big Picture [Электронный ресурс]. URL: <https://bigpicture.ru/20-blyud-kotorye-obyazatelno-nado-porobovat-na-kube/> (дата обращения: 17.04.2023).

Brachet A. Dictionnaire étymologique de la langue française. 6ème éd. Paris, 1870. 560 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10586911?page=566> (дата обращения: 13.04.2023).

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Nakład i własność Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1927. 806 p.

Casa Benjamin // Impuls Plus. Гастрономия [Электронный ресурс]. URL: <https://impulsplus.es/ru/casa-benjamin-idealnyj-format-i-sovsem-drugoj-bar/> (дата обращения: 17.04.2023).

Compendium ferculorum, albo zebranie potraw, przez Urodzonego, Stanisława Czernieckiego... Kraków, 1682. 112 s. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/50234/edition/66766/content> (дата обращения: 17.04.2023).

España es parte de ti. Гастрономия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spain-e-learning.ru/ru/study/336N4TR84YK4I389> (дата обращения: 17.04.2023).

Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. 1, cz. 1: A–F. Warszawa, 1807. 668 s.; t. 2, cz. 2: P. Warszawa, 1811. 1286 p.

SJPD — Słownik języka polskiego pod redakcją Witolda Doroszewskiego [Электронный ресурс]. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/haslo/pulpet/> (дата обращения: 17.04.2023).

WSJP — Wielki słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. URL: https://wsjp.pl/haslo/do_druku/52980/pulpet (дата обращения: 12.04.2023).

Литература

Барышникова С. В. Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Сахалин. гос. ун-т. Южно-Сахалинск, 2010. 23 с.

История лексики русского языка конца XVII — начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.

Leeming H. A 17th-Century Polish Cookery Book and Its Russian Manuscript Translation // The Slavonic and East European Review, vol. 52, no. 129 (Oct., 1974), pp. 500–513.

References

Baryshnikova S. V. *Slovari inostrannykh slov XIX veka i otrazhenie v nikh semanticheskoi adaptatsii inoyazychnoi leksiki. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [Dictionaries of loanwords from the 19th century and their reflection of a foreign language vocabulary semantic adaptation. Cand. of Philology diss. referat] / Sakhalin. gos. un-t. Yuzhno-Sakhalinsk, 2010. 23 p. (In Russ.)

Istoriya leksiki russkogo yazyka kontsa XVII — nachala XIX veka [Russian vocabulary history from the end of 17th to the beginning of 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 374 p.

Leeming H. A 17th-Century Polish Cookery Book and Its Russian Manuscript Translation. *The Slavonic and East European Review*, vol. 52, no. 129 (Oct., 1974), pp. 500–513.

Чичиков: смысл прозвища героя «Мертвых душ»

Игорь Алексеевич Виноградов, Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук (Москва, Россия), info@imli.ru

DOI: 10.31857/S013161170028369-4

АННОТАЦИЯ: Одна из отличительных черт наследия Н. В. Гоголя — широта и универсальность языкового багажа. Хорошо известно свойственное Гоголю как писателю обогащение русского языка за счет украинского. Одним из ключевых для понимания замысла «Мертвых душ» (1842) является имя главного героя поэмы Чичикова. В статье в качестве наиболее вероятного источника прозвища героя указывается украинское слово «чичик», находящееся в рукописном сборнике Гоголя «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» (1826–1830). Слову «чичик» дается толкование (отсутствующее у Гоголя) — ‘хищный, вороватый кот’, — и приводится соответствующий этому значению фольклорный и историко-литературный контекст, в том числе обширный свод словоупотреблений, связанных с упоминаниями о «диких котах» (львах, тиграх) в ряде гоголевских произведений. Неожиданное на первый взгляд «украинское» происхождение имени главного героя поэмы находит себе подтверждение в анализе особенностей гоголевской сатиры, одинаково направленной как на представителей центральной и северной России, так и на обитателей и уроженцев Южной Руси. Обращение к фольклорным материалам гоголевской «Книги всякой всячины...», к историософским штудиям писателя позволяет расширить привычные представления о его поэтике, обозначить новые реминисценции художественных образов гоголевских произведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гоголь, поэтика, ономастика, авторский замысел, всеобщая история, сатира, фольклор

для цитирования: Виноградов И. А. Чичиков: смысл прозвища героя «Мертвых душ» // Русская речь. 2023. № 5. С. 93–105. DOI: 10.31857/S013161170028369-4.

The Language of Fiction

Chichikov: The Name of the Main Character of “Dead Souls”

Igor' A. Vinogradov, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), info@imli.ru

ABSTRACT: One of the distinguishing features of the legacy of N. V. Gogol is the breadth and versatility of his linguistic arsenal. It is well known that Gogol as a writer enriched the Russian language by introducing Ukrainian words and phrases into it. One of the keys to understanding the concept of “Dead Souls” (1842) is the name of the protagonist of the poem, Chichikov. In the article, the Ukrainian word “chichik” is indicated as the most likely source of the hero’s name, which is found in Gogol’s handwritten collection “The Book of All sorts of Things, or the Handy Encyclopedia” (1826–1830). The word “chichik” means ‘a predatory, thievish cat’. There exists folklore and historical-literary context corresponding to this meaning, including an extensive set of word usages associated with references to ‘wild cats’ (lions, tigers) in a number of Gogol’s works. Unexpected at first glance, the ‘Ukrainian’ origin of the name of the protagonist of “Dead Souls” finds confirmation in the analysis of Gogol’s satire features, equally directed both at representatives of central and northern Russia, and at the inhabitants and natives of South Russia. An appeal to the folklore materials of Gogol’s “Book of all sorts of things...”, to the historiosophical studies of the writer allows us to expand the usual ideas about his poetics and to identify new reminiscences of the artistic images of Gogol’s works.

KEYWORDS: Nikolai Gogol, poetics, onomastics, author’s intention, general history, satire, folklore

FOR CITATION: Vinogradov I. A. Chichikov: The Name of the Main Character of “Dead Souls”. *Russian Speech* = *Russkaya Rech'*. 2023. No. 5. Pp. 93–105. DOI: 10.31857/S013161170028369-4.

Одно из отличительных качеств наследия Н. В. Гоголя — широта и универсальность его языкового багажа: наряду с русским, в «арсенале орудий поэта» [Гоголь 2009–2010, т. 6: 169] — красоты и особенности украинского языка,

свободное владение итальянским, французским, знание языков классических. Гоголь писал: «...Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. <...> ...Он беспределен и может... обогащаться ежеминутно... выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям...» [Гоголь 2009–2010, т. 6: 195].

Среди выразительных средств, употребляемых писателем, важное место занимает ономастика. Эта сторона гоголевской поэтики в достаточной мере еще не изучена. Знаковый статус многих «говорящих» имен гоголевских героев (в этом случае Гоголь определенно продолжал, в известной мере, классицистическую традицию) осмыслен недостаточно. Красноречивое свидетельство о том, какое важное значение придавал именам сам писатель, он оставил в «Мертвых душах»: «Выражается сильно российский народ! <...> ...влепляет сразу, как пашпорт на вечную носку... одной чертой обрисован ты с ног до головы!» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 106].

Интерес к имени центрального героя главного гоголевского произведения — поэмы «Мертвые души» — возник давно. Мнения читателей и критиков на первых порах носили неизбежно характер субъективный. В 1859 г. переводчик гоголевского произведения на французский язык Э. Шаррьер предположил, что фамилия Чичиков является звукоподражанием, связанным с глаголом «чихать» [Gogol 1859: 7]. В 1934 г. Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) сделал справедливое, но не затрагивающее смысла прозвища замечание, что «самые имена и фамилии построены Гоголем по принципу звукового повтора; смешные звуки “чи-чи”, “чик-чирик”, “ик-ик” слагают *Чичик-ов*» [Белый 1934: 233]. Позднее, в 1954 г., попытку объяснить происхождение и само значение имени героя предпринял А. М. Ремизов. Он писал: «Павел Иванович Чичек. Имя собирательное, фамилия малороссийская. “Чичек” по-турецки “цветок”, писарь в Нежине описался и из “Чичека” вышел “Чичик”, а Гоголь для московского полнозвучья прибавил “ов”. Так и получился: Павел Иванович Чичиков» [Ремизов 1954: 49]. Смысл именования Ремизов объяснял следующим образом: «...полнота жизни — Чичиков. Все мы Чичиковы — цветы земли (“чичек” по-турецки “цветок”) — кому же из нас не охота жить по-человечески, не беспокоиться о мелочах, быть уверенным, будет чем заплатить за газ, за электричество, за квартиру...» [Ремизов 1954: 36].

В современном этимологическом словаре украинского языка слова «чечик», «чичик» связываются с словами «чечіт» («чечітка») (птица) и «чечітка» (танец) [Мельничук (гл. ред.) 2012: 315–316, 329] (см. также в словаре Б. Д. Гринченко 1909 г.: «Чечик <...> чечет» [Гринченко (ред.) 1909, т. 4: 461]). «Народно-этимологическая» догадка А. М. Ремизова — связь «чичика» с турецким словом «çiçek» (цветок) — не зафиксирована; происхождение славянского слова объясняется звукоподражанием (če-če, čet-čet) [Мельничук (гл. ред.) 2012: 316].

В 1998 г. С. В. Синицкая высказала предположение, что фамильное прозвище Чичикова связано с названием реки Чичиклей в Херсонской губернии (основанием для такого вывода явился, с одной стороны, ассонанс, с другой, — соображения над содержанием поэмы — то, что в седьмой главе герой воображает себя

«херсонским помещиком») [Синицкая 1998: 272]. Кроме того, исследователь указала на «распространенное в Тамбовской губернии слово “чичик” или “начичик”, что значит “франтовски”, “щегольски”, “модно” (“кафтанчик-то шит начичик”), которое приводится в Толковом словаре В. И. Даля»: «Там же есть слово “чечениться”, т. е. “ломаться”, “жеманиться”, “степениться”, “щегольски одеваться”. У Гоголя в “Материалах для словаря русского языка” отмечено, что “чечениться” — значит “делать тоненькие губки”, “чеченя” — это “женщина жеманная”. Солидность, степенность и вместе жеманность и страсть к щегольской одежде — важные черты образа Павла Чичикова, и возможно, что Гоголь производил его фамилию от известного в народном языке слова “чичик»» [Синицкая 1998: 272]. (К этим наблюдениям можно было бы добавить переключку фамилии Чичиков со словом «обчичикать» — обмануть, провести; обыграть; обокрасть. Это слово встречается в среднерусских и северных говорах [Филин (гл. ред.) 1987: 267]. Однако в данном случае нельзя исключать того, что слово могло появиться в языке в результате влияния гоголевской поэмы.)

По поводу «знакового» наполнения фамилии героя «Мертвых душ» — которое могло бы объяснить его характер — было высказано мнение, что в ней содержится намек на «плотское начало». Основой такого предположения явился ряд слов итальянского языка, созвучных прозвищу Чичикова: «...удвоение слогов... создает звуковой образ, в котором внимательный читатель может услышать... намек на идею телесного, плотского начала Чичикова. Этот образ возникает в “итальянском” контексте поэмы (ср. *итал.* *ciccia* (чичча) — тело, телеса (разг.); *ciccione* (чиччонэ) — толстяк (разг.); *cicalone* (чикалонэ) — болтун)» [Гольденберг, Гончаров 1994: 37; Гольденберг 2007: 137].

В последнее время было еще раз предложено искать корни и значение фамильного прозвища Чичикова в ассонансах с итальянским языком — на этот раз со словом «чичероне» (гид, проводник): «Чичиков становится нашим чичероне — проводником, который... ведет нас по всему многообразию жизни» [Симеон, архим. 2022b: 66]; «В “Мертвых душах” нашим чичероне становится главный герой... Вместе с Чичиковым мы как бы объезжаем всю Россию, осматриваем ее» [Симеон, архим. 2022a: 64]. Интерес современных ученых к значению имени героя сам по себе показателен — как свидетельство искреннего стремления понять гоголевское произведение не с вульгарно-социологической, давно дискредитировавшей себя точки зрения, а с позиций самого автора. Однако последняя из гипотез тоже, на наш взгляд, не бесспорна, по крайней мере нуждается в дополнительной аргументации. Есть в то же время достаточные основания полагать, что происхождение имени Чичиков кроется в другом. Целый ряд фактов указывает на то, что источником именования героя поэмы Чичиковым послужила Гоголю более близкая языковая стихия — малороссийская (разумеется, итальянский язык к концу 1830-х гг. — времени работы над «Мертвыми душами» — Гоголь знал неплохо, однако это совсем не означает, что с изучением другого языка он переставал быть писателем русским, уроженцем Украины).

Проследить происхождение фамильного прозвища героя «Мертвых душ» помогает обращение к рукописному сборнику Гоголя «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия»¹. К составлению своей «энциклопедии» Гоголь приступил еще в юношеские годы, в 1826 г., во время обучения на родине, в стенах Гимназии высших наук в Нежине.

В «Книге всякой всячины...», в разделе «О Малороссии: загадки», имеется следующая загадка: «Бигла чичиточка мимо мои вориточки, выбиг чичик, вона й стала» (цитируется по автографу: РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 143; курсив мой. — И. В.). Отгадки в «Книге...» Гоголя нет. Предполагаемый ответ можно найти в сборнике известного украинского фольклориста М. Т. Симонова «Українські приказки, прислів'я...». Это — «вода на лотоках» (укр.) (т. е. вода в мельничном водостоке): «Бігла чечітка поперед ворітка; вийшов чечик (черчик), дав їй мечик, а вона й стала (вода на лотоках)» [Симонов 1864: 302]. Согласно варианту загадки, приведенному Симоновым (расширенному, сравнительно с гоголевским), «чечітка» — это вода; «мечик» (деревянный нож трепалки) — заслонка, перекрывающая воду; «чечик» (или, согласно записи Гоголя, «чичик») — это сам мельник, опускающий затвор.

Но краткий вариант загадки (который записан Гоголем — без «мечика») предполагает и другую отгадку. «Чечіточка» и «чичик» — это мышь и кот. Указанием на то, что Гоголь подразумевал именно такую отгадку, может служить употребленный в «Книге всякой всячины...» глагол «вибіг чичик» (а не «вийшов чечик» — как в расширенном варианте загадки в сборнике Симонова). (В то же время у Симонова есть и вариант загадки, в котором так же, как у Гоголя, подразумеваются кот и мышь, точнее, кошка, мышь и петух — «кішка», «миша» и «півень» (или «співак»; укр. — певец, петух): «Бігла чечітка поуз наши ворітка, питаецця співака: чи дома ваш ченчик? <...> (миша, півень, кішка)» [Симонов 1864: 294].)

Итак, согласно загадке, послужившей, по всей вероятности, к возникновению фамилии главного героя поэмы, Чичиков («чичик») — это вороватый, хищный кот. Судя по всему, именно этот смысл прозвища своего героя и раскрывает Гоголь в заключительной главе первого тома «Мертвых душ», где, характеризуя Чичикова, пишет о его заботе о своих «потомках» и замечает, что «будущий родоначальник, как осторожный кот, покося только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватается поспешно все, что к нему поближе... не пропускает ничего» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 231] (в этом отношении Чичиков весьма напоминает и «умного» Городничего в «Ревизоре», который «не любит пропускать того, что плывет в руки» [Гоголь 2009–2010, т. 3/4: 221]).

Добавим, что сам по себе образ хищного, дикого кота — один из излюбленных у Гоголя. Этот образ встречается в целом ряде его произведений:

- в «Старосветских помещиках»: «Лесных диких котов не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам домов... в городах... они живут хищничеством...» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 294];

¹ Именно так — «...подручная Энциклопедия», с прописной литерой во втором слове, эта часть заглавия написана в автографе на титуле книги (РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 3).

- в «Майской ночи...»: «Под носом торчали у него коротенькие... усы; ...они так неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокур поймал и держал во рту своем, подрывая монополию амбарного кота» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 138];
- в «Тарасе Бульбе»: «У дверей подземелья... стоял гайдук с усами... <...> Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота. <...> “Сто червонных давай, жид!”» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 402–403].

К этому ряду относится описание в «Мертвых душах» подозрительного Плюшкина, «глазки» которого, во время визита к нему Чичикова, «бегали... как мыши, когда... они высматривают, не затаился ли где кот» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 113].

К строкам о хищных и алчных котах примыкает у Гоголя целый ряд сходных образов кошек:

- «Кошка... очень одичала... слишком свыклась с хищными котами...» («Старосветские помещики» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 295]);
- «...собака... оборотившись в кошку, кинулась в глаза им» («Вечер накануне Ивана Купала» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 120]);
- «...страшная черная кошка крадется... железные когти стучат по полу» («Майская ночь...» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 130]);
- «Кошачье отродье!» («Пропавшая грамота» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 162]);
- «Солоха... ведьма... в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу» («Ночь перед Рождеством» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 177]);
- «...старуха... вскочила с быстротою кошки к нему на спину» («Вий» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 421]);
- «...выглянул... боязливо, как кошка, которую только что высекали за кражу сала» («Нос» [Гоголь 2009–2010, т. 3/4: 62]).

Весьма характерны в этом ряду два выражения, встречающиеся в гоголевском драматическом «Отрывке» («Светских сценах»): «Сечет всякий день мужа, как кошку!..» [Гоголь 2009–2010, т. 3/4: 431]; и в девятой главе «Мертвых душ» — «...крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка...» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 187–188]². В этом отношении небезукоризненен, среди других гоголевских героев, и сам Чичиков, поссорившийся с приятелем «за какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 229].

Существенным подспорьем к истолкованию гоголевских художественных образов может служить обращение к неопубликованным материалам писателя, употреблявшимся им для изучения языков — классических и современных (эти материалы в настоящее время подготовлены к печати). С одинаковым

² В шутиловом письме к М. П. Балабиной от 15 марта (н. ст.) 1838 г. Гоголь об одном из своих римских знакомых также замечал: «...синьор Мейер <...> влюблен, как кот, и мяукает потихоньку, чтоб его не услышали» [Гоголь 2009–2010: т. 11, 136].

мотивом, затронутым в «Отрывке» и «Мертвых душах» (который встречается у Гоголя и в других произведениях), — «блудлив, как кошка»; «Сечет... мужа, как кошку», — прямо перекликается реплика героя в финале комедии известного древнеримского драматурга Плавта «Касина» (список двух актов этой комедии на латинском языке сохранился в бумагах Гоголя по изучению латинского, греческого, итальянского и английского языков³). После неудавшейся измены герой «Касины» обращается к супруге: «Дай свое прощенье мужу... / После этого в Касину если я влюблюсь опять, / Если допущу, случится, что-нибудь подобное, — / Возражений нет: повесив, высеки меня, жена» [Плавт 1987: 404]. Порочащее поведение — обличаемое не только Церковью, но и многочисленными российскими указами того времени о распутстве — составляет один из неизменных предметов гоголевского обличения (долгое время этот сквозной, немаловажный мотив гоголевского творчества не привлекал к себе внимания исследователей) (см. подробнее: [Виноградов 2021a: 61–62, 159–160, 242–243, 296–298, 466, 505–507, 760, 762–763]).

С пониманием прозвища Чичикова как «чичика» — хищного, бродячего кота — перекликается и тот широкий исторический контекст, который сообщает Гоголь предпринимательской «одиссее» своего героя. В параллель к неутомимой деятельности «кота»-стяжателя Гоголь ставит захватнические походы таких же «хищных котов» средневековой истории — «бродяг»-пиратов, представителей «самых предприимчивых» германских народов, предводительствуемых «Оденом, этим северным Улиссом» (Улисс — латинская форма имени Одиссея, скитающегося героя древности) (статья «О движении народов в конце V века» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 333, 336]). Воинственных «котов» V века тоже, по Гоголю, «не должно смешивать с теми удалцами, которые бегают по крышам»: «Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звуке ее, как молодые, исполненные отваги *тигры*. <...> ...*Львиная* сила мышц их бросала их так далеко, сколько нужно было, чтобы достать неприятеля... <...> ...Этот Нумидийский *лев* появлялся у всех берегов Средиземного моря... <...> Он <...> имел необыкновенное искусство *грабить*...» («О движении народов в конце V века» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 328–329, 342, 346]; курсив мой. — И. В.). О «львиных членах», «жилистой» силе и алчной зависти Гоголь говорил также, характеризуя в еще одной статье «Арабесок» Древний Рим: «Стоит и простирается железный Рим <...>, вперив на все завистливые очи и протянув свою жилистую десницу. <...> ...Он неподвижен <...> и не тронется львиными членами» (статья «Жизнь» [Гоголь 2009–2010, т. 6: 261]) (ср. также строки «Тараса Бульбы»: «Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы!...» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 320]).

Повадкам хищного семейства кошачьих — «львам» и «тиграм» — уподобляется в гоголевской статье «О движении народов в конце V века» и поведение древних германцев в быту. Эти «бандитствовавшие в дикой Европе»

³ См.: Гоголь Н. В. Записная книжка. [«Casina» («Жребий»)], комедия Плавта, отрывок — 2 акта, лат. яз. Список рукою Н. В. Гоголя (РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 75. Л. 5–17).

«корсары Севера» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 333] «были беспечны, бездейственны в домашней жизни и представляли совершенную противоположность... быту воинскому» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 330]; «кошачий» облик этих «пиратов» Гоголь подчеркивает тем, что «они были бесчувственно-ленивы и лежали в своих хижинах, не трогаясь с места» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 330]. (Стоило, однако, им быть «разбуженными», — добавлял тут же Гоголь, — как они «уже не знали пределов своему стремлению» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 331].)

Широкий — всемирно-исторический — контекст, в котором рассматривает Гоголь своего героя (добавим, — и многих других героев своих произведений), не случаен. Гоголь был историком со стажем, преподавал в Петербурге на протяжении нескольких лет всеобщую историю в Патриотическом институте и Императорском университете, получил основательное историческое образование в нежинской Гимназии высших наук. Долгое время значение исторических штудий писателя для его художественного творчества также внимания исследователей не привлекало. Между тем это важнейший «ключ» для понимания его произведений; исторический подтекст — неизменная черта гоголевской поэтики (см., в частности: [Виноградов 2022]).

Настойчивые скитания по России Чичикова вполне отвечают поведению всех перечисленных выше «диких охотников» древности, которые, согласно финалу статьи Гоголя «О движении народов в конце V века», были «воспитаны... всеобщими странствиями», «приключениями и путешествиями» и которые, по словам писателя, превратили Европу в «огромный рынок» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 347].

Так или иначе, но своего неидеального, корыстолюбивого героя-хищника Гоголь называет определенно по-украински: чичик — Чичиков. Неожиданным такое происхождение имени главного героя «Мертвых душ» выглядят только на первый взгляд. Обличение малороссийских, украинских типов (наряду с великороссийскими), в свою очередь, составляет одну из отличительных черт гоголевской нелицеприятной «сатиры». Своих земляков писатель обличал не менее часто и сурово, чем представителей центральной и северной России. Имеются многочисленные свидетельства о том, что прообразами гоголевских «сатирических» типов, даже в произведениях «общероссийского» характера, являлись именно его земляки.

Так, подобно Чичикову, «украинскую» фамилию носит майор Ковалев в гоголевском «Носе» (русским аналогом этого имени является фамилия Кузнецов)⁴. Таким же «украинским» прозвищем (или фамилией на «украино-

⁴ Хотя современный «Словарь русских народных говоров» дает картину распространения слова «коваль» (кузнец) в большинстве русских говоров — лишь с некоторым преобладанием в южных (см.: [Филин (гл. ред.) 1978: 25]), однако «Словарь Академии Российской» 1814 г. приводит слово «коваль» с пометой «редкоуп<отребляемое>» (слово «кузнец», которое находится в том же томе словаря, такой пометы не имеет) (см.: [САР: 201, 472]). Показательно при этом, что В. И. Даль в своем словаре сопроводил слово «коваль» пометой «южн<ое>» [Даль 1881: 129], а Б. Д. Гринченко, со своей стороны, в «Словаре української мови» привел только слово «коваль» (опустив при этом слово «кузнец») (см.: [Гринченко (ред.) 1909, т. 2: 260]). Указанные факты позволяют утверждать, что в XIX в. слово «коваль» употреблялось преимущественно в Южной Руси.

польский» лад) наделен городничий Сквозник-Дмухановский в «Ревизоре». Его имя происходит от украинского слова «дмухати» — дуть, сквозить. (Добавим, что первоначально фамилия этого героя была Сквозник-Прочуханский. Согласно малороссийской поговорке, внесенной Гоголем в «Книгу всякой всячины...», «прочухана дать (высечь, проучить)».)

Соответственно прозван в «Ревизоре» и «подосланный» из Петербурга чиновник Хлестаков. Подобно тому, как прозвища Чичикова и Прочуханского взяты Гоголем из «Книги всякой всячины...», фамилия этого мнимого ревизора тоже произведена от выражения, встречающегося (и даже дважды) в той же рукописной книге. Востребованной в данном случае явилась строчка «Дав Бог хлосты...» (из «Вирши, говоренной Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения»; РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 34), а также последующее пояснение к ней: «Хлосту дать (розгами высечь)» (из раздела «Пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссийские»; РГБ. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 191) [Виноградов 2021b: 59–60]. В этом отношении фамилия героя оказывается прямо соответствующей наказующей функции ревизора. Можно добавить, что в словах гоголевского Пасичника в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» тоже обнаруживаются следы обращения Гоголя к «Книге всякой всячины...»: среди гостей-рассказчиков он называет Харлампия Кириловича Хлосту [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 164].

Замечено также — и давно, — что «украинкой» в «Мертвых душах» является «дубинноголовая» помещица Коробочка [Данилов]. Список этот можно продолжить (см. подробнее: [Виноградов 2020a; 2020b]).

Не подлежащая сомнению любовь Гоголя к родному краю, к Малороссии, не препятствовала ему быть объективным в оценке отдельных уроженцев и обитателей Украины. Имея в виду недостойных чиновников из своих земляков, Гоголь еще в «ранний» период своего творчества, в 1834 г., писал о них как о «низких разночинцах», которые, несмотря на занимаемые ими подчас важные должности, высокого дворянского, ответственного звания, — которое они страстно желали получить (и которое получали), — были недостойны. Главным предметом обличительного пафоса Гоголя было в этом случае разоблачение «корысти, так свойственной разрушающим дикарям» (выражение цитированной статьи «О движении народов в конце V века» [Гоголь 2009–2010, т. 7: 333]). В «Старосветских помещиках», говоря о благородстве «всех малороссийских старинных и коренных фамилий», Гоголь одновременно обличал «низких малороссиян, которые выдираются из детярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков» и «наводняют Петербург ябедниками» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 282–283].

В этой связи уместно назвать и других немалочисленных «малороссийских» героев Гоголя — разнообразных довгочунов, перерепенков, пацюков, халаяв, солох, хавроний, предателей андриев, панов-сотников и панов-воевод — демонических отцов роскошных ведьм и пагубных соблазнительниц. Последний

мотив присущ не только гоголевским «Вию» и «Тарасу Бульбе». Капризная красавица Оксана в «Ночи перед Рождеством», «хорошенькая кокетка», едва не погубившая Вакулу, доведшая его до мыслей о самоубийстве, — любуясь собой, говорит: «...у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! <...> Все это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 173]. В основу этой реплики — и, по-видимому, самого сюжета повести о «царицыных черевичках» — Гоголь положил украинскую народную песню «На риченьки, та на дощечки», сохранившуюся в его собрании русских и малороссийских песен:

«Дывитесь, чоловиченьки,
Яки у мене черевиченьки.
Се ж мині пан отец покупив,
Щоб хорошій молодець полюбив...»
[Гоголь 2009–2010, т. 17: 299].

Затронутый здесь мотив представляет собой еще один разительный пример, сколько разнообразной пищи — и для сатиры, и для лирического воодушевления — давала Гоголю малороссийская стихия.

Таким образом, произведенная Гоголем от слова «чичик» из народной загадки фамилия Чичиков характеризует главного героя «Мертвых душ» как хищного «кота»-стяжателя, подобного древним завоевателям — «львам» и «тиграм» всемирной истории, о которых писатель размышлял в 1834 г., за год до начала работы над поэмой, в статье «О движении народов в V веке». Упоминания о «хищных котах» в «Старосветских помещиках» (тоже 1834 г.), образы «низких малороссиян» в той же повести объединяют центрального персонажа «Мертвых душ» с целым рядом других сатирических героев Гоголя, прототипами которых, в свою очередь, явились его земляки, уроженцы и обитатели Южной России — городничий Сквозник-Дмухановский, «ревизор» Хлестаков, майор Ковалев, помещица Коробочка — не говоря уже о героях собственно «малороссийских» произведений писателя, с характерными именами.

Не лишне добавить, что Чичиков не только по имени, но и как целостный образ, с конкретными чертами, представлял для Гоголя тип определенно малороссийский. Ближайшим реальным прототипом знаменитого героя писателю послужил малоизвестный украинский чиновник из Житомира, «охотник страшный до степей и Крыма» Семен Данилович Шаржинский (знакомый А. С. Пушкина) [Гоголь 2009–2010, т. 10: 270; Виноградов 2017: 327–329]. О Чичикове Гоголь писал: «Не загляни автор поглубже ему в душу... все... приняли бы его за интересного человека» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 235]. По словам Гоголя в письме к М. А. Максимовичу 1834 г., Шаржинский, «преинтереснейший и прелюбезнейший человек» [Гоголь 2009–2010, т. 10: 270] («любезнейшим и обходительнейшим» рассказчик называет также в поэме Чичикова [Гоголь 2009–2010, т. 5: 19]), до их знакомства служил сначала «по ученой части (согласно штатам, Шаржинский в 1810-х гг. был учителем второго класса в Алёшковском уездном училище Таврической губернии [Месяцеслов 1815: 509],

в 1820-х гг. — учителем истории в Сумском училище Слободско-Украинской губернии [Месяцеслов 1821: 584]. — И. В.), потом был за границей, потом в таможенных» [Гоголь 2009–2010, т. 10: 270]. Таможенником в Радзивилове был и Чичиков (на этом доходном месте ему, по словам автора, «определила» быть «сама судьба» [Гоголь 2009–2010, т. 5: 227]). При этом достойно замечания сообщение Гоголя в письме к другому земляку, Н. Д. Белозерскому, от 21 февраля 1836 г. (в период непосредственного создания «Мертвых душ»), что Шаржинский «наостряет лыжи в Радзивилов» и что там его наверняка прельстит «какая-нибудь полька» — «сядет верхом на его синие очки» [Гоголь 2009–2010, т. 11: 40]. Вероятно, к тому времени — после двух лет знакомства с Шаржинским — у Гоголя были основания приписывать прототипу Чичикова фривольное поведение. Участие в судьбе Шаржинского воображаемой радзивиловской «польки» (явно напоминающей «ветреную полячку», прельстившую Андрия в «Тарасе Бульбе» [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 316]), прямо отзывается в упомянутой ссоре Чичикова с товарищем «за какую-то бабенку» на «радзи<ви>ловской таможене» [Гоголь 2020: 93]⁵.

Будучи «универсальной», сатира Гоголя была направлена как на недостойных представителей центральной и северной России, так и на отдельных «низких» выходцев с Украины. Обитателей Северной и Южной Руси Гоголь рассматривал как подданных единой Российской державы и в своих обличениях недостойных служащих, «злокачественных» членов дворянского сословия [Гоголь 2009–2010, т. 1/2: 473], к своим землякам был так же строг и требователен, как и к великороссам.

Источники

Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.; Л.: ОГИЗ ГИХЛ, 1934. 324 с.

Гринченко Б. Д. (ред.). Словарь української мови. В 4 т. / Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядковав, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ: Друкарня Акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького, 1909. Т. 2. 573 с.; Т. 4. 564 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля: в 4 т. 2-е изд., испр. и значительно доп. по рукописи автора. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.

Данилов В. В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки. Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя. Чернігов, 1940. Т. 1. С. 77–91.

⁵ Обращаясь еще раз к выписанной Гоголем в 1820-х гг. загадке: «Бигла чичиточка мимо мои вориточки, выбиг чичик, вона й стала», — можно сказать, что в самом характере изображения «любезнейшего и обходительнейшего» лицемерного героя-хищника Чичикова Гоголь следует часто свойственному народным загадкам парадоксу, когда под персонажем вполне «невинным» и безобидным — под «птицей» чечетом (чечиком) — оказывается лицо по своим повадкам прямо противоположное, агрессивное и опасное, — «скрывается» кот.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1815. СПб.: При Императорской Академии наук, 1815. Ч. 1. 714 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб.: При Императорской Академии наук, 1821. Ч. 1. 1021 с.

Плавт. Комедии / Пер. с латин. А. В. Артюшкова; Комментар. И. Ульяновой. М.: Искусство, 1987. Т. 1. 672 с.

Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонья. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж: Оплешиник, 1954. 224 с.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб.: При Имп. Академии Наук, 1814. Ч. 3. 1444 с.

Симонов М. Т. Українські приказки, прислів'я та інше. Збірники О. В. Маркевича та інших. Спорудив М. Номис. СПб.: В друкарнях Тиблена та комп. та Кулиша, 1864. 304 с.

Gogol N. Les Âmes Mortes: En 2 tomes / Trad. du russe par E. Charrière. T. 1. Paris: Hachette, 1859. 346 p.

Литература

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. 672 с.

Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020а. № 1 (15). С. 237–282.

Виноградов И. А. Малороссия и Великороссия в сатире Н. В. Гоголя // Вестник Костромского государственного университета. 2020b. Т. 26. № 3. Июль–сентябрь. С. 128–133.

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. 864 с.

Виноградов И. А. А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021b. № 1 (4). С. 32–69.

Виноградов И. А. Неизвестная книга Н. В. Гоголя 1834 г.: замысел, контекст, реминисценции // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 8–54.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 8. Мертвые души. Том второй / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2020. 830 с.

Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Монография. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. 261 с.

Гольденберг А. Х., Гончаров С. А. Легендарно-мифологическая традиция в «Мертвых душах» // Русская литература и культура Нового времени. СПб.: Наука, 1994. С. 21–48.

Мельничук О. С. (гл. ред.). Етимологічний словник української мови: У 7 т. Т. 6. Київ: Наукова думка, 2012. 568 с.

Симеон (Томачинский В. В.), архим. Путь-дорога у Данте и Н. В. Гоголя: «Божественная комедия» и «Мертвые души» // Два века русской классики. 2022а. Т. 4, № 1. С. 58–67.

Симеон (Томачинский В. В.), архим. К вопросу о генезисе фамилии Чичиков: новая версия // Гоголь и вектор движения русской литературы. Двадцать первые Гоголевские чтения.

Сб. научных статей по материалам Междунар. научн. конф. Москва, 19–21 мая 2021 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н. В. Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2022b. С. 62–66.
Синицкая С. В. Об именах у Гоголя // Русская литература. 1998. № 3. С. 272–273.
Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т русского языка. Словарный сектор; Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1978. Вып. 14. 376 с.; Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с.

References

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk dialects]. Iss. 14. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 376 p.; Iss. 22. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 368 p.
- Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 volumes (15 books)]. Comp., prep. of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kyiv, Publishing House of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.
- Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 23 t.* [Complete works and letters: In 23 volumes]. Vol. 8. *Mertvye dushi. Tom vtoroi* [Dead Souls. Volume Two]. Texts and comments prep. by N. L. Vinogradskaya, E. E. Dmitrieva, I. A. Zaitseva, Yu. V. Mann, A. S. Sholokhova. Moscow, Nauka Publ., 2020. 830 p.
- Gol'denberg A. X. *Arkhetipy v poetike N. V. Gogolya. Monografiya* [Archetypes in the poetics of N. V. Gogol. Monograph]. Volgograd, Publishing House of VGPU "Peremena", 2007. 261 p.
- Gol'denberg A. X., Goncharov S. A. [Legendary and mythological tradition in "Dead Souls"]. *Russkaya literatura i kul'tura Novogo vremeni* [Russian literature and culture of modern times]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 21–48. (In Russ.)
- Melnichuk A. S. (ch. ed.). *Etimologichnii slovník ukrains'koi movi: U 7 t.* [Etymological dictionary of Ukrainian language: U 7 volumes]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 2012, vol. 6. 568 p.
- Simeon (Tomachinskii V. V.), archim. [On the issue of the genesis of the surname Chichikov: a new version]. *Gogol' i vektor dvizheniya russkoi literatury. Dvadsat' pervye Gogolevskie chteniya* [Gogol and the vector of movement of Russian literature. Twenty-first Gogol readings], Proc. of the International Scientific Conference, Moscow, May 19–21, 2021, Moscow Department of Culture, "N. V. Gogol's House — Memorial Museum and Scientific Library", edited by V. P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publishing House, 2022, pp. 62–66. (In Russ.)
- Simeon (Tomachinskii V. V.), archim. [The path-road of Dante and N. V. Gogol: "The Divine Comedy" and "Dead Souls"]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 58–67. (In Russ.) Available at: http://rusklassika.ru/images/2022-4-1/02_Tomachinskiy_58-67.pdf (accessed 26.09.2022).
- Sinit'skaya S. V. [On Gogol's names]. *Russkaya literatura*, 1998, no. 3, pp. 272–273. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, vol. 2. 672 p. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [The Mayor's career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's political views]. *Literaturnyi fakt*, 2020a, no. 1 (15), pp. 237–282. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [Little Russia and Great Russia in the satire of N. V. Gogol]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020b, vol. 26, no. 3, July–September, pp. 128–133. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. *N. V. Gogol' i tsenzura. Vzaimootnosheniya khudozhnika i vlasti kak klyuchevaya problema gogolevskogo naslediya* [N. V. Gogol and censorship. The relationship between the artist and the authorities as a key problem of the Gogol heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021a. 864 p. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [A. S. Khomyakov and N. V. Gogol: the problem of relationships]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, 2021b, no. 1 (4), pp. 32–69. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [Unknown book by N. V. Gogol in 1834: idea, context, reminiscences]. *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 1 (23), pp. 8–54. (In Russ.)

Полиптотон в лирике Пушкина

Ольга Львовна Довгий, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), olga-dovgy@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170028370-6

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает серию публикаций автора, на практике демонстрирующих принципы работы микрофилологического подхода к тексту, в основе которого перенесение исследовательского фокуса с макроуровня (идейно-тематического) на микроуровни (особенно грамматический и фонетический). В настоящей статье представлены интерпретации двух стихотворений Пушкина («Туча» и «Буря») в свете грамматики — в частности, фигуры полиптотона (многопадежия). В качестве главной призмы использована оппозиция «именительный падеж / косвенные падежи» (для настоящего исследования семантические различия между косвенными падежами менее важны, чем их общность в противопоставлении падежу именительному), отражающая развитие драматического движения и расстановку персонажей стихотворений: переход существительного из именительного падежа (например, *тучи* в одноименном стихотворении) в косвенный часто знаменует переход из «активной» зоны, с позиции «главного персонажа» в зону «страдательных», «подчиненных персонажей» и наоборот (*девы* в стихотворении «Буря»). Анализ использования в лирике чередования падежных окончаний существительных и личных местоимений наглядно показывает, как грамматика, часто оказываясь динамической пружиной стихотворения, из чисто лингвистической сферы переходит в разряд сильных художественных средств, обогащая и план содержания, и план выражения, позволяя увидеть, как глубина содержания отражается на микроуровнях текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. С. Пушкин, грамматика поэзии, микрофилологический подход к тексту, полиптотон

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Довгий О. Л. Полиптотон в лирике Пушкина // Русская речь. 2023. № 5. С. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170028370-6.

The Language of Fiction

Polyptoton in Pushkin's Lyrics

Ol'ga L. Dovgij, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), olga-dovgy@yandex.ru

ABSTRACT: The paper pursues the series of the author's publications demonstrating in practice the principles of the microphilological approach to the text, which is based on the transfer of the research focus from the macro-level (ideological and thematic) to the micro-levels of the text (especially grammatical and phonetic). This article presents interpretations of two Pushkin's poems ("Cloud" and "Storm") in the light of grammar — in particular, polyptotone (multi-occurrence). The opposition "nominative case / indirect cases" is used as a prism (for this study, semantic differences between indirect cases are less important than their commonality in opposition to the nominative case), reflecting the development of dramatic movement and the arrangement of characters. For instance, the transition of a noun from the nominative case (for example, clouds in the poem of the same name) to the indirect one often marks the transition from the active region, from the position of the "main character" to the region of "passive", "subordinate characters" and vice versa (e. g. virgo in the poem "Storm"). The analysis of the alternating case endings of the nouns and personal pronouns in the poems clearly demonstrates how grammar, often functioning as a dynamic spring of a poem, moves from the purely linguistic sphere into the category of strong artistic techniques, enriching both the content plan and the expression plan, allowing you to see how the depth of the content is reflected at the micro-levels of the text.

KEYWORDS: A. Pushkin, grammar of poetry, microphilological approach to the text, polyptoton

FOR CITATION: Dovgij O. L. Polypoton in Pushkin's Lyrics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170028370-6.

Главный принцип микрофилологического метода интерпретации художественного текста — «перенесение исследовательского фокуса с макроуровня (принадлежность к литературному направлению, жанру и т. д.)

на микроуровень текста (анализ топики, грамматики, фонетики, рифмы и т. д.)» [Кулагина 2018: 34], системное исследование «поэтики мелочей» и ее роли в общем художественном замысле автора. В поле зрения «микро-филолога» автоматически попадает все, что связано с «грамматикой поэзии». «Поэтическая грамматика отличается от школьной», — заметил В. В. Биbihин [Биbihин 2009: 586]. В фундаментальной статье М. И. Шапира подробно описаны эти отличия: изложена история «грамматического» направления, названы имена развивавших его филологов, рассмотрены его основные теоретические принципы: «Формула “грамматика поэзии” получила признание после работ Р. О. Якобсона, хотя имела к этому времени почти полувековую историю. Лингвистическое изучение языка художественной литературы находилось в русле ломоносовской традиции, продолженной Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней, — они включили стилистику, риторику и поэтику в контекст языкознания, а непосредственное становление термина и соответствующей отрасли филологии было связано с деятельностью Общества изучения поэтического языка (Опояза), Московского лингвистического кружка (МЛК) и Пражского лингвистического кружка (ПЛК)... Определение поэзии как своего рода языка потребовало изучения его особой структуры, и в поэтику были спроецированы “лингвистические приемы и методы анализа”... Понимание поэтики как “морфологии” словесного искусства было свойственно многим филологам Москвы и Петрограда, таким как М. А. Петровский, В. М. Жирмунский, А. А. Реформатский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, В. Я. Пропп, Б. И. Ярхо и др.» [Шапир 2015: 327–328]. В последние годы «грамматическое направление» становится все более актуальным: выходят исследования, где теория переплетается с интерпретациями конкретных произведений, в частности русских поэтов (К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, А. А. Блока, С. А. Есенина, Вяч. Иванова, Н. А. Заболоцкого, И. А. Бродского и др.) — например, двухтомник «Поэтическая грамматика», подготовленный Институтом русского языка имени В. В. Виноградова [Красильникова (отв. ред.) 2006; Красильникова (отв. ред.) 2013], монография Е. А. Скоробогатовой «Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени)» [Скоробогатова 2012], книга Я. И. Гина, долгие годы занимавшегося изучением поэтики грамматических категорий и разработкой метода интерпретации поэтического текста с использованием грамматической оптики [Гин 2017]; появляются статьи, посвященные грамматике поэзии конкретных авторов, например Егору Летову [Темиршина 2022], и даже отдельным грамматическим единицам, например предлогу «в» [Эпштейн 2003]. Но, странным образом, грамматическая оптика пока мало применяется к поэзии Пушкина. К классическим работам В. В. Виноградова [Виноградов 1941], Г. О. Винокура [Винокур 1959], Р. О. Якобсона [Якобсон 1983], А. К. Жолковского [Жолковский 1977; Жолковский 1979], Ю. К. Щеглова [Щеглов 2008] мало что можно добавить.

Суть отношений Пушкина с грамматикой трудно сформулировать лучше Якобсона: «...в поэзии Пушкина путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики... Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений; выдвинутые путем взаимного противопоставления грамматические категории действуют подобно поэтическим образам; в частности, искусное чередование грамматических лиц становится средством напряженного драматизма» [Якобсон 1983: 462].

По Якобсону, использование грамматики может быть рассмотрено как альтернатива риторическим фигурам замены: «Так называемая “безобразная поэзия”, или “поэзия мысли”, широко применяет “грамматическую фигуру” взамен подавляемых тропов. И боевой хорал гуситов, и пушкинское “Я вас любил...” являются наглядными образчиками монополии грамматических приемов» [Якобсон 1983: 469].

Об «искусном чередовании грамматических лиц» — падежа и числа (или о роли грамматического персонажа по имени «полиптон») — в лирике Пушкина и пойдет речь в настоящей статье. «Полиптон (многопадежие; в лат. терминологии — *derivatio, variatio*) — фигура, в которой слова повторяются с вариациями падежных форм (в более широком понимании — также с вариациями форм числа и рода). При полиптоне слово изменяется падежным склонением или изменением рода и числа» [Махов 2010: 440].

Этот прием был хорошо известен уже Кантемиру: «а) *Конструкции, построенные на фигуре полиптона*: “из передней в переднюю”, “из дома в дом”, “от доски до доски”, etc.» [Кулагина 2018: 55], активно используется он и в поэзии начала XX века, «ориентированной на обнажение приема..: Бежит волна — волной волне хребет ломая...» [Скоробогатова 2012: 348].

В основе нашей интерпретации — оппозиция, «именительный падеж / косвенные падежи», основанная на «иерархии падежных значений», «особое положение именительного падежа: имя (предмет), стоящее в именительном падеже, приобретает в высказывании ведущую роль — говорящий фиксирует на нем свое внимание» [Якобсон 1985: 143]. Семантические различия падежей для настоящего исследования менее важны, чем их общность в противопоставлении падежу именительному по принципу различия активного действия / «страдательного» состояния; отнесения к главным/второстепенным персонажам. Нами двигало стремление проследить, как драматическое развитие лирического сюжета и отношения между персонажами стихотворений выражены падежной оппозицией. На практике такое выделение грамматического «сюжета» при чтении художественных произведений неизбежно приводит к «одушевлению» грамматических категорий.

Перейдем к анализу.

«Туча» (1822)

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом объехала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес
[Пушкин 1959, т. 2: 432].

Стихотворение, написанное в форме обращения к туче, озаглавлено существительным в именительном падеже. За судьбой тучи мы и будем следить по изменению характеризующих ее падежных окончаний. Первая фраза — восклицательная — патетическое обращение к туче. Туча стоит в именительном падеже, обладает определением «последняя» и еще сохраняет связь со своим родовым сообществом *бурей*. Но потерпевшая поражение буря туче уже не защита — поскольку стоит в косвенном падеже и определяется эпитетом «рассеянная». Далее уже *туча* несет память о некогда мощной *буре*, являясь ее синекдохой¹: по силе этой тучи можно судить о былой мощи самой бури.

Начиная со второй строки заголовочное существительное уступает место личному местоимению второго лица.

Одиночество тучи выражено троекратной анафорой² *одна ты*. Туча и одна — сильная. Пока она в именительном падеже, она многое может. Главная ее сила — в способности «наводить» косвенный падеж на многие светлые явления, фактически затемнять их:

лазурь — несешься по светлой лазури (отметим очень быстрый темп тучи);
день (к тому же ликующий) — печалишь ликующий день.

Лазурь и *день* даны через строчку. Между ними строка, где нет никакого существительного, подверженного влиянию тучи; зато там есть самая суть ее действий:

Одна ты *наводишь унылую тень*.

В глаголе «наводишь» корень — *вод* — от «водить», а не от «воды», но в слогe *вод* связь с водой слышится. Эта «тень воды», насылаемая тучей в прошлом,

¹ Синекдоха понимается как метонимия, устанавливающая количественное отношение между буквальным и подразумеваемым смыслом употребленного слова/выражения [Махов 2010: 424].

² Анафора возникает, когда одно и то же выражение дважды или большее число раз повторяется в начале стихов [Махов 2010: 440].

хорошо сочетается с «унылой тенью», которую «наводит» туча. Не сказано — на кого и на что наводит туча тень. Значит, ответ — на все, мимо чего проносится.

Туча, проносясь по небу, — «убирает» букву *р* из слов, по которым «движется». В *лазури* есть *р* есть радость — а в следующих двух строчках буквы *р* нет, но есть аллитерация³ на *л-н* — создающая ощущение уныния:

наводишь унылую тень;
печалишь ликующий день.

Печалишь и *ликующий* не случайно поставлены рядом: в слове *последний* фонетически сливаются и «последность», и печаль, и «лишность» (окончание *лишь*).

И все это делает одна единственная туча. Пушкин применяет здесь прием «отказа от зевгмы⁴» (выделение приема наше — см.: [Довгий 2021: 125–126]): обычно экононый и не склонный к операции риторического прибавления, он прибегает к троекратному анафорическому повтору. Можно было бы написать: «Ты наводишь, несешься, печалишь». Но Пушкину нужно растянуть удивление от действий тучи — и тут нужна ретардация⁵, нужен повтор:

Одна ты наводишь... / Одна ты несешься... / Одна ты печалишь...

Затем происходит смена грамматического времени с настоящего на прошедшее. Туча показана во всем былом величии. Она по-прежнему в именительном падеже, она сильна аллитерациями и властью ставить все, с чем соприкасается, в косвенный падеж — например, *небо*:

Ты небо недавно кругом облежала.

Далее снова идет троекратный анафорический повтор — на этот раз повторяется союз *и* (заметим снова в скобках: все эти три *и* семантически различны меж собой). Появляется новый персонаж в именительном падеже — *молния*. Это помощница тучи. Она ставит тучу в косвенный (родительный) падеж:

И молния грозно тебя обвивала.

Отметим и анафорический повтор слога (туча небо обвивала, молния тучу облежала), подчеркивающий синонимию и синхронность действий тучи и молнии. В данном случае постановка в косвенный падеж, как и *грозное* обвивание, носит защитный для тучи характер, помогающий ей в следующих двух строках выполнять свою миссию снова в именительном падеже:

И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Результатом защитных действий молнии оказывался *гром*. Получается своеобразная каузальная цепочка, выраженная игрой падежей: *молния* в именительном обвивает *тучу* в родительном, а усиленная *туча*, вернувшаяся

³ Повтор сходных согласных.

⁴ Присоединение нескольких оборотов к «одному слову» [Махов 2010: 443].

⁵ Задержка развития действия, замедление.

в именительный, издает *гром* в винительном. И тут Пушкин для ускорения темпа и сокращения рассказа о подвигах тучи использует зевгму. Правда, ее никто за зевгму не признает, т. к. она неосложненная и выглядит как обычная конструкция с одним подлежащим и двумя однородными сказуемыми (*ты издавала и пошла*). Действие тучи подано как благородное и полезное — но на уровне грамматики это все та же постановка окружающих предметов в косвенный падеж. На этот раз — *земли*:

И алчную *землю* поила дождем.

Дождь в творительном падеже относится к группе «дарителей» (*молнии-грома* и — шире — не названной здесь *бури*), а *земля* в дательном к группе одариваемых (эпитет *алчную* в применении к земле свидетельствует о долгожданности дождя).

Итак, *туча* и то, что она производила, было полезно. А что дальше?

А дальше следует повелительное обращение к туче — уже без повторения личного местоимения:

Довольно, сокройся...

В следующих строках идет наступление существительных в именительном падеже на ставшую безымянной тучу:

земля (та, что алчно поглощала производимый тучей дождь) *освежилась* — и уже не помнит благодеяния тучи;

буря (та, что могла бы защищать тучу) *промчалась*, фактически предала.

Возглавляет и завершает это наступление новый персонаж — тоже в именительном падеже. Это *ветер*. Он тоже обладает властью ставить существительные, с которыми соприкасается, в косвенные падежи. Он совершает одновременно два действия: одно выражено глаголом, другое деепричастием. В обоих случаях несовершенный вид. В отношении к листьям деревьев его действие — ласка:

лаская *листочки* *древес*.

Отметим уменьшительно-ласкательную форму *листочки*, находящуюся в полной гармонии с семантикой деепричастия глагольной формы (*лаская*) и аллитерацию на *л-с*. В начале разбора мы писали, что туча убирает букву *р* из слов, по которым проносится. Ветер, и сам обладающий этой буквой, положение восстанавливает: *древес*. Архаическая форма существительного рифмуется с самым последним словом стихотворения: *небес*. *Небеса* тоже в косвенном падеже — они *успокоенные*. Небо в начале стихотворения и небеса в конце в косвенных падежах — но в разных (об этом можно бы написать отдельное исследование). В поэзии ветер, как правило, волнует. А в этом стихотворении *ветер* просто экзорцист: он ласкает листочки и успокаивает небеса, а тучу — гонит. Мысль о демонологической составляющей поддержана ассоциацией со стихотворением «Бесы», где глагол *гонят* применен к *бесам разным*:

Сколько их, куда их гонят?

Кстати, там тоже в картину включены листья — с ними сравниваются гонимые бесы:

Закружились бесы разны, словно листья в ноябре...

Итак, судьба тучи показана сменой именительного падежа личного местоимения на косвенный. Грамматический каркас стихотворения можно представить так: сначала туча была в именительном падеже и была сильна: (*ты* наводишь, *ты* несешься, *ты* печалишь, *ты* облежала, *ты* издавала, *ты* поила). Потом время именительного падежа для тучи кончилось. Туча поставлена в родительный падеж — и это знак ее полного поражения (*тебя* гонит ветер).

«Буря» (1825)

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури
[Пушкин 1959, т. 2: 117].

Кто «главный» в стихотворении? Уже привычно спросим у падежей. *Буря* в заглавии в именительном падеже явно претендует на роль главного персонажа. Посмотрим, подтвердит ли падежное движение стихотворения ее претензии.

В первой строке возникает *дева* в винительном падеже. Может ли она претендовать на роль главного? На первый взгляд, вряд ли. Она объект, к тому же, скорее всего, чисто виртуальный. На явно риторический вопрос «Ты видел?» (местоимение *ты* здесь тоже совершенно риторическое; собеседник — условный) ответ предполагается скорее всего отрицательный.

Дальше появляются новые претенденты на роль главного. Все в именительном падеже:

Море. У него есть глагол с дополнением (*играло с берегами*) и деепричастный оборот *бушуя в бурной мгле*. Заметим, как уверена в своей победности *буря*: она распространяется в эпитеты и одевает собой мглу.

Луч. Он тоже богато оснащен. У него есть определение: он не просто луч — он *луч молний*. Это семантически значимая замена: луч бывает у солнца и луны. К тому же налицо рассогласованность числа: единственный луч от множества молний — какой силы он должен быть? Наверное, вполне может заменить луч солнца. У луча есть глагол *озарял* и его группа. Такой мощный луч нужен, чтобы озарять — и не как-нибудь, а с временным (*всечасно*) и цвето-

вым (*блеском алым*) шлейфом — деву, по-прежнему стоящую в винительном падеже, но отправленную уже в область местоименных именований (*ее*).

Ветер. У него два глагола — аллитерационно близкие *бился* и *летал*. Они нужны для взаимодействия даже не с самой девой — а с ее покрывалом; парегменон⁶ заставляет ветер передать покрывалу свои свойства (*летал — летучее*). Белое летучее покрывало⁷ (с которым к тому же интересно биться ветру), алый блеск молний — и сплошная игра: игра моря, игра ветра, игра аллитераций. Вся эта романтическая картина — воображаемая; она дана под знаком вопроса.

А дальше — тон меняется и идут два утверждения.

1. О красоте моря и неба.

Море — *прекрасно*. Ему сопутствует диафорический повтор словосочетания *в бурной мгле*. Краткая форма прилагательного позволяет ему выступить в роли сказуемого.

Небо — тоже прекрасно. Но для неба сказуемое не повторено. Хватит зевгмы: «прекрасно море и небо». Для неба есть аллитерационно богатое расширение *в блесках без лазури*. *Блески*, безусловно, в родстве с *блеском* из предыдущей части.

2. Финальное утверждение начинается с союза *но* и фактически отменяет все вышеприведенные описания красот претендентов в именительном падеже: *Но верь мне*. Повелительное наклонение, никаких доказательств — просто *верь*. Это похоже на магическое заклинание.

И дальше — радикальный грамматический поворот: статичная дева на скале игрой стихий и стиха переносится в именительный падеж (и скала ей как пьедестал); наделяется качественно более высокой степенью прилагательного (*прекрасней*), а волны, небеса и сама буря скопом спускаются в косвенный падеж, признавая свое поражение. Риторически очень сильный ход: показать, как прекрасны соперники. От этого победа девы, превосходящей их — и каждого в отдельности, и всех вместе (данных в перечислении), — оказывается еще ценнее. И налицо эффект обманутого ожидания: заглавный персонаж оказывается совсем не главным.

Подведем итог. Интерпретация двух пушкинских стихотворений сквозь призму грамматической оппозиции «именительный падеж / косвенные падежи» позволила нам увидеть отражение нарастания драматического напряжения, развития и разрешения драматического конфликта на микроуровне текста — на уровне грамматики, на беглый взгляд, незаметной игры грамматических категорий.

Литература

Бибихин В. В. Грамматика поэзии. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ, 1941. 620 с.

⁶ Повтор однокоренных слов.

⁷ О роли покрывала как медиатора, «преображающего для романтика мир», см.: [Махов 2023: 50].

- Винокур Г. Р. Пушкин и русский язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206.
- Гин Я. И. Поэтика грамматики / Сост., подгот. текста С. М. Лойтер: Электронное издание. Петрозаводск, 2017. 181 с.
- Довгий О. Л. Грамматика поэзии в сатирах А. Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Сер. лит. и языка. 2017. № 1. С. 15–21.
- Жолковский А. К. Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил...» // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1977. № 3. С. 252–263.
- Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам. 11: Семиотика текста. Тарту, 1979. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 467). С. 3–25.
- Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика: монография / И. И. Ковтунова и др.; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова и др. Т. 1. М.: Азбуковник, 2006. 429 с.
- Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика: монография / И. И. Ковтунова и др.; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова и др. Т. 2. М.: Азбуковник, 2013. 317 с.
- Кулагина О. Л. Сатиры А. Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты: дисс. д. филол. наук / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2018. 617 с.
- Махов А. Е. Фигуры // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. С. 437–455.
- Махов А. Е. Своеобразие романтического мировосприятия в лирике А. С. Пушкина 1820-х годов // Махов А. Е. Избранные сочинения. Т. 1. О русской литературе. Тула: Аквариус, 2023. С. 21–150.
- Пушкин А. С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1959. С. 342–351.
- Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1959. 799 с.
- Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, 2012. 236 с.
- Темиришина О. В. Грамматика поэта. Структуры внутренней речи в лирике Егора Летова // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2022. № 80. С. 269–290.
- Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // UNIVERSUM VERSUS. Язык — стих — смысл. Кн. вторая. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 327–346.
- Щеглов Ю. К. «Гармоническая точность» и «поэзия грамматики» в стихотворении Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье») // Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea / Eds. A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Part I. Stanford, 2008. P. 177–210 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 35).
- Эпштейн М. Н. Предлог «в» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 86–95.
- Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р. Избранные работы: Пер. с англ., нем., франц. языков. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

References

- Bibikhin V. V. *Grammatika poezii* [Grammar of poetry]. St. Petersburg, Ivan Limbakh's Publ., 2009. 592 p.
- Dovgij O. L. [Grammar of poetry in the satires of A. D. Kantemir]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2017, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.)

- Epshtein M. N. [The preposition “in” as a philosopheme. Frequency dictionary and the main question of philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.)
- Gin Ya. I. *Poetika grammatiki* [Poetics of grammar]. Comp., prep. of text by S. M. Loiter. Petrozavodsk, 2017. 181 p.
- Krasil'nikova E. V. (resp. ed.). *Poeticheskaya grammatika: monografiya* [Poetic grammar: monograph]. Vol. 1. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006. 429 p.
- Krasil'nikova E. V. (resp. ed.). *Poeticheskaya grammatika: monografiya* [Poetic grammar: monograph]. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013. 317 p.
- Kulagina O. L. *Satiry A. D. Kantemira: poetika, konteksty, interteksty: diss. ... dr. filol. nauk* [Satires A. D. Kantemir: poetics, contexts, intertexts: diss. ... dr. philol. sci.] / Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2018. 617 p.
- Makhov A. E. [Figures]. *Evropeiskaya poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniya: Ehntsiklopedicheskii putevoditel'* [European poetics from antiquity to the Enlightenment: Encyclopedic guide]. Moscow, Kulagina's Publ., 2010, pp. 437–455. (In Russ.)
- Makhov A. E. [The originality of the romantic worldview in the lyrics of A. S. Pushkin in the 1820s]. Makhov A. E. *Izbrannye sochineniya. T. 1. O russkoi literature* [Selected works. Vol. 1. About Russian literature]. Tula, Akvarius Publ., 2023, pp. 21–150. (In Russ.)
- Pushkin A. S. [Refutation of critics and comments on his own works]. *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [Collected works: In 10 volumes]. Vol. 6. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, pp. 342–351. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [Collected works: In 10 volumes]. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 799 p.
- Shapir M. I. [“Grammar of poetry” and its creators (Theory of “poetic language” by G. O. Vinokur and R. O. Yakobson)]. *UNIVERSUM VERSUS. Yazyk — stikh — smysl. Kniga vtoraya* [UNIVERSUM VERSUS. Language — verse — meaning. Book second]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2015, pp. 327–346. (In Russ.)
- Shcheglov Yu. K. [“Harmonic precision” and “poetry of grammar” in Pushkin's poem “K***” (“I remember a wonderful moment”)]. *Russian literature and the West. A tribute for David M. Betha*. Eds. A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Part I. Stanford, 2008, pp. 177–210 (= Stanford Slavic Studies. Vol. 35).
- Skorobogatova E. A. *Grammaticheskie znacheniya i poeticheskie smysly: poeticheskii potentsial russkoi grammatiki (morfologicheskie kategorii i leksiko-grammaticheskie razryady imeni)* [Grammatical meanings and poetic meanings: the poetic potential of Russian grammar (morphological categories and lexico-grammatical categories of the name)]. Khar'kov, Kharkov National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda, 2012. 236 p.
- Temirshina O. V. [Poet's Grammar. Structures of internal speech in the lyrics of Egor Letov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata. Filologiya*, 2022, no. 80, pp. 269–290. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, OGIZ Publ., 1941. 620 p.
- Vinokur G. R. [Pushkin and the Russian language]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 189–206. (In Russ.)
- Yakobson R. [Poetry of grammar and grammar of poetry]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 462–482. (In Russ.)
- Yakobson R. [To the general doctrine of case. The general meaning of the Russian case]. Yakobson R. *Izbrannye raboty: Per. s angl., nem., frants. yazykov* [Selected works: Trans. from English, German, French languages]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 133–175. (In Russ.)
- Zholkovskiy A. K. [Analysis of Pushkin's poem “I loved you...”.]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yazyka*, 1977, no. 3, pp. 252–263. (In Russ.)
- Zholkovskii A. K. [Pushkin's invariants]. *Trudy po znakovym sistemam. 11: Semiotika teksta* [Proc. on sign systems. 11: Semiotics of the text]. (Scientific journal of Tartu State University. Issue 467). Tartu, 1979, pp. 3–25. (In Russ.)

Голубая лошадь гоголевского Ноздрева: цветообозначения и конские масти

Владимир Анатольевич Коршунков, Вятский государственный университет (Россия, Киров),
vla_kor@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170028371-7

АННОТАЦИЯ: Ноздрев в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя хвастался своими необычными лошадьми — голубой или розовой шерсти. Насколько фантастичны такие животные? Водились ли они в России? В статье разбирается вопрос о так называемых голубых лошадях. Комментирование этого места в «Мертвых душах» требует обращения к лингвистическим аспектам литературного текста. Цветообозначения у славян (и конкретно — в древнерусском и русском языках) активно исследовались многими учеными, однако реконструируемая картина до сих пор не вполне ясна в деталях. Кроме того, славянская гиппологическая лексика — весьма древняя, со своими особенностями, непростая для изучения. Привлечение текстов, созданных коневодами-практиками, позволяет уточнить высказанные лингвистами суждения. Так называемая голубая масть лошадей была известна в России издавна, «кони голубые» впервые упомянуты в новгородской берестяной грамоте XIII в. Сейчас такую масть называют мышастой. Термин «голубой» прежде мог пониматься как серый. Цвет шерсти голубых (мышастых) лошадей — пепельно-серый, с черной гривой, хвостом, ногами. Такие лошади в старину очень ценились. Однако гоголевский герой, хвастаясь, вполне мог подразумевать животных небывалых — лазоревых, небесно-голубых, в соответствии с уже современным представлением о том, каким именно является голубой цвет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. В. Гоголь, «Мертвые души», масти лошадей, цветообозначения, «голубые лошади», словари, семантика, пословицы и поговорки

для цитирования: Коршунков В. А. Голубая лошадь гоголевского Ноздрева: цветообозначения и конские масти // Русская речь. 2023. № 5. С. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170028371-7.

The Language of Fiction

Light-Blue Horse of Nikolai Gogol's Nozdryov: Color Terms and Equine Coat Colors

Vladimir A. Korshunkov, Vyatka State University (Russia, Kirov), vla_kor@mail.ru

ABSTRACT: Nozdryov in the “Dead Souls” by Nikolai V. Gogol boasted of his unusual horses with light-blue or pink equine coat color. Were these animals mythical? Did they inhabit Russia? This paper deals with the issue of so-called blue horses. The commenting on this passage in the Gogol’s “Dead Souls” requires an appeal to linguistic aspects of the literary text. Color terms among Slavs (and specifically in the Old Russian and Russian languages) have been actively studied by many scientists, but the reconstructed picture is still not quite detailed. Besides, the vocabulary of hippology in the Slavic languages is very ancient, with its own characteristics and difficult to study. The texts created by practicing horse breeders and owners make it possible to clarify the conclusions of the linguists. The so-called “goluboy” (light-blue) equine coat color has been known in Russia for a long time. “Light-blue horses” were first mentioned in the Novgorod birch bark of the 13th century. Now such equine coat color is called “myshastaya” (mousey, like a mouse). The term “goluboy” (“light-blue”) could previously be understood as gray. The coat color of “light-blue” (mousey) horses is ash-gray, with a black mane, tail, and legs. These horses were highly valued. However, Gogol’s hero Nozdryov could mean unprecedented, extraordinary light-blue (sky-blue) animals, in accordance with the contemporary understanding of this color, given that he was boasting.

KEYWORDS: Nikolai Gogol, “Dead Souls”, equine coat colors, color terms, “light-blue horses”, dictionaries, semantics, proverbs and sayings

FOR CITATION: Korshunkov V. A. Light-Blue Horse of Nikolai Gogol’s Nozdryov: Color Terms and Equine Coat Colors. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2023. No. 5. Pp. 117–128. DOI: 10.31857/S013161170028371-7.

Проблематика. У Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» о хвастовстве Ноздрева сказано: «...Или провретса самым жестоким образом, так что наконец самому делается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг

расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнеши: “Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить”» [Гоголь 2012: 68].

Насколько фантастичны такие животные — «голубой или розовой шерсти»? Водились ли такие в России? Речь здесь пойдет главным образом о так называемых голубых лошадях.

Комментирование этого места в «Мертвых душах» Гоголя требует обращения к лингвистическим аспектам литературного текста. Цветообозначения у славян (и конкретно — в древнерусском и русском языках) активно исследовались многими учеными, однако реконструируемая картина до сих пор не вполне ясна. Соответствующие термины некогда могли обозначать иные оттенки цвета, нежели ныне. Кроме того, на протяжении веков их семантическое наполнение, как правило, значительно изменялось. Это в полной мере относится к прилагательному *голубой*. Проблема становится еще более запутанной применительно к домашним животным: гиппологическая лексика — весьма древняя, со своими особенностями. Привлечение текстов, созданных коневодами-практиками, позволит уточнить высказанные лингвистами суждения.

Цветообозначениями у Гоголя в связи с изучением его поэтики много занимался Андрей Белый, который подкреплял свои наблюдения подсчетами лексики, выявляя частотности и соотношения. Отметив, что Гоголь учился живописи, он приходил к выводу, что у Гоголя «сюжет в цвета впаян» (Белый прописывал это курсивом) [Белый 1934: 72–73]. Современные ученые также интересуются данной тематикой, см., например: [Орлова 2004; Алимпиева, Сотниченко 2013; Михиенко 2020; Михиенко 2021]. Признано, что цветовая палитра, использованная писателем, у которого не бывает случайных деталей, может характеризовать его намерения, пусть и не явные. При этом Белый не брал в расчет такие термины для обозначения цвета, которые, по его формулировке, являлись «условностью языковых обиходов», «условностями “цветного” жаргона» [Белый 1934: 120], то есть не были оценочными или символическими, а выражали прямой, номинативный смысл. Видимо, поэтому те гоголевские цветообозначения, что указывают на лошадиные масти, обычно из поля зрения исследователей выпадают.

Что за масть? В ямской книге Вышнего Волочка середины XVI в. упоминались голубые кони, которых разводили в Тверском крае. Проезд в упряжке с таким конем стоил в 15 раз дороже, чем с каким-либо другим [Лебедева 1977: 12]. Если этим сведениям можно доверять (слишком уж велика разница цен), то, видимо, дело не в каких-либо особых скоростных свойствах этой породы. В прошлом соображения престижа были очень важны, когда дело касалось приобретения, подбора, оснащения коней и экипажа — так же, как в наше время марка личного или служебного автомобиля. Правителям России издавна и неоднократно приходилось принимать постановления, регламентируя пышность выезда и количество лошадей в упряжке.

На русских иконах святых Флора и Лавра, покровителей лошадей, наряду с конями серыми, рыжими, чалыми, вороными иногда попадаются конские фигуры, написанные голубой краской [Курская 2016]. Да, в России и в древности, и в XIX в. выращивали коней так называемой голубой масти. Они были редки, а потому ценны. В справочнике В. П. Бурнашева о них говорилось: «Голубая или мышастая масть конская есть та, в которой все волосы пепельного цвета. <...> Это довольно редкая и ценная масть» [Бурнашев, т. 1: 148]. По разъяснению ученого-ипполога и литератора В. А. Курской, очевидно, на иконах так изображали мышастую масть: «В действительности такие лошади пепельно-серые, иногда с заметным голубым оттенком; грива, хвост, ноги и ремень на спине у них черные» [Курская 2016]; «Мышастые лошади имеют пепельный окрас корпуса, иногда с синеватым оттенком» [Курская 2019: 26]. По ее словам, «мышастая масть встречается относительно редко» [Курская 2019: 27]¹. Подобранный иконописцами оттенок пусть и не соответствовал реальному окрасу животных, зато намекал на их масть. К тому же видные, красивые скакуны вполне подходили изображенным на иконах высокочтимым святым. Указание Бурнашева помогает понять, отчего в старину проезд на голубых конях стоил дорого.

Русские люди неплохо представляли себе, что это за масть. У В. И. Даля в большом своде пословиц и поговорок среди суждений о лошадях имеется такое: «Удастся голубец (*голубая лошадь*), не надобен и дубец» [Даль 1993, т. 3: 621]. В другом месте Даль приводил эту пословицу в двух вариантах — том же самом (добавив вопросительный знак, обозначив сомнение): «Удастся голубец, не надобен и дубец (?)», а еще — в таком: «Удастся — голубец; не удастся — дубец» [Даль 1993, т. 1: 139]. Указав оба варианта в своем «Толковом словаре», он пояснял: «*Голубец* означает здесь голубого коня, который, на редкость, удастся лихим, и тогда не нужно дубца, погонялки...» (здесь и далее в цитатах из Даля курсив автора. — В. К.). Второй вариант, по его мнению, искажен «непонятием», потому как конь-голубец перепутан с совершенно другим по происхождению словом — *голбец* (также и *голубец*), а это «могильный памятник, срубом, с крышей, будкой, домиком...» [Даль 1956, т. 1: 371].

Значит, согласно догадке Даля, если не получится («не удастся») правильным образом соорудить голбец над могилой, то вместо него выйдет простая деревяшка — «дубец». Впрочем, предполагать здесь путаницу двух разнородных «голубцов» (надмогильного памятника и лошади), кажется, нет необходимости. Главное: Даль определенно указывает, что *голубец* — это такой конь². В его «Толковом словаре» имеется пояснение: «Народ *голубым* называет то синее, то серое или темнокоричневое цвета; *голубая лошадь*, пепельная, мышастая, иногда даже и с желтизной...» [Даль 1956, т. 1: 370]³. Словосочетание *голубая*

¹ См. также: [Курская 2012].

² См. также: [Филин (гл. ред.) 1970: 332, 336, 338–339].

³ Голубой и желтый цвета нередко обозначались однокоренными либо даже одними и теми же терминами. Во всяком случае, в индоевропейских языках термины, образованные от одного и того же корня, могли получать значения голубого либо желтого цвета [Преображенский 1910–1914: 142; Фасмер 1996, 1: 433; Бахилина 1975: 193–194; Аникин 2017: 162].

лошадь («лошадь сиреневой масти») записано также в Сибири (неизвестно, в какой именно части Сибири); *голубой конь* («конь пепельной масти») — конкретно в Tobольской губернии. Голубыми могли называть других животных — пепельно-серых коров, серо-дымчатых с белым куриц, черно-бурых лисиц. Вообще *голубая* масть — пепельная или же серо-дымчатая с белым [Филин (гл. ред.) 1970: 340; Бахилина 1975: 194 (прим. 97)]. Еще в диалектах русского языка отмечены слова *голубанушко* («конь пепельно-серой масти»), *голубко* («лошадь голубой масти; кличка такой лошади») [Филин (гл. ред.) 1970: 332, 338–339]. В Олонецкой губернии бытовала загадка о мыши: «Конек голубой, вести на базар — не купят» [Садовников 1959: 184] (примечательно, что *голубая* масть иначе именовалась *мышастой*).

Н. Б. Бахилина отмечала, что в датированных древнерусских текстах термин *голубой* встречается не ранее XIV в. и первоначально лишь для обозначения конской масти. Она приводила пример из духовной грамоты Патрикея (конец XIV — первая четверть XV в.): «...Да кобылка голуба». Бахилина писала: «Судя по тому, что в памятниках различается название масти серой и голубой, следует полагать, что это не был просто серый цвет, а, вероятно, серый с каким-то оттенком. Трудно точно определить, был ли это цвет светло- или темно-серый с синевой, серовато-голубой, или серовато-желтый, серовато-бурый или какой-то другой оттенок, который нужно было уточнить в масти скота» [Бахилина 1975: 192–194]⁴.

Отмеченную у Бахилиной датировку появления термина *голубой* как обозначения масти можно уточнить: *кѣни голубыи* фигурируют в документе, составленном до XIV в., а именно в новгородской берестяной грамоте № 142 (вторая половина XIII в.). Опубликовавший берестяную грамоту А. В. Арциховский комментировал это выражение, указав и на духовную грамоту Патрикея, и на более позднюю, 1503 г., духовную грамоту князя рузского Ивана Борисовича (*мерин голуб*), и на документы XVI–XVII вв. По его суждению, «это название масти, а не ласкательный эпитет⁵: голубые лошади названы рядом с лошадьми других цветов». Он верно заметил, что «грамота дает древнейшее упоминание этих лошадей» [Арциховский, Борковский 1958: 21]⁶.

Терминология цветообозначений. Цветообозначения в речи людей далекого прошлого подчинялись иной логике, не похожей на современную. Иной раз куда важнее было, светлые или же темные тона у каких-либо предметов либо поверхностей. Или так: светятся они либо нет. Даже как именно светятся: собственным ясным светом или тусклым отблеском в полумраке.

⁴ О том, что поначалу так называли только конскую масть, см. еще: [Аникин 2017: 162].

⁵ Разумеется, это не ласкательный эпитет. О развитии такого рода переносных значений у термина «голубой» уже в XX в. см.: [Качаева 1984].

⁶ Комментарий Арциховского напечатан также в иных изданиях новгородских берестяных грамот. Н. Б. Бахилиной эта грамота была известна, равно как и топоним *Голубой лес* из Ипатьевской летописи за 1187 г. [Бахилина 1975: 193 (примеч. 94)]. Основные древнерусские упоминания прилагательного *голубой* приведены у И. И. Срезневского [Срезневский 1893: 546].

Славяне в древности отчетливо различали три основных цвета: белый, черный, красный. И наделяли каждый из них переносным (так сказать, этическое-эстетическим) значением — хорошее и полезное, дурное и злое, красивое и привлекательное. Прочие части спектра виделись и осознавались несколько нечетко, неопределенно. Термины для более тонких, специальных оттенков в русском языке — заимствованные и сравнительно поздние: оранжевый, фиолетовый, розовый, палевый, изумрудный, лазоревый, пурпурный...

Что же до точного определения цвета голубой конской масти, то слово *голубой* в славянских языках могло обозначать разные оттенки синего, сизого, серого, темноватого. Оно однокоренное с названием голубя [Berneker 1908–1913: 322–323; Moszyński 1955; Шанский (ред.) 1972: 121–123; Трубачев (ред.) 1979: 217; Колесов 1982: 31, 33–34; Черных 1994, т. 1: 201–202; Кожемякова 1998; Аникин 2017: 162, 165]⁷. Эти птицы обычно темные, сизые, а не светло-синие, лазоревые или васильковые: «...Голубых голубей как будто не бывает» — сказано в словаре П. Я. Черных [Черных, т. 1: 201] (разрядка автора. — В. К.). Упоминание в древнерусском языке, равно как и в одном из древних индийских языков, *белого* голубя [Норманская 2005: 239, 286]⁸ требует дальнейших уточнений: по-видимому, белая (или просто светлая) окраска, которая сейчас встречается у этих птиц часто, проявлялась у них и прежде. Весьма странно звучит объяснение Г. П. Цыганенко: «Название **голубь** дано птице по ее цвету: первонач. “желтый”, затем это слово стало восприниматься со знач. “лазурный”» (полужирный шрифт автора. — В. К.) [Цыганенко 1989: 88]. Голуби — не желтые⁹. Конкретизация же, что у голубя синим либо голубым отливают перья шейные [Фасмер 1996, т. 1: 432; Шанский, Иванов, Шанская 1971: 108; Цыганенко 1989: 87], для этимологии слов *голубь* и *голубой* кажется излишней¹⁰. Тем более

⁷ Попытка И. А. Герасименко выяснить, почему термин *голубой*, наряду с привычным сейчас значением «светло-синий, ясный, яркий», в далеком прошлом мог обозначать цвета темных оттенков, исходит из нелепой, псевдоисторичной «арктической теории» и совершенно неудовлетворительна [Герасименко 2008]. См. также: [Герасименко 2021].

⁸ Ср. также: «Именно таким “цветом” — ‘светлым, но не белым’ — и представлялась окрашенной птица, получившая название *голубь*» [Кожемякова 1998: 141] (курсив автора. — В. К.). Едва ли цвет перьев обычного, беспородного голубя уместно называть светлым, так что этимология слова *голубь* этим отнюдь не проясняется. Это слово, согласно К. Мошинскому, происходит от обозначения цвета синего (темно-синего) и поначалу так называли дикого голубя [Moszyński 1955]. Такой вывод не противоречит предположению, что светлые перья, наряду с обычными сизыми, у некоторых разновидностей голубей могли встречаться и в прошлом. Кажется, приручение голубей началось у восточных славян давно: последнее, заключительное отщипление княгини Ольги древлянам отнесено в летописи к 946 г. Она наложила на них дань: по три голубя и по три воробья от двора. Воины Ольги привязали к птицам трут, подожгли и выпустили. Птицы полетели в город древлян, причем голуби — в свои голубятни.

⁹ Возможно, это всего лишь неудачная формулировка, поскольку Г. П. Цыганенко, в согласии с большинством ученых, утверждала, что название голубя относится к тому же индоевропейскому корню, от которого происходят прилагательные *голубой* и *желтый* [Цыганенко 1989: 87–88]. Действительно, русские слова *голубой*, *желтый*, *зеленый* — в конечном итоге, однокоренные.

¹⁰ Ср. суждения двух видных специалистов по этой теме (которые в некоторых публикациях были соавторами). В. Е. Моисеенко утверждал: «Дефиниция Фасмера “голубой от голубь — по синему отливу шейных перьев голубя”... представляется корректной» [Моисеенко 2004: 226] (курсив

что у голубя-сизаря на шее (с переходом на грудь) перышки не столько синие, сколько перламутровые. И переливаются они не то чтобы синевой, а скорее чем-то металлическим, зеленоватым, малиновым. Филолог-славист К. Мошинский разглядел на шее краковских голубей «яркий, металлический, зеленый и пурпурный блеск» [Moszyński 1955: 189] — но не синий.

А. В. Арциховский в комментарии к берестяной грамоте XIII в. так рассуждал о цвете *голубой* лошадиной масти: «Можно подумать, что данное слово, производное от “голубь”, означало тогда “серый”, но это опровергается противоположениями...» Он приводил пример из документа 1585 г., где упоминались два мерина — «один сер, а другой голуб». А в рукописи XVI в. о «камне бирюза» говорилось, что «цвет на нем голуб». Арциховский делал вывод: «Слово “голубой” имело современный смысл...» [Арциховский, Борковский 1958: 21]. Едва ли это так. Разумеется, лошадей небесно-голубого цвета не было ни в XIII–XVI вв., ни позже. Просто надо иметь в виду размытость определения *голубой* в далеком прошлом. Оттенки такого цвета, как можно заметить, бывали различны — и пепельно-сероватый, и бурый, и более светлый, и с желтизной. Что называли в конкретном случае (например, в определенном уголке Руси в 1585 г.) голубой мастью, наряду с мастью серой, нам уже в точности не выяснить¹¹.

«Редко удаются». Так нафантазировал ли гоголевский Ноздрев свою голубую лошадь?

Среди старинных архивных документов имеются тексты, указывающие на таких животных. В 1722 г. в «полюбовной договорной записи» двух ясашных татар из Казанского уезда отмечалось, что у одного из них пропал «мерин же голубой» [РГИА 3533: л. 260 об.]. В 1766 г. вдова из Котельничского уезда завещала сыну «две кобылы голубую да соловую» [РГИА 4830: л. 63]¹².

В той части сборника пословиц и поговорок И. И. Иллюстрова, где говорится о сватовстве, даны советы выбирать жену с толком, вровень по себе — из подходящего сословия: «У цыгана не купи лошади; у попа не бери дочери» и т. п. В качестве пояснения Иллюстров привел народные суждения, найденные им у В. И. Даля и в двух сборниках XVIII в.: «Поповы дочери — что голубые лошади: редкая удается» (это из Даля); «Поповы дети — что голубые лошади: редко удача бывает»; «Поповы дети — что голубые кони: редко удаются». Иллюстров добавлял, что украинцы судили противоположным образом: «попина дивка» — самая подходящая [Иллюстров 1904: 106]¹³. А среди пословиц и поговорок Даля можно вдобавок выискать народное суждение, будто сыновья

автора. — В. К.). В то время как К. Гадани, судя по всему, полагал, что дело вовсе не в синем цвете голубиных перьев: «В русском языке прилагательное “голубой”, связанное этимологически с “голубь”, первоначально значило “серый”» [Gadányi 2007: 63].

¹¹ Такой вывод А. В. Арциховского критиковал также Г. Ф. Одинцов [Одинцов 1978: 204], он не принимается и современными исследователями. См. также: [Трубачев (ред.) 1979: 217].

¹² Я очень благодарен историку А. Л. Мусихину, указавшему мне на эти документы.

¹³ Ср. еще старинную пословицу, приведенную Г. Ф. Одинцовым: «Поповы дети что голубые лошади ре[т]ко удаются» [Одинцов 1978: 204].

священно- и церковнослужителей нечасто бывают толковыми: «Удача — попovich, просвирнин сын (*т. е. редкий удается*)» [Даль 1993, т. 1: 133].

В пословицах и поговорках XVIII–XIX вв. голубые лошади уподоблялись тем людям, которые редко «удаются» (то есть не слишком годным, толковым, хорошим). Означает ли это, что лошади голубой масти были плохи? Этот вывод контрастировал бы с теми свидетельствами, согласно которым они редкие и ценные.

В. Е. Моисеенко обратил внимание на то, что в говорах Русского Севера прилагательное *голубой* иногда применяется безотносительно к цвету: например, в словосочетании *голубой конь*, то есть резвый, бодрый, хороший (в том же значении на Урале записано слово *голубец*) [Моисеенко 2004: 226]. Сведения о цене проезда на таких скакунах в середине XVI в. этому вполне соответствуют. Так что они, конечно же, ценились. Тогда пословицу «Поповы дети — что голубые лошади: редко удача бывает» нужно понимать вот как: толковый попovich или хорошая поповна — такая же диковина, как голубой конь среди прочих, обычных жеребцов и кобыл.

Выводы. Ноздрев хвалился еще и лошадю «розовой шерсти». Г. Ф. Одинцов, изучавший термины, которыми описывались конские масти, пытался объяснить реальность и таких животных тоже: «Однако не нужно торопиться с выводами. Так, если чистой розовой масти лошадей никто не отмечал, то розовый как основной оттенок одной сложной масти упоминает, например, Ф. М. Достоевский: “на паре старых сиво-розовых лошадей подъехали и Федор Павлович с сыном своим Иваном...” (Братья Карамазовы)» [Одинцов 1975: 99]. Одинцов — специалист по этой тематике¹⁴, но в своей статье он не счел нужным отметить свидетельство В. И. Даля (который обозначил «розовую лошадь» так: «светложелезистая и с медным отливом» [Даль 1956, т. 4: 101]). Да, это определение, встречающееся нечасто. И все же светло-коричневые и подобные им оттенки изредка называли розовыми.

Как выясняется, в России водились и лошади так называемой голубой масти. Однако Гоголь в «Мертвых душах» упоминал и о них как о несусаице. Возможно, его смех обращен на тех современников, кто не разбирался в конских мастях? Среди приятелей Ноздрева, несомненно, оказывались завзятые лошадики. И если уж бывалые люди от него, вруна, отворачивались, заметив, что тот «начал пули лить», то, получается, они явно не верили в цветастых коней.

Или же Гоголь сам не знал о таких лошадях? Книга Гоголя «Мертвые души» — это прежде всего повествование о странствиях по российским дорогам. И ведь не сказать, чтобы автор много путешествовал по России. В свои зрелые, самые творческие годы он предпочитал жить в Италии. Не очень-то заметно и его внимание к лошадям, без которых длительные поездки были тогда невозможны. О собаках и свиньях (а еще о сапогах) его персонажи упоминают, пожалуй, чаще [Кривонос 2006]. Так что, возможно, Гоголь и не слышал о таких лошадях.

¹⁴ См. также: [Одинцов 1980].

Когда гоголевский Ноздрев, похваляясь своими скакунами, упоенно расписывал совершенно невероятные оттенки их масти, он вполне мог разумеать животных небесно-голубого цвета — в соответствии с позднейшим представлением о том, каким именно является этот цвет. А таких лошадей (ясно-голубого, лазурного оттенка) и вправду не бывало.

Что же касается самих терминов для обозначения конских мастей, то, называя лошадей голубыми или розовыми, люди как бы интенсифицировали цвет их шерсти. Тогда серовато-мышастые лошади виделись голубыми, а лошади «с медным отливом» шерсти — розовыми.

Источники

Рукописи

РГИА 3533 — Крепостные книги местных учреждений, XVI–XVIII вв., Российский государственный архив древних актов, ф. 615, оп. 1, д. 3533.

РГИА 4830 — Крепостные книги местных учреждений, XVI–XVIII вв., Российский государственный архив древних актов, ф. 615, оп. 1, д. 4830.

Издания

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб.: Типография К. Жернакова, 1843. Т. 1–2.

Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1904.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. Т. 1.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. 1.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heldelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908–1913. Bd. 1.

Литература

Алимпиева Р. В., Сотниченко Ю. А. Цветообозначения как средство реализации концепта *жизнь* в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 34–40.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 11. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии СО РАН, 2017. 368 с.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 152 с.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.

Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит., 1934. XIII, 322 с.

Герасименко И. А. Смысловое наполнение цветообозначения *голубой* // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 1. С. 37–43.

- Герасименко И. А. Цветообозначения в русском языковом пространстве (лингвокультурологический аспект). Горловка: Издательство ГО ВПО «ГИИЯ», 2021. 408 с.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7. Кн. 1. М.: Наука, 2012. 809 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1–3. М.: Русская книга, 1993.
- Кацаева Л. А. Может ли голубое быть зеленым и розовым? // Русская речь. 1984. № 6. С. 20–25.
- Кожемякова Е. А. К вопросу об «отпредметности» общеславянских цветообозначений *golqъbъj и *vogъ(jъ) // Четвертые Поливановские чтения: Сб. науч. ст. по мат. докл. и сообщений / Отв. ред. И. А. Королева. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 1998. Ч. 1. С. 139–143.
- Колесов В. В. История русского языка в рассказах. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1982. 191 с.
- Кривонос В. Ш. Собачий код в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 112–120.
- Курская В. А. Масти лошадей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Известия, 2012. 478 с.
- Курская В. История лошади в истории человечества. М.: Ломоносовъ, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://educ.wikireading.ru/hex7156c2k> (дата обращения: 27.10.2022).
- Курская В. А. Идентификация мастей лошадей как экстерьерного признака в коневодстве: Дис. ... канд. сельскохозяйств. наук / Рос. гос. аграрный ун-т — МСХА им. К. А. Тимирязева. М., 2019. 182 с.
- Лебедева А. А. О зимнем гужевом транспорте русских крестьян в XIX — начале XX в. // Полевые исследования Института этнографии. 1975 г. / Гл. ред. С. И. Вайнштейн. М.: Наука, 1977. С. 11–19.
- Михиенко С. А. Цвет, его прагматический аспект и особенности функционирования в художественном мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя (на материале повестей «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница») // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 60–64.
- Михиенко С. А. Цвет, его семантика и особенности функционирования в художественном мире «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя (на материале повестей «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшая грамота») // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2021. № 1. С. 37–41.
- Моисеенко В. Е. О наименовании цвета *golqъbъ(jъ) // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2 / Под ред. Н. Е. Ананьевой, З. И. Карцевой. С. 225–229.
- Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 379 с.
- Одинцов Г. Ф. О розовых, зеленых и голубых лошадях // Русская речь. 1975. № 4. С. 99–103.
- Одинцов Г. Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1978. С. 172–221.
- Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Орлова И. А. Цветовая палитра в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русская речь. 2004. № 6. С. 13–18.
- Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М.: Издательство МГУ, 1959. 335 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 222 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стер. Т. 1. СПб.: Терра — Азбука, 1996. 576 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 6. М.; Л.: Наука, 1970. 358 с.
- Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стер. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 623 с.
- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 4. М.: Издательство Московского университета, 1972. 215 с.

- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 546 с.
- Gadányi K. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). Melbourne: Academia Press, 2007. 218 с.
- Moszyński K. Skąd poszła nazwa *gołqb?* // Język polski. 1955. R. 35. № 3. S. 189–194.

References

- Alimpieva R. V., Sotnichenko Yu. A. [Color naming as a means of realizing the concept of a life in the poem "Dead Souls" by N. V. Gogol]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2013, iss. 8, pp. 34–40. (In Russ.)
- Anikin A. E. *Russkij etimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 11. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS; Institute of Philology SB RAS Publ., 2017. 368 p.
- Artsikhovskii A. V., Borkovskii V. I. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1955 g.)* [Novgorod manuscripts on the birch bark (from excavations in 1955)]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 152 p.
- Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [The history of color terms in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 286 p.
- Belyi A. *Masterstvo Gogolya: issledovanie* [Mastery of Gogol: a study]. Moscow, Leningrad, OGIZ, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1934. XIII, 322 p.
- Chernykh P. Ya. *Istorko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. 2nd ed., ster. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 623 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannykh i Nacional'nykh Slovari Publ., 1956.
- Dal' V. I. *Posloviцы russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Vol. 1–3. Moscow, Russkaya Kniga Publ., 1993.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 6. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1970. 358 p.
- Gadányi K. Sravnitel'noe opisaniye prilagatel'nykh tsveta v slavyanskikh yazykakh (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo yazykov) [Comparative description of the color adjectives in Slavic languages (on the basis of Russian, Serbian, Slovenian, Croatian languages)]. Melbourne, Academia Press Publ., 2007. 218 p.
- Gerasimenko I. A. [Semantic content of the color naming goluboi]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2008, no. 1, pp. 37–43. (In Russ.)
- Gerasimenko I. A. *Tsvetooboznacheniya v russkom yazykovom prostranstve (lingvokulturologicheskii aspekt)* [Color designations in the Russian language space (linguistic and cultural aspect)]. Gorlovka, GIYA Publ., 2021. 408 p.
- Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 23 t.* [Complete collected works and letters: In 23 vols.]. Vol. 7. Book 1. Moscow, Nauka Publ., 2012. 809 p.
- Kachaeva L. A. [Can blue be green and pink?]. *Russkaya rech'*, 1984, no. 6, pp. 20–25. (In Russ.)
- Kolesov V. V. *Istoriya russkogo yazyka v rasskazakh* [The history of Russian language in stories]. 2nd ed., revised. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 191 p.
- Kozhemyakova E. A. [On the question of the "subjectivity" of the common Slavic color designations *golqъъ and *vornъ(jъ)]. *Chetvertye Polivanovskie chteniya: Sb. nauchnykh statei po materialam dokladov i soobshchenii* [Fourth Polivanov readings: Collection of scientific articles based on reports and presentations]. Ed. by I. A. Koroleva. Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 1998, part 1, pp. 139–143. (In Russ.)

- Krivosos V. Sh. [The *dog code* in the novel "Taras Bulba" by N. V. Gogol]. *Filologicheskii zhurnal*, 2006, no. 1 (2), pp. 112–120. (In Russ.)
- Kurskaya V. A. *Masti loshadei* [Horse suits]. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow, Izvestiya Publ., 2012. 478 p.
- Kurskaya V. *Istoriya loshadei v istorii tselovechestva* [History of a horse in human history]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. Available at: <https://educ.wikireading.ru/hex7156c2k> (accessed: 27.10.2022).
- Kurskaya V. A. *Identifikatsiya mastei loshadei kak ekster'nogo priznaka v konevodstve*: dis. ... kand. sel'skokhoz. nauk [Identification of the horse colors as an exterior sign in horse breeding: Dis. ... cand. agricult. sci.]. Moscow, 2019. 182 p.
- Lebedeva A. A. [About the winter horse-drawn transport of Russian peasants in the 19th – early 20th centuries]. *Polevye issledovaniya Instituta etnografii*. 1975 g. [Field research of the Institute of Ethnography. 1975]. Ed. by S. I. Vainshtein. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 11–19. (In Russ.)
- Mikhienko S. A. [Color, its pragmatic aspect and functional features in the artistic space of "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol (based on the stories "Sorochinsky Fair" and "May Night, or Drowned Maiden")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2020, no. 1, pp. 60–64. (In Russ.)
- Mikhienko S. A. [Color, its semantics and features of functioning in the artistic world of "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol (based on the stories "The Evening before Ivan Kupala" and "The Missing Letter")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2021, no. 1, pp. 37–41. (In Russ.)
- Moiseenko V. E. [About the color naming *golqъbъ(jъ)]. *Slavyanskii vestnik* [The Slavic Herald]. Iss. 2. Ed. by N. E. Anan'eva, Z. I. Karceva. Moscow, MAKSS Press Publ., 2004, pp. 225–229. (In Russ.)
- Moszyński K. [Where did the name *pigeon* come from?]. *Język polski*, 1955, r. 35, no. 3, pp. 189–194. (In Polish)
- Normanskaya Yu. V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznachenii v drevnikh indoevropskikh yazykakh* [Genesis and development of color naming systems in ancient Indo-European languages]. Moscow, RAS Institute of Linguistics Publ., 2005. 379 p.
- Odintsov G. F. [About pink, green and blue horses]. *Russkaya rech'*, 1975, no. 4, pp. 99–103. (In Russ.)
- Odintsov G. F. [On the history of the Russian hippological color terms]. *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka* [Research on the word formation and lexicology of the Old Russian language]. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 172–221. (In Russ.)
- Odintsov G. F. *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom yazyke* [From the history of the hippological vocabulary in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 224 p.
- Orlova I. A. [Color palette in the poem "Dead Souls" by Nikolai Gogol]. *Russkaya rech'*, 2004, no. 6, pp. 13–18. (In Russ.)
- Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people: Collection of riddles, questions, parables and tasks]. Moscow, Moscow State University Publ., 1959. 335 p.
- Shanskij N. M. (ed.). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Iss. 4. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 215 p.
- Shanskij N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Posobie dlya uchitelya* [Brief etymological dictionary of the Russian language: A guide for a teacher]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 546 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 6. Moscow, Nauka Publ., 1979. 222 p.
- Tsyganenko G. P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. 2nd ed., rev. and add. Kiev, Radyan'ska Shkola Publ., 1989. 511 p.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. 3rd ed., ster. Vol. 1. St. Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1996. 576 p.